

ВЕТРОБОЙ

1.

Эрика задумчиво разглядывала афиши на входе в любимый рок-магазин. «Это уже месяц висит, концерт давно прошел... на этих уже два раза была, надоели... это, судя по логотипу, блэк – сами слушайте...». В общем-то, она и не собиралась никуда идти – просто ей нравилось читать афиши. «Смотрите-ка, кто к нам едет... только у меня этот день уже занят... ну и ладно, не особо и хотелось... опять блэк, сколько их развелось... стоп, а это кто такие?». На темно-синем фоне вырисовывался едва намеченный скалистый пейзаж и несколько надписей, выделялась одна – «Ветробой». Такой группы Эрика не знала, но маленькая афиша почему-то привлекла ее внимание. Оформление было очень простым, буквы логотипа не пытались притвориться славянской вязью или скандинавскими рунами – и это выгодно отличало неведомый «Ветробой» от многих собратьев по сцене, да и по этой афише. Эрика прищурилась, пытаясь разглядеть, нет ли хоть каких-нибудь сведений о группе – ни слова. Только место и время концерта. Эрика хотела отойти – мало ли, в конце концов, таких никому не известных групп? – но что-то заставляло ее снова и снова возвращаться взглядом к афише. И какой-то внутренний чертенок, который всегда неожиданно вылезает и перестраивает все планы по-своему, ожил и принялся нашептывать: «Никому не известные группы посередине афиши не пишутся! Ну и что, что афиша простая? Не хотят выпендриваться, и правильно делают! А между прочим, до клуба недалеко... И вечер свободный... Ну и что, что не с кем идти? Первый раз, что ли?». Обычно с чертенком приходилось вести настоящий бой – он выскакивал со своими идеями совершенно некстати – но сегодня Эрика только улыбнулась про себя: «А, была не была!». И направилась к кассе за билетом.

Уже на улице, убирая в сумку два диска – за которыми, собственно, и приехала сюда – Эрика осознала, что время сейчас не самое обычное – приближается ночь Самайна. «Ну и что?.. Ну и ничего, просто так». Многие группы полагали для себя чуть ли не делом чести дать концерт на Самайн или хотя бы незадолго до него – в России уже привыкли чтить кельтские традиции. Впрочем, год совершал свой круг вне зависимости от того, как называли его этапы. Но почему-то эта дата не шла у Эрики из головы.

В тот вечер все складывалось исключительно удачно. Никаких дел, никто не ждет, завтра никуда не идти, а следовательно, никого особенно не заботило, во сколько Эрика вернется домой – хоть всю ночь броди по городу. Тем более что погода была неожиданно теплая для такого времени года, и это тоже к лучшему – не надо кутаться в свитера и шарфы. Черные джинсы, любимая футболка с двумя белыми волками, легкая черная куртка... Эрика улыбнулась своему отражению в зеркале – оно ей определенно нравилось. И откуда-то из-за плеча подмигнул неумный чертенок – в кои веки все шло по его плану.

Перед маленьким клубом уже начинал собираться народ, хотя до начала еще оставалось немало времени. Эрика заняла место поближе к дверям и стала ждать. А заодно и слушать разговоры в очереди. Впрочем, ничего нового не обсуждалось – кто-то ругал семейство Осборнов, кто-то хвастался новым диском, кто-то просто болтал обо всем на свете... Но вдруг откуда-то прозвучало слово «Ветробой». Эрика прислушалась. Разговаривали двое юношей в одинаковых мотокуртках и вообще довольно похожие друг на друга – не исключено, что

братья. Говорили они негромко, но из обрывков фраз Эрика узнала, что таинственный «Ветробой» играет хэви-метал, «но нетипичный, вообще странный у них стиль», что на сцене они вроде бы уже довольно давно, но их записей пока никто не видел, а также – «вокалист у них – это что-то... Владиславом его зовут. Совершенно ненормальный... в хорошем смысле... В общем, сам увидишь». В этот момент двери наконец открылись.

Эрика сдала куртку в гардероб и быстро направилась в зал. Ей удалось устроиться у самой сцены, почти точно по центру. Рядом Эрика увидела тех же двух байкеров. Хотя подобные куртки часто носили и те, кто мотоцикл видел только на картинке, ей больше нравилось думать о них как о байкерах. Эрика облокотилась на сцену, наблюдая вечные манипуляции техников с проводами и аппаратурой. Это священнодействие повторялось от концерта к концерту, но понятнее от этого не становилось. Зато хоть немного скрашивало ожидание.

Название первой выступавшей группы Эрика не запомнила – впрочем, как и их музыку. «Нет, ну это было бы еще неплохо, – съехидничал чертенок, – если бы песни хоть немного различались. И если бы вокалист слегка подучил английский!». И Эрика опять с ним согласилась.

Перерыв затянулся. Техники опять забегали с проводами, кто-то стащил со сцены бутылку воды, оставленную ушедшей группой, кто-то наконец увидел потерявшегося знакомого и полез сквозь толпу здороваться. А толпа собралась немалая – клуб был заполнен почти до предела. Кто-то начал скандировать «Ветробой! Ветробой!», но не нашел поддержки и быстро замолк. Один из братьев отправился к бару за пивом. Вернулся он с тремя стаканами и один протянул Эрике. «Ну ладно, спасибо», – улыбнулась она в ответ, хотя пиво не слишком любила. Они познакомились: того, что повыше и пошире в плечах, звали Саней, второго – Димой, и они действительно были байкерами. Дальше этого разговор не пошел. Эрика хотела было расспросить братьев про таинственный «Ветробой», но в этот момент звучащая из динамиков композиция оборвалась на середине – значит, сейчас она все увидит сама.

За ударную установку скользнула высокая фигура, чье появление зал принял исключительно радостно. Вслед за ударником появились еще трое музыкантов. Эрика поразились их сходству – все, как на подбор, рослые и светловолосые, все в черных футболках без логотипов. Каждый приветствовал публику, вскинув сжатую в кулак правую руку – зал откликнулся единым жестом. Короткая мелодия – то ли просто еще одна проверка инструментов, то ли уже начало какой-то композиции... Ударник замер, держа палочки наготове...

– Хэй!

Эрика изумленно заморгала – вокалист словно материализовался из воздуха, во всяком случае, она не успела увидеть его выход на сцену. Высокий, широкоплечий, длинные светлые волосы в ярком свете кажутся почти белыми, правая рука поднята во все том же приветственном жесте. Снова десятки рук вскинулись навстречу, и Эрика не была исключением.

Светловолосый вокалист шагнул ближе к микрофонной стойке и запел. Пока без слов – просто голосом выводя мелодию. Через несколько секунд вступил ударник, за ним – гитары, но Эрика почти не слушала их – вокалист полностью завладел ее вниманием. Настолько сильного и чистого голоса ей давно не приходилось слышать, а уж в группе, о которой никто ничего не знал, это было настоящим открытием. А еще он был невероятно хорош собой. Волна густых светлых волос длиной почти до пояса, очень правильное лицо с немного

резкими чертами, пронзительно-голубые глаза – прямо-таки классический «истинный ариец». Одет он был очень просто, никаких цепей, шипов и прочих любимых металлистами украшений. Черные кожаные штаны, проклепанный ремень, тяжелые высокие ботинки еще увеличивают и без того немалый рост, черная футболка без рукавов не скрывает безупречной мускулатуры, на левом плече – что-то похожее на татуировку, но в постоянно меняющемся свете не разобрать. Он стоял неподвижно, раскинув руки – и в этой неподвижности было что-то хищное.

Луч света скользнул по фигуре вокалиста, и в глаза Эрике сверкнул отблеск металла. Ничего удивительного – напульсники с заклепками носили многие. Но, присмотревшись, Эрика поняла, что ошиблась. На обеих руках вокалиста красовались широкие серебряные браслеты. Словно металлический шнур в несколько оборотов плотно обвил запястье. Непривычное зрелище – и потому невольно привлекающее внимание.

Мелодия смолкла. Зал взорвался радостным криком.

– Добрый вечер!

«И тебе того же», – улыбнулась Эрика.

– С вами группа «Ветробой».

«А ты, видимо, тот самый Владислав. Ну, будем знакомы».

– Ну что? Готовы к бою?

– Да!!! – откликнулся зал.

Владислав слегка улыбнулся и кивнул музыкантам. В то же мгновение от прежнего спокойствия – что на сцене, что в зале – не осталось и следа. «Вот это да...» – выдохнул, кажется, Дима. И было отчего – музыка с первых секунд волной захлестнула зал, раскачала и увлекла за собой, голос Владислава с равной легкостью опускался до полупшепота и взмывал в поднебесные высоты. Он пел по-русски, но два или три раза в одной из песен перешел на какой-то другой язык, которого Эрика не знала, однако по жесткому и отрывистому звучанию предположила что-то скандинавское. Впрочем, она не прислушивалась к тексту, растворившись в этой ни на что не похожей музыке – и залюбовавшись Владиславом.

Им словно овладела какая-то неведомая сила. Куда только девалась бывшая неподвижность! Теперь он ни секунды не оставался на месте, от его перемещений по сцене голова шла кругом. Длинные волосы растрепались, глаза горели – Эрика улыбнулась, вспомнив какую-то статью об «одержимости» рок-музыкантов «нечистой силой». Уж не Владислава ли однажды увидел автор?

– Вперед! – машина сорвется с места,
Вдаль по трассе, солнцу навстречу,
Разрывая надвое ветер.

Дорога – твоя, и путь бесконечен.

Сжатый кулак отбивает в воздухе ритм:

- Слышишь – бьется стальное сердце,
Видишь – рассвет озаряет трассу,
Чувствуешь – вы слились воедино,
Знаешь – дороге конца не будет.

Владислав словно проживал на сцене каждую строчку. Не было вокалиста, исполняющего песню – он сам сейчас был этим гонщиком, бросившим машину в безудержный полет к солнцу.

- Вперед! – и руль ты сжимаешь крепче,

Сталь и асфальт – твои владенья,
Ты исчезаешь в алом рассвете,
В огне растаяв серебряной тенью.

Во второй раз припев подхватила половина зала, даже Эрика, впервые слышавшая эту песню. Но мотив вел за собой, и молча слушать было невозможно – только подпевать во весь голос, прыгать на месте и тянуть руки к музыкантам... Эрика взглянула в лицо Владиславу – он улыбался. И улыбнулась в ответ.

- Вперед! – и трасса уходит в солнце
Под рев мотора и песню ветра.
Никто не ждет – с тобой лишь скорость
В твоей дороге до края света.
Слышишь – бьется стальное сердце,
Видишь – рассвет озаряет трассу,
Чувствуешь – вы слились воедино,
Знаешь – дороге конца не будет.

Последние аккорды были почти не слышны за возгласами зала. В общем шуме Эрика различила: «Вперед!!!», «Ве-тро-бой!», «Владислав, давай!!!». Владислав неожиданно церемонно поклонился публике. Волна светлых волос почти коснулась сцены. Кто-то потянулся вперед, но Владислав уже снова стоял во весь рост, не обращая внимания на попытки до него дотронуться. Отошел назад, присел перед ударной установкой, как будто собираясь с силами. Только сейчас Эрика разглядела, что странные линии на его плече – вовсе не татуировка, как ей сначала показалось, а старые шрамы, глубоко исполосовавшие руку. Что это было – авария, драка? Почему-то Эрика вновь и вновь возвращалась взглядом к этим шрамам. Владислав их не скрывает, как поступили бы многие на его месте... «А зачем? – резонно заметил чертенок. – Он про свою руку уже и не помнит, наверное, привык, что так выглядит. Да и не сказать, чтобы это его портило». Но странно, что он нормально владеет рукой – такое впечатление, что плечо было порвано чуть ли не в клочья...

– Час настал, – проговорил Владислав, словно бы ни к кому не обращаясь – лишь когда на его слова откликнулись гитары, Эрика поняла, что он просто назвал следующую песню. На сей раз мелодия текла неторопливо, не прежняя буря – спокойные воды равнинной реки. Не яростный огонь – тихое пламя свечи. Над залом поднялись огоньки зажигалок, многие взяли за руки. Эрика почувствовала, что Саня ищет ее руку, и вложила свою ладонь в его. С другой стороны ее взял за руку Дима.

- Час настал, я от дней суеты ухожу,
И сомкнется листва за спиной.
На вершине холма на луну погляжу
И услышу вдали волчий вой...¹

На этих словах Владислав встал и медленно подошел почти к самому краю сцены. Протянул руку, указывая на невидимый лунный диск. Эрика вдруг вспомнила, что вчера видела над городом луну, и до полнолуния не хватало только маленького краешка... На мгновение луч прожектора, выхвативший из тени фигуру Владислава, показался серебристым лунным светом, и словно нет никакого зала, а есть лишь осенняя ночь... Может быть, и в самом деле вдали

¹ Стихи Алексея Новосельцева.

мелькнет тень хищника? Но наваждение тут же развеялось, и остался лишь голос Владислава:

- Пусть над миром летит серой стаи призыв,
Пусть луна мою шерсть серебрит,
И ответит на песнь мою ветра порыв
Над курганом, где вереск шумит.

В задних рядах кто-то неумело изобразил волчий вой. Владислав рассмеялся:

– Ну, так не годится! Это, по-вашему, волки? Так разве что щенята скулят! А вот так можете?

Он запрокинул голову – светлые волосы отливают серебром, как и браслеты на руках – глубоко вдохнул... В исполнении Владислава вой получился настолько похожим, что многие невольно поежились, словно повеяло ледяным осенним ветром. Казалось, вот-вот откликнется та самая серая стая... Нет, в луче света по-прежнему стоял один Владислав. Повторить за ним никто не решился.

Небольшая передышка словно придавала музыкантам новые силы – темп вновь взлетел до предела. Два гитариста, похожие друг на друга, как братья (разве что гитара у одного была белая, а у второго синяя, только так Эрика их и различала), играли словно один человек, пусть даже их партии и не совпадали – это походило на какой-то музыкальный диалог при полном взаимопонимании собеседников. Типтон и Даунинг², наверное, оценили бы таких последователей. Тот, что с белой гитарой, еще успевал строить рожи первому ряду и показывать на Владислава – хотя тот вряд ли нуждался в привлечении к себе дополнительного внимания. От него и так невозможно было отвести взгляд. Он выкладывался по полной, словно выступал в первый и последний раз – носился по сцене безумными зигзагами, падал на колени, вновь поднимался, в какой-то момент чуть не сбил стойку от микрофона (Саня уже приготовился ее ловить, но стойка удержалась), и вновь и вновь его сильный голос взмывал над залом. Казалось, усталость была ему вообще незнакома. Хотя раз или два Эрика заметила, как Владислав схватился за ворот своей футболки, словно тонкая ткань мешала дышать. В зале действительно было жарко, но Владислав даже не притронулся к бутылкам с водой, стоявшим на сцене. Он как будто вовсе не замечал происходящего вокруг. Впрочем, и сама Эрика, заслушавшись, почти утратила чувство реальности. Она не знала, сколько времени уже длится концерт – но это было и неважно. Был только зал, сцена и этот голос... Порой ей казалось, что Владислав обращается лично к ней – случайность, конечно же, ему не до того, чтобы выделить из десятков лиц кого-то одного – но все же раз за разом взгляд пронзительно-голубых глаз встречался с ее собственным...

Пауза между песнями чуть затянулась. Владислав то ли вспоминал следующую песню (Эрика заметила, что на сцене нет вечных листов со списком – неужто весь сет помнят наизусть?), то ли собирался с силами. Потом огляделся, словно внезапно проснувшись и только сейчас заметив протянутые к нему руки. Владислав улыбнулся:

- Так хочется до меня дотронуться? Иначе вы в меня не верите?
- В зале засмеялись.
- Ну тогда ловите!

² Гитаристы британской хэви-метал-группы Judas Priest.

И он прыгнул со сцены на руки первым рядам. Казалось, по-звериному гибкий силуэт на мгновение застыл в воздухе, прежде чем рухнуть вниз. Его подхватили – человек тридцать, не меньше, и вдвое больше тянулось хотя бы прикоснуться. Эрика осталась на месте – все равно пробиться через толпу было почти нереально. Поэтому она просто наблюдала, как Владислава с рук на руки пронесли почти по всему залу, правда, раз или два чуть не уронив. Все-таки не самая легкая ноша, с его-то ростом и сложением. Почему-то Эрика была почти уверена – даже случись такое, он успел бы приземлиться на ноги. Впрочем, проверять не пришлось – удержали. Даже не хотели отпускать. Краем глаза Эрика увидела, что футболка Владислава порвана на плече – не выдержала хватки десятков рук. Но он каким-то почти неуловимым движением высвободился и залез обратно на сцену, подтянувшись на металлической конструкции с краю. Что было принято с неизменным восторгом. Хотя Саня, потирая лоб, проворчал: «Ну точно ненормальный... Нашел в чем со сцены прыгать, пришибет и не заметит!». «Не стой под стрелой», – съехидничала в ответ Эрика. Впрочем, в глубине души она Сане искренне сочувствовала – судя по всему, удар был весьма ощутимый.

А Владислав уже снова стоял в центре сцены, оглядывая зал и словно чего-то выжидая. Когда общий шум немного стих, он заговорил:

– Вообще-то мы играем только свои песни. Но когда-то давно, в самом начале своей истории, «Ветробой» исполнял песни и других групп. Я, правда, этого времени не помню – меня тогда здесь не было.

Эрика обратила внимание, что в голосе Владислава появились странные хрипловатые нотки – неужели сорвал? Не может быть, он не похож на начинающего музыканта, не способного рассчитать свои силы, к тому же он только что пел без малейших признаков усталости или проблем с голосом... Владислав продолжал чуть громче:

– И сегодня мы сыграем песню, которая, должно быть, хорошо вам знакома. Наверное, именно с этой группы для многих началась тяжелая музыка. В том числе и для меня. Это группа...

В общем шуме Эрика различила названия почти всех известных ей групп – каждый вспоминал своих любимых исполнителей. Перекрывая возгласы из зала, Владислав выкрикнул:

– «Ария»!

Судя по единодушному восторгу, Владислав не ошибся в предположении. Да и количество футболок с охваченной пламенем эмблемой говорило само за себя.

– А название песни я вам не скажу. Потому что вы сами узнаете ее. И, надеюсь, споете вместе со мной.

Секундная пауза... взмах руки... взвилась волна светлых волос...

- Я здесь, я пришел к тебе,
Пришел вопреки судьбе...³

Эрика замерла. Песню она давно знала наизусть, но такого ей слышать еще не приходилось. В отличие от многих музыкантов, перепевавших «Арию», Владислав не пытался подражать Кипелову, хотя их голоса и были чем-то похожи. В его исполнении эта песня звучала едва ли не еще жестче и яростнее, чем оригинал. Он почти срывался на крик, каждая строка – словно удар бича:

³ Стихи Маргариты Пушкиной.

- Ты помнишь, давным-давно
Я жил, как во сне, легко,
Но раненный кем-то волк
Вонзил мне клыки в плечо...

Наверное, не только Эрика в этот момент невольно взглянула на левую руку Владислава. Где все-таки он получил эти шрамы? Но мысль мелькнула и ушла, и остались лишь давно знакомые слова:

- И я стал таким, как он –
Невидимым ясным днем,
Убийца и злой хозяин в мире ночном...

Эрика снова на мгновение встретилась взглядом с Владиславом – и невольно вздрогнула: таким холодом вдруг повеяло от его лица. Сейчас было трудно представить, что он только что улыбался, непринужденно общался с залом... Даже черты лица как будто изменились и стали жестче, в голубых глазах – лед. Владислав подошел к самому краю сцены:

- Ты невинный ангел, ангел поднебесья, в этой жизни странной...
- Ты не моя! – выкрикивает Дима в протянутый в зал микрофон.
- За тобой тень зверя...
- Вы повсюду вместе! – это уже Саня чуть оттеснил брата в сторону.
- А теперь поверь мне: зверь этот – я!

Голос понизился до зловещего полупшепота, странным образом сохраняя при этом всю свою силу:

- Позволь, я коснусь тебя –
Войдет в кровь звериный яд,
И лунный священный свет
В тебе свой оставит след...

Владислав опустился на одно колено, оказавшись точно напротив Эрики. Она не подпевала, хотя и любила эту песню – лишь заворуженно смотрела ему в глаза. Почти не осознавая этого, Эрика протянула руку к сцене, и Владислав на мгновение сжал ее ладонь: «Позволь мне тебя коснуться – или убей!». Просто совпадение, просто так удачно попала эта строка – но Эрике стало не по себе. Ощущение, что Владислав обращается именно к ней, пришло снова и уже не пожелало уходить. Впрочем, это ощущение посетило не одну Эрику – девушка из первого ряда тронула ее за плечо: «А вы что, знакомы?». Эрика молча помотала головой.

Стоном отчаяния взорвалось соло. Владислав вскочил на ноги, тряхнул головой, откидывая с лица волосы, метнулся к ударной установке, снова на край сцены... словно он сам, как и многие в зале, сейчас находился в полной власти музыки, он смотрел не в зал, а куда-то поверх голов, ища взглядом что-то неуловимое, видимое, наверное, только ему. Пронзительный вскрик гитар – и Владислав рухнул на колени, сжав кулаки. Его руки в тяжелых браслетах казались скованными. Это мерцающий свет искажает движения или он действительно с трудом вновь поднялся на ноги? Раскинул руки – резко, словно и вправду разрывая невидимые путы. Голос, мгновение назад безупречно чистый, снова зазвучал чуть хрипло:

- Смотри же в мои глаза,
Твой взгляд не понять нельзя –
Ты хочешь меня убить,
Убить и про все забыть.

А ночь, словно боль, темна,
Зверь здесь, и он ждет тебя,
Ты чувствуешь вкус охоты: зверь этот – я!

В последний раз припев полностью спел зал. Владислав лишь беззвучно проговаривал текст, вытянув вперед руку с микрофоном. Лишь на последней строке его голос влился в общий хор: «А теперь поверь мне: зверь этот – я!» – и он бессильно уронил голову на грудь, так что длинные волосы полностью закрыли лицо. Из зала протянулось множество рук, пытающихся хоть слегка коснуться его, но он их не видел и не двинулся навстречу. И на мгновение вновь показалось, что он действительно не в силах пошевелиться...

Прошло несколько секунд, прежде чем Владислав заговорил снова:

– Зверь. Зверь в каждом из нас. И сейчас – то время, когда этот зверь пробуждается. Время, когда граница миров на время исчезает. И никто не может знать, с кем или чем он встретится и каким вернется назад. Если вернется.

На его слова откликнулся тихий перебор гитары. Зал молчал – слишком непохоже все это было на привычные комментарии со сцены. Может быть, сейчас, за несколько дней до Самайна, подобные речи произносили многие – но не таким голосом и не с такими интонациями. Владислав как будто размышлял вслух или вспоминал что-то почти забытое. И так же задумчиво-отрешенно он начал петь:

- Правда или бред,
Или сон чужой –
Только помню я
Мой последний бой...

На мгновение все смолкло, три пары рук замерли на струнах... И резко, как вспышка пламени – совсем другой мотив, стремительный и яростный:

– Я замираю, раскинув руки,
Я призываю тебя из мрака,
Алое пламя тронет ладони,
Алое пламя – предвестник битвы...

Владислав застыл перед микрофонной стойкой, кулаки сжаты в угрожающем жесте. Сейчас он как никогда походил на готового к броску хищника. И вновь полунапев-полушепот:

– Вправду ли звучат
Не мои слова –
Только боль от ран
До сих пор жива...

Очень тихо, сквозь зубы – словно на самом деле пересиливает давнюю боль. Микрофон в левой руке, правая стиснула плечо, закрывая шрамы. Так зажимают только что нанесенную рану... И освещение на сцене сменило цвет, окрасив алым высокую фигуру на переднем краю... Но через мгновение ударом бича хлестнул следующий куплет:

- Полночь смешает наши обличья,
В схватке сойдемся ночью осенней,
Я задохнусь от порыва ветра,
Дикого ветра нездешней силы...

И так же, как всего несколько песен назад, почудилось – зала и сцены больше нет, стены растворились в темноте осенней ночи. Это скрипнула дверь

или где-то вдали ветер колышет ветви? И откуда в полном народа зале вдруг потянуло холодом? Голос Владислава звучал почти как заклинание:

- Я почти забыл
Темноту лесов –
Только слышу вновь
Полнолуния зов...

Последнее слово слилось с началом соло – странно, как голос и гитара могут так неразрывно переплестись... Эрика смотрела на Владислава и едва узнавала его. Резкие, изломанные движения – тень, мечущаяся в мерцании стробоскопов. Остальных музыкантов почти не было видно в полумраке. Внезапно Владислав остановился, словно натолкнувшись на незримое препятствие. Отрешенное лицо, блуждающий невидящий взгляд, пальцы судорожно комкают и без того порванный ворот... В зале и в самом деле было душно, но Владиславу, казалось, вообще не хватает воздуха... В следующее мгновение он рванул с себя футболку с таким остервенением, как будто тонкая ткань жгла кожу. Эрика ясно услышала треск материи, не выдержавшей такой хватки – и вслед за этим Владислав действительно вздохнул свободнее. А по залу прокатился тихий восхищенный возглас, да и сама Эрика не сдержалась – и было отчего. Она еще в самом начале отметила безупречное сложение Владислава, а теперь, когда он стоял перед ней обнаженным до пояса, и вовсе не могла отвести от него глаз. Не атлет, не вечный житель спортзала – воин. С какого-то момента Эрика думала о нем именно так. Может быть, такое сравнение навеяла песня, а может быть – весь облик Владислава, его точные движения, его глубокие шрамы на плече, его взгляд, где от песни к песне разгоралось странное полубезумное пламя... Владислав сорвал со стойки микрофон:

- Я захлебнусь от дикой свободы,
Боль позабыв, не чувствуя раны –
Мне еще хватит сил для удара –
И упаду на рассветный берег.

И – опустившись на одно колено, полупшепотом, под затихающий мотив:

- Помню лишь слова:
«Что же, добивай!».
Знаю – в эту ночь
Я шагнул за край...

И, словно последние силы оставили его, он рухнул лицом вниз на сцену. Свет погас, но Эрика все равно четко видела неподвижную фигуру Владислава. Прошла минута... другая... он по-прежнему не поднимался. Мысль пришла внезапно, и почему-то Эрика сразу поверила ей: это не игра и не шоу. У него действительно нет сил встать. Эрика протянула руку и коснулась одного из его браслетов, успев удивиться, насколько холоден металл, хотя в зале и тем более на сцене становилось все жарче. Владислав стиснул ее руку – сильно, до боли. Но, казалось, это придало ему сил, в льдисто-голубых глазах вспыхнуло прежнее пламя. «Спасибо», – шепнул он, прежде чем снова подняться на ноги.

Перерыв затянулся. Один из гитаристов – тот, что с синей гитарой – отошел за кулисы и некоторое время шептался там с кем-то. Басист сел на краю сцены, и там сразу собралась толпа желающих пожать ему руку, а кто-то даже протянул билет и ручку, и музыкант непослушными после долгой игры пальцами вывел свою роспись. Второй гитарист полез куда-то за ударную установку, нашел там полупустую бутылку воды и запустил ею в зал. Бутылка не была закрыта, и

первые ряды обдало брызгами – что при такой жаре было весьма кстати. И только Владислав все так же стоял в центре сцены. Эрика заметила, что он как будто не очень твердо держится на ногах... Первый гитарист подошел к нему и что-то зашептал на ухо, показывая на воображаемые часы на руке. Владислав кивнул и снова взялся за микрофон.

– Мне тут говорят, что наше время истекает, – голос, еще недавно безупречно чистый, вновь звучал хрипло, слова давались ему с трудом. – Мы не слишком вас утомили?

Единодушный вопль «Нееет!». Владислав слегка улыбнулся.

– Ну хорошо. В таком случае мы сыграем еще одну песню... совсем новую... Я сам еще не очень представляю, как она звучит, потому что написал ее три дня назад.

Одобрительные возгласы и крики «Ну давай уже!», «Сейчас заценим!». Владислав поднял руку, требуя тишины. И зал мгновенно смолк, повинувшись его жесту.

– Это еще не все, – Эрика с трудом узнавала его голос. Так говорят, когда пытаются скрыть сильную боль или предельную усталость... – Это... не совсем обычная песня. И я хочу... чтобы один из вас... сейчас... поднялся ко мне на сцену.

В первых рядах тут же образовалась плотная толпа, состоявшая преимущественно из девушек, из которой доносилось: «Пусти-и-ите!», «Владислав, меня возьми, меня!», «Подсадите кто-нибудь!», «Эй, а по головам зачем идти?!». Снова тот же повелительный жест:

– Тихо! Понимали бы сами, чего просите... – снова легкая усмешка. – Я уже знаю, кто это будет.

Он протянул руку над залом, скользя взглядом по затихшей толпе.

– Я выбираю...

Эрика замерла. Почему-то она была уверена – она знает, на кого сейчас укажет эта узкая ладонь...

– Тебя.

Первые ряды ахнули – кто от восторга, кто от зависти, кто от разочарования, что выбрали не их. А Эрика не успела ничего понять, как Саня и Дима, которых на последних песнях оттеснила толпа, уже снова оказались рядом с ней: «Давай подсадим!». Правда, сцена все равно была слишком высокой, но тут на помощь пришел сам Владислав. Он чуть присел и легко, как ребенка, подхватил Эрику на руки. Впрочем, она и казалась рядом с ним почти ребенком, хотя и была выше многих ровесниц. Эрика почти задыхалась от нереальности происходящего – ни один из музыкантов, которых она видела на концертах, никогда не проделывал такого, она слышала, что у некоторых групп есть обычай вытаскивать кого-нибудь из фанатов на сцену, но не могла и представить, что однажды это будет она... И все же это было более чем реально. Владислав держал ее на руках, она чувствовала, как бьется его сердце, ощущала на лице его горячее дыхание... Вблизи она увидела, что на его груди тоже остались старые шрамы – правда, куда менее глубокие, чем на плече... Что же с ним все-таки было? «Вообще-то мог бы и разрешения спросить», – ожил молчавший почти весь концерт чертенок, но сейчас Эрике уже точно не было до него никакого дела.

Прошло несколько секунд. Владислав все так же стоял на краю сцены с Эрикой на руках, хотя она ожидала, что он лишь поможет ей подняться сюда.

Что-то было не так. Слишком долго он так стоял, слишком сильно прижимал ее к себе – Эрика вспомнила, как минуту назад он стиснул ее руку, пальцы болели до сих пор... Ей стало не по себе. Владислав чуть опустил голову, и она увидела его глаза – отрешенный взгляд устремлен в никуда, и под тонким голубым льдом снова разгорается полубезумный огонек... Неужели это он в начале концерта улыбался и шутил с залом, неужели он не так давно прыгнул на руки публике? Сейчас в это почти не верилось. «Ну пусти же», – хотела сказать Эрика, но губы не слушались. Высвободиться она даже не пыталась – Владислав много сильнее. Его пальцы до боли впились ей в плечо, а он, похоже, ничего не замечал. Но вдруг Эрика поняла, что ей и не хочется, чтобы он разжал хватку – только бы и дальше чувствовать его присутствие рядом и видеть эти льдисто-голубые глаза... Эрика сама удивилась таким мыслям, ибо никогда не причисляла себя к армии девушек-фанаток, влюблявшихся в музыкантов, но сейчас ничего другого не шло в голову – только эти сильные руки и этот взгляд. Почему-то подумалось – наверное, так должен чувствовать себя тот, кто заморожен колдовским заклятием...

Владислав негромко проговорил:

– Я пришел один на берег,
Я шагнул грозе навстречу,
И меня укрыла полночь,
Из-за туч луна взглянула.

Вскинул голову и запел, вновь, как и в начале концерта, перейдя на незнакомый Эрике язык. Может быть, финский – только у него такое причудливо-напевное звучание... Гитары откликнулись сначала едва слышно, потом все яснее, завораживающий мотив набирал силу. И уже в третий раз все растворилось в осенних сумерках – зал, музыканты, сам Владислав... Вновь потянуло непонятным холодом, и Эрика вдруг четко увидела поросший лесом берег какого-то озера, где сама она никогда не была. Это так разыгралась фантазия или она уже стала засыпать наяву? Вроде бы обстоятельства не слишком этому способствовали... Эрика поморгала, отгоняя навязчивое видение, но оно не уходило. Более того, сквозь странный мотив пробивался то шум дождя, то плеск волн, то глухие раскаты грома... Еще немного – и она почувствует на лице холодные капли... К реальности ее вернул голос Владислава:

- Я смеялся блеску молний,
Внемля дикой песне ветра,
Уходил тропой лунной,
Исчезая в чаще леса...

Грозы над озером уже не было – только последние отблески где-то вдалеке. Сквозь рваные облака светила полная луна, такая же, как в этот вечер над городом. Мотив чуть изменился – и вместе с ним изменилась картина. Теперь Эрика видела перед собой ночной лес, куда только недавно пришла осень. Здесь не было ни дорог, ни тропинок, но между деревьями она различила высокий силуэт, похожий на Владислава. Наверное, это и был он – то же лицо, те же светлые волосы, кажущиеся серебристыми в лунном свете. Только на его руках не было браслетов, и не было шрамов на плече. И все же Эрика не сомневалась, что видит именно Владислава. Из одежды на нем только рваные джинсы, хотя – Эрика почему-то это знала – ночь холодна... Мелодия вновь изменилась, и видение померкло. Опять все тот же зал, и Владислав все так же стоит на сцене, держа Эрику на руках. Он вновь перешел на русский:

- Ночь звала меня с собою,
В серебро луна одела,
И тропа легла под ноги,
Ветви руки протянули...

Высокая фигура бесшумно скользит по лесу – тень среди ночных теней. Это действительно Владислав, хотя сейчас он едва похож на себя. Не сияющая улыбка – чуткая настороженность. Не порывистые движения рок-музыканта – мягкая поступь хищника. Замер, прислушиваясь... стряхнул с волос капли воды... и осторожно двинулся дальше, не тревожа даже прошлогоднюю листву. Длинные волосы распущены по плечам, но ни одна ветка не касается светлых прядей. Губы сжаты, взгляд устремлен куда-то вдаль, словно ищет что-то невидимое другим. На мгновение подумалось – он действительно идет на чей-то зов... Голос звучал как будто издалека:

- Силой зверя, кровью волка
Одарило полнолуние,
Я услышал голос леса,
Шелест листьев, шепот ливня...

Владислав стиснул плечо Эрики, и она едва не вскрикнула – от боли и от неожиданности, настолько резко изменилось представшее ей видение. Больше не было тишины и спокойствия ночного леса. В глухой темноте – луна скрылась за облаком – сцепились в схватке двое. По светлым волосам Эрика узнала Владислава. Она вспомнила предыдущую песню: «Только помню я мой последний бой...». Неужели все это Владислав пел о себе самом? Но где, когда это было? Кто его противник? Два силуэта сплелись так, что не различить. Светловолосый юноша падает, вновь поднимается – плечо и грудь в крови – опять бросается в атаку... Но уже нет ни его самого, ни его противника – в бою сошлись два зверя. А может быть, это ночь перемешала все черты и обличья? Некоторое время Эрика не видела ничего, кроме безумной круговерти теней, и уже начинала надеяться, что этот сон без пробуждения сейчас закончится. Почему она видит все это, откуда это взялось? Но тени расступились, и картина снова обрела ясность.

Теперь на измятой траве остался только один из противников. Владислав. Он лежит неподвижно, глаза закрыты, волосы слиплись от крови. Предрассветное небо постепенно светлеет, первый луч солнца касается распростертой на земле фигуры – и Владислав с трудом поднимается. Непонятно, как ему хватает сил держаться на ногах при такой потере крови, но он стоит во весь рост, ни на что не опираясь. Левая рука висит плетью, похоже, что плечо перебито. И все же на лице Владислава появляется странная улыбка...

Мелодия оборвалась. Нет ни леса, ни луны, ни поединка – только сам Владислав, застывший на краю сцены. Он пошатнулся, как будто заново пережив все происшедшее (почему-то Эрика была уверена – Владислав видел все то же, что и она), и медленно опустился на колени. Эрика взглянула в его глаза и невольно вздрогнула – ни ярости, ни отрешенности, лишь бездонный голубой лед. Владислав склонил голову, и светлые пряди смешались с каштановыми волосами Эрики. И едва слышно, уже без микрофона, только для нее, он договорил последние слова:

- Имя мне – рожденный лесом,
Имя мне – грозой рожденный,
Кровь моя окрасит камни,

Алый след омывает ливень.

Словно во сне, Эрика отстраненно наблюдала, как Саня помог ей спуститься обратно в зал, как Владислав срывающимся голосом произносил традиционные благодарности, как он ушел со сцены, опираясь на плечо одного из гитаристов... Она облокотилась на сцену и закрыла глаза. Сил не было больше ни на что.

2.

Кто-то из охраны тронул Эрику за плечо:

– Девушка, не спим! Вам плохо?

Саня тут же опять появился рядом:

– Слушай, отстань от человека, дай в себя прийти!

Охранник не стал вступать в спор и отошел, проворчав что-то про ненормальных рокеров. Эрика благодарно кивнула. Ей не хотелось ни с кем разговаривать, а тем более совершать какие-то действия, перед глазами все еще вставали смутные образы из песни Владислава. Что это все-таки было? Галлюцинация, бред, сон наяву? «Ага, прямо на концерте, очень располагает», – съязвил чертенок. Или она каким-то образом на самом деле увидела какой-то давний эпизод из жизни этого светловолосого вокалиста? Но как это может быть?

Чья-то рука легла ей на плечо. Эрика вздрогнула и обернулась – за спиной стоял гитарист «Ветробоя». Кажется, тот, что был с синей гитарой, за время концерта она все-таки научилась их различать.

– Испугал? Прости. Ты в порядке?

– Эээ... относительно.

– Вижу. Меня, кстати, Стасом зовут.

– А я Эрика.

Странное дело – в присутствии Стаса Эрика почувствовала себя немного лучше, по крайней мере, была в состоянии разговаривать. А ведь минуту назад ей хотелось разве что незаметно добраться до какого-нибудь темного угла и там отключиться...

– Уже прочитал, – Стас с улыбкой кивнул на правую руку Эрики, украшенную кожаным браслетом с пятью рунами, из которых складывалось ее имя. Давний подарок от однокурсницы, истершийся за несколько лет, но надпись время как будто не брало.

– Ты понимаешь руны?

– С нашим Владиславом научись, – усмехнулся Стас. – Кстати, а пойдем к нашим? Мы тут в примерке сидим. По-моему, так будет лучше. Сами наделали дел – точнее, наделал их наш вокалист – сами будем исправляться. В любом случае тебе сейчас уезжать нельзя.

Эрика лишь молча кивнула, удивившись сама себе – она куда-то идет с человеком, о котором знает только то, что он гитарист группы, которую она тоже впервые увидела не далее как сегодня. И, что самое интересное – идет без тени сомнения и даже весьма охотно. Впрочем, после всех сегодняшних событий она уже была готова ожидать чего угодно.

– Осторожно, тут ступеньки, – Стас галантно протянул руку, что было весьма кстати – Эрика шла неуверенно, словно не до конца проснувшись или только что придя в себя (что, впрочем, было правдой), да и в полумраке клуба подниматься по крутой лестнице было неудобно.

Когда глаза вновь привыкли к свету, Эрика увидела, что Стас привел ее в небольшую гримерку, где царил редкостный творческий беспорядок – природа и назначение большинства разбросанных вещей не подлежали опознанию. А среди всего этого расположились музыканты группы «Ветробой», наполовину сливаясь с окружающей обстановкой. Создавалось впечатление, что, придя сюда после концерта, каждый просто свалился где стоял. Впрочем, увидев Эрику, все улыбнулись ей, как старой знакомой... Нет, не все. Эрика оглядела гримерку и увидела Владислава.

Он полулежал на каком-то не то диванчике, не то просто сундуке, под сваленными куртками не разобрать. Голова запрокинута назад, глаза закрыты, левая рука безжизненно повисла. Как в этом видении несколько минут назад, на сцене... Эрика тряхнула головой, отгоняя воспоминание, но бесполезно – картина по-прежнему стояла перед глазами. Продолжая удивляться собственным действиям, она подошла и осторожно тронула Владислава за руку. Он не отозвался.

– Бесполезно, – подал голос Стас. – Теперь только ждать, пока в себя придет.

– Слушай, – второй гитарист чуть поднялся со своего места, – с ним же давно такого не было...

– А мы и не выступали давно. В июле две песни с половиной сыграли, это не в счет. А после майского концерта он чуть не сутки отлеживался, помнишь?

– Что с ним? – голос почти не слушался, но тем не менее Эрику услышали. Стас вздохнул:

– Самим бы знать! Владислав слишком выкладывается, правда, по-другому он, наверное, и не умеет. А потом... Ну ты видела, как он ушел со сцены, я его почти что тащил на себе. А он, между прочим, повыше меня будет! Кое-как дошел сюда, практически в состоянии зомби, рухнул в угол и отключился. Я пытался его как-то расшевелить – бесполезно, он ни на что не реагирует. Обычно все-таки оно легче проходит – ну отлеживается некоторое время, но это и все. Хотя бы с нами разговаривает. А чтобы так...

– Я его в чем-то понимаю, – слегка улыбнулась Эрика. – У меня и сейчас подобное желание есть...

– Так. Двоих в чувство приводить – это точно перебор. Будем принимать меры. Вот, держи.

Каким-то загадочным образом в руках Стаса успела появиться бутылка виски и стакан, который он и протянул Эрике. Обжигающий вкус возвращал силы, и наконец исчез непонятный озноб, не оставлявший ее еще с концерта.

– Давай я твою куртку принесу, – предложил Стас. – Чтобы уже с гардеробом не связываться. Ты явно нескоро уедешь, не то состояние.

Эрика кивнула и протянула ему номерок. Стас скрылся за дверью, но уже через минуту появился обратно вместе с курткой, сел рядом с Эрикой и наполнил свой стакан.

– Да, кстати. Сам-то я представился, а вот про остальных забыл. А Владислав и подавно о таких формальностях, как представление группы, редко вспоминает, – Стас повернулся к остальным. – Это Слава, наш второй гитарист. Собственно, мы с ним когда-то эту группу и основали. Ага, как на подбор – Станислав, Вячеслав и Владислав.

Эрика засмеялась.

– Правда, Владислав пришел позже, это вообще была отдельная история. Вот этот индивид, который сейчас поедает мои, между прочим, яблоки – это Макс, ударник. Он к нам пришел позже всех, меньше двух лет назад. А в том углу прячется Индрик.

– Игорь я!

– Все равно Индрик, – Стас показал язык. – Не, на самом деле нашего басиста зовут Игорь. Игорь Андреев. Но однажды еще наш первый вокалист, представляя группу, так зарапортовался, что обозвал его Индреевым. А там и до Индрика недалеко. Но он это прозвище не любит.

– А что за первый вокалист?

– Ооо... тут целая эпопея. Впрочем, кажется, торопиться нам все равно некуда. Ты садись, не подпирай стену.

Эрика опустила на диванчик-сундук рядом с Владиславом. Заглянула в лицо – не пришел ли в себя. Ей показалось, что в ответ на ее прикосновение его рука чуть шевельнулась... Или не показалось?

– Эрика... – проговорил Владислав, не открывая глаз. Стоп, откуда он знает ее имя? Тоже, что ли, успел прочесть надпись на браслете? А казалось, что он вообще не видит ничего вокруг... Эрика чуть сжала его руку:

– Это я. Я здесь. Что-нибудь нужно?

Владислав не ответил.

– Ясно. Некоммуникабелен, – улыбнулся Слава. – Ну хоть в себя приходит, и то хорошо.

– Не похоже что-то, – покачал головой Макс.

– Разговаривает же...

– Как показывает мой опыт, одно другому совершенно не мешает. Хотя... смотрите...

Эрика не вполне понимала, на что здесь смотреть – она все так же сидела, повернувшись к Владиславу и держа его руку в своих ладонях. Прошло несколько секунд – или минут – ничего не изменилось. «Не надо, ты не...» – начал было Стас, но в этот момент Владислав медленно открыл глаза.

Четверо музыкантов облегченно вздохнули.

– Ну наконец-то! – сказал Стас. – Ох и напугал же ты нас... Я давно знаю, что от тебя всего можно ожидать, но чтоб такое...

– Виски мне, – хрипло, сквозь зубы проговорил Владислав.

Игорь-Индрик протянул ему бутылку. Владислав молча кивнул и припал к горлышку. Он пил не отрываясь, словно там была простая вода, пока содержимое не уменьшилось почти на четверть, и только тогда поставил бутылку на стол. Эрика заметила, что он действовал только правой рукой, левая по-прежнему висела плетью. Странно – ведь совсем недавно на сцене он легко перебрасывал микрофон из руки в руку, да и Эрику подхватил именно левой...

– Проклятье... Словно меня клыками рвали...

Макс положил ему руку на плечо:

– Все хорошо. Стас тут собрался про тебя рассказывать.

Владислав слегка улыбнулся:

– Ну что ж, и я послушаю, – и почти неуловимым движением чуть привлек Эрику к себе. Почти неуловимым – но на мгновение она словно вновь почувствовала его недавнюю стальную хватку, и смутно колыхнулись неясные лесные тени... Владислав снова улыбнулся, и видение развеялось – просто очень уставший после концерта музыкант чуть приобнял девушку за плечи.

– Рассказывай, Стас, – попросила Эрика, пододвинув к себе стакан с виски.

– В начале нас вообще было двое – я и Слава. В какой-то момент захотелось не просто слушать музыку, но и играть – благо оба уже довольно давно осваивали гитару. Ну и решили собрать группу. Тогда к нам пришел Индрик... то есть Игорь, – Стас изящно увернулся от яблочного огрызка, – и наш первый ударник, которого, кстати, тоже звали Максом. Он с собой привел своего однокурсника по имени Вадим – собственно, наш первый вокалист.

Стас нашел под стулом огрызок и метнул его в угол, точно попав в мусорную корзину. Потом продолжил:

– Были мы тогда обычной кавер-группой, каких много. Ни на что особенно не претендовали, просто играли любимые песни, а если нас еще и кто-то слушал – совсем все хорошо. Пробовали и свое писать, но как-то не очень шло. Так, несколько вещей в репертуаре было, и все. Тексты я сочинять почти не умею, очень редко что-то приличное выходит.

– В основном неприличное, – съехидничал Слава.

– Иди ты! В общем, сначала пугали соседей по квартирам и дачам, понемногу стали выбираться в клубы, словом, жили себе и горя не знали. Правда, недолго. Только мы, можно сказать, начали выходить из тени, выступать, все как у больших – ушел Вадим. Рванул рубаху на груди и заявил, что устал петь чужие песни и хочет творчества.

– Хотя сам, кстати, никогда не писал, – вставил Слава.

– Вот это я ему и сказал. Ты же, говорю, все равно ничего не пишешь, так не все ли тебе равно, кто автор песни, которую ты поешь – Стив Харрис или Степа Харьков?

– Ну, разница есть, – засмеялась Эрика.

– Ага, у Харриса лучше получается. Но Вадим уперся, хлопнул дверью и ушел. И остались мы в больших раздумьях, что дальше делать... Эй, Владислав, с тобой все в порядке?

Владислав безвольно откинулся на сваленные куртки, полуприкрыв глаза – казалось, он опять почти без сознания...

– Ничего... – с трудом проговорил он. – Ты продолжай. Просто надо... в себя прийти... Ты же знаешь...

– Знаю. Как и то, что настолько плохо тебе еще не было. Честно говоря, когда ты свалился на сцену, я думал, что дальше вести концерт придется мне. У нас такое уже было, – повернулся Стас к Эрике. – Владислав тогда как раз написал «Последний бой», ну вот эта – «правда или бред, или сон чужой». Первое исполнение, всем нравится, группа в ударе, Владислав сам себя превзошел... правильно мы сделали, что эту песню почти в самый конец поставили. Потому что он допел и рухнул. Просто отключился на сцене. Хорошо еще, в этот момент, как и планировалось, погасили свет, большинство народа не видело, как его за кулисы уносили. Я вышел к микрофону, наплел какой-то чуши для разрядки атмосферы, мы сыграли инструментал и закруглились. А после концерта я еще битый час объяснял какому-то особо наблюдательному репортеру, что формула «sex-drugs-rock'n'roll» все-таки не совсем про нас.

– Мог бы и меня к нему пустить, – усмехнулся Владислав. – Я к тому времени уже был вполне адекватен. Объяснил бы... из первых рук...

– Ты? Спасибо, нам трупов в гримерке не надо! Одного ты уже с лестницы спустил...

– И еще спущу, если мне будут читать мораль о моем греховном влиянии на неокрепшие умы и обзывать сатанистом! Если у кого-то ум настолько неокрепший, это не мои проблемы...

– Влад...

– Меня зовут Владислав! – в голосе зазвенел металл, хотя только что ему было явно трудно говорить. Стас положил ему руку на плечо:

– Прости, забылся. Успокойся уже, чего ты вскинулся? Тебе вообще отдыхать надо и силы восстанавливать.

– А я что делаю? – Владислав потянулся за виски – по привычке, левой рукой. Он чуть не опрокинул бутылку, но Эрика ее удержала. – Кстати, ты не дорассказал...

– Действительно, остановился на самом интересном, – Стас улыбнулся. – Так вот, вскоре после ухода Вадима – было это два года назад – мы как-то вечером сидели в баре...

– Пили с горя, – вставил Игорь-Индрик.

– Ну не то чтобы с горя, Вадим успел поругаться почти со всеми, но все равно было не очень понятно, как нам жить дальше. В принципе, мы со Славой оба умеем петь, но больше, чем на бэк-вокал, вряд ли годимся. Да и потом, как-то проще и привычнее, если каждый занимается своим делом. Пока Вадим не пришел, я пробовал играть и петь одновременно, не очень понравилось. Среди знакомых больше вокалистов не было, а искать кого-то со стороны... Мы же начинали как компания друзей, а тут появился бы посторонний, в общем-то, человек... Понятно, что многие группы так живут, но мы-то не волшебники, мы только учимся. Так что идти и давать объявления тоже пока не решались... Владислав, отдай бутылку!

– По-моему, там отдавать уже нечего, – засмеялась Эрика. Действительно, бутылка виски почти опустела. Хотя по Владиславу это было совершенно не заметно, такое ощущение, что алкоголь на него не действовал. Взгляд голубых глаз оставался немного затуманенным, но это скорее была все та же усталость после концерта, чем хмель.

– Куда в тебя только помещается? Ладно, тут еще что-то было, – Стас нашел еще одну бутылку. – Ну так вот, мы сидели и обсуждали наши перспективы, но тут к нам подсел некий индивид, – он подмигнул Владиславу. – Надо сказать, что мы его давно заметили, но напрашиваться не стали – он весь вечер сидел за соседним столиком и глушил виски, примерно как сейчас, то есть просто как воду. Хотя, когда он к нам подсел, он был абсолютно трезв. Уже повод удивиться, да и вообще, когда из полумрака вдруг появляется вот такое... Серебряные браслеты на обеих руках – уже интересно – вот эти вот шрамы на плече и грива, от вида которой половина металлистов вымрет от зависти. Я, по крайней мере, чуть не вымер. В общем, подсаживается он и говорит: я, мол, случайно вас услышал – да и трудно было бы не услышать, мы периодически от избытка эмоций орали на весь бар – и, насколько я понял, вы ищете вокалиста. Ну да, говорю, ищем. А он мне: понимаете ли, у меня как раз обратная ситуация. Я, совершенно случайно, сам вокалист и ищу группу. Мы просто утратили дар речи...

– После чего буквально сгребли меня под руки и утащили на базу, – закончил Владислав.

– Ну, примерно так, – рассмеялся Стас. – Потому что сами никак не могли поверить в реальность происходящего. Ну, говорю, спой что-нибудь. Спел. «Зверя». Да так, что Кипелов может нервно курить в сторонке.

– Захвалили, – улыбнулся Владислав.

– Да я, можно сказать, преуменьшил... В общем, мы вторично утратили дар речи. Но Владислав решил нас в этот вечер добить окончательно – конфисковал мою гитару и сыграл на этот раз свою песню. Ну... в двух словах – с тех пор практически всю музыку и все наши тексты пишет он.

Владислав молча кивнул, подтверждая слова Стаса. Долгое время поддерживать разговор он все еще не мог – даже недавние несколько фраз отняли у него почти все силы. Впрочем, судя по всему, остальным музыкантам сегодняшний концерт обошелся немногим легче, разве что Стас не выглядел предельно уставшим – а может, просто хорошо держался. Макс все так же молча хрустел яблоками – рядом с ним уже образовалась заметная куча огрызков, но вставать и выбрасывать их ему явно было лень. Игорь-Индрик опять почти слился с тенью в углу, задумчиво разглядывая гриф своей бас-гитары и время от времени протягивая руку, чтобы утащить у Макса яблоко. Слава непонятным образом ухитрился при своем немалом росте (как, впрочем, и у всех в группе, разве что Макс был заметно пониже остальных) свернуться клубком в кресле и, кажется, задремать. Во всяком случае, с его стороны уже давно не было заметно никаких признаков жизни. А вот Эрика чувствовала, что усталость почти отступила. Владислав все так же обнимал ее за плечи, и от этого немного властного жеста было тепло и спокойно. Даже сейчас Эрика воспринимала его как более сильного, хотя он едва пришел в себя и не мог даже встать... Она опять взглянула на его левое плечо и почти безотчетно коснулась рукой шрамов. Владислав чуть вздрогнул.

– Тебе больно? – тихо спросила Эрика и тут же подумала, что сказала глупость – ведь этим шрамам не один год... Но Владислав ответил:

– Ничего... Так – лучше, – он задержал руку Эрики, накрыв ее ладонь своей, и улыбнулся. Эрика улыбнулась в ответ. Все происходящее казалось почти нереальным. Неужели это тот самый Владислав, который недавно вел концерт, и зал подчинялся каждому его движению? Неужели это в его взгляде разгорался безумный огонь, а его голос пробуждал ночные тени? Да, все это был он. И он же сейчас обнимал Эрику, словно они уже давно знакомы – а может, это и правда было так?

Эрика придвинулась чуть ближе к Владиславу. Рукав ее футболки задрался, открыв следы от его пальцев на плече. Владислав опустил глаза:

– Прости меня.

– За что? А, это... Ерунда. Хотя хватка у тебя, надо сказать, железная.

– Ну я металлист или кто? – Владислав усмехнулся, но тут же снова посерьезнел: – Правда, прости. И тогда, раньше... я не должен был...

– А иначе ты бы не встал, – Эрика сама не понимала, откуда она это знает, но – знала. – Я же видела.

– Знаю. Я уже не в себе был, иначе бы такого не допустил. Да, я музыкант и у меня обязательства, концерт нужно довести до конца, но не за чужой же счет! – в голосе зазвучала злость. – Чертов инстинкт. Я мог тебя выпить до дна, понимаешь? Наверное, кажется, что я чепуху нес, но...

– Я понимаю, – тихо ответила Эрика. Владислав благодарно кивнул.

– Ты очень сильная. Гораздо сильнее, чем мне показалось. Но все равно я не должен был так поступать. Я взял слишком много. Но знаешь – говорят, умеющий плавать не сможет утонуть, инстинкт будет сильнее. Вот и я уже не смог себе помешать... Пр-роклатье...

– Ничего, – Эрика коснулась светлых волос. – Я не в обиде, мне не жалко. Ты же в порядке, а меня уже Стас в чувство привел.

– Стас... – Владислав улыбнулся. – И за это я тоже ему благодарен. Хоть он и говорит, что теперь я лидер группы, все равно самый главный у нас – он. Ведь уже два года меня терпит, – Владислав повысил голос, чтобы его слышали и остальные. – Поскольку это было только начало...

– Ну не буду же я вас отвлекать, – Стас подмигнул Эрике. – Да, действительно, с приходом Владислава наши приключения не кончились, а некоторые вообще только начались. Это сейчас мы привыкли, а на первых порах его, скажем так, своеобразное поведение на сцене стало большим сюрпризом. Если бы мы не знали, что алкоголь его не берет и прочей гадостью он не увлекается, могли бы много чего интересного подумать. А посторонний народ и сейчас думает. А поскольку общаюсь с этим посторонним народом в основном я, ибо Владислав после концертов некоммуникабелен, наслушался я выше крыши. Вот найти бы того, кто запустил в широкие массы идею, что рок-музыки без наркотиков не бывает – лично оторву голову!

– А я помогу, – добавил Владислав.

– В тебе я никогда не сомневался. Ладно, это было лирическое отступление. Ну так вот, на репетициях тоже было весело. Особенно когда меня в процессе решения какого-то музыкального разногласия чуть не пристукнули моей же гитарой, хотя за минуту до этого все было спокойно. Причем сам Владислав, как водится, этого не помнит.

Эрика засмеялась.

– Между прочим, суровая правда жизни. Макс, может, ты мне хоть одно яблоко оставишь из моих же запасов? Благодарю, – Стас картинно раскланялся, поймав брошенное яблоко. – Кстати, о Максe. Буквально через месяц после прихода Владислава от нас ушел ударник. Заявив, что из них двоих в группе останется только один и вообще он не осминок все это играть. Хотя я бы не сказал, что стало намного сложнее. Просто они с самого начала не ладили.

– Вплоть до того, что пару раз этих двоих разнимала вся группа, – вставил проснувшийся Слава.

– В общем, ударник от нас ушел. И вот это уже было проблемой. Но повторно засесть в баре и запить с горя мы не успели, так как Владислав взял дело в свои руки.

– Ну так. Из-за меня ударник сбежал, мне и решать вопрос. Благо Макса я знаю еще с университета. И в музыке он дольше меня, чуть ли не со школы. Так случилось, что он в это время тоже был в поиске. Я позвонил, Макс приехал. С тех пор он с нами.

– Должен же кто-то за тобой присматривать, – усмехнулся Макс, наконец поднимаясь со своего места и пересаживаясь поближе к остальным.

– Я вроде и сам справляюсь.

– Уверен? – Макс неожиданно посерьезнел и в упор взглянул на Владислава. Эрика поразились, насколько эти двое похожи – но не так, как были похожи между собой все музыканты группы. Стаса и Славу можно было принять за родных братьев не только по внешности, но и по манере говорить, вести себя

на сцене и за ее пределами, даже странно было думать, что на самом деле они вообще не родственники. Игорь-Индрик при ближайшем рассмотрении оказался не светловолосым, как все остальные, а скорее русым – просто в ярком свете сцены его волосы выглядели светлее. И у него единственного в группе были карие глаза. А вот Владислав и Макс... Те же почти белые волосы, те же голубые глаза, похожие черты лица – но на этом внешнее сходство заканчивалось. Волосы у Макса были гораздо короче, всего лишь до плеч, в спокойном взгляде ни льда, ни пламени – ясное весеннее небо, лицо гораздо мягче, с вечной полуулыбкой. И ростом он был едва по грудь Владиславу. Но все же они были очень похожи, и сейчас это особенно чувствовалось.

Владислав первым отвел взгляд и улыбнулся:

– Не совсем.

– То-то же. – Макс обернулся к Эрике и картинно приложил руку к груди: – Да простит меня леди за вторжение, но, раз уж сегодня получился такой вечер воспоминаний и повествование дошло до меня лично, я позволю себе внести свой вклад.

– Прощаю, – засмеялась Эрика. Макс кивнул и вдруг посмотрел ей прямо в глаза:

– Что ты думаешь о том, что видела на последней песне?

«Да что это такое! Они все в этой группе мысли читать умеют или через одного?».

– Откуда ты...

– Знаю. Я это тоже видел, и не один раз. Более того – я знаю, что все это правда.

– Но как...

– Как такое может быть? Или – как я могу продолжать играть, если такое вижу?

– Слушай, может, я вообще ничего говорить не буду? – притворно возмутилась Эрика. – Ты и так мысли читаешь!

– Не, мысли читать – это к Владиславу, – без тени иронии ответил Макс. – Я так, погулять вышел. Впрочем, и так понятно, что можно спросить по этому поводу. Почему это видела ты? Могу только сказать, что Владислав не выбрал бы тебя, если бы не понял, что ты увидишь. И поймешь. Он такие вещи чувствует сразу. Почему вижу я? Мы с Владиславом все-таки дружим очень давно, такое даром не проходит. В первый раз мне действительно попало, хорошо еще, это не на концерте было, а на репетиции. Теперь уже привык, насколько к этому можно привыкнуть. А откуда я знаю, что это было на самом деле... Тут история долгая. А поскольку Владислав пока что явно к долгим рассказам не способен, это сделаю я. Ты теперь явно уже не сторонний человек. Виски еще есть?

– Держи, – Владислав передал ему бутылку. Макс вновь наполнил стакан Эрики – в который раз? При всем при том Эрика ощущала лишь легкий хмель, хотя до сих пор ей не приходилось пить виски в таком количестве. Остатки Макс разделил между Владиславом и Стасом, благо других претендентов не было – Слава успел опять заснуть, а Игорь-Индрик так и не оторвался от изучения своего грифа, словно пытался прочесть на нем некие таинственные письмена. Зато Стас даже придвинулся поближе, хотя явно уже не раз все это слышал. Себе Макс налил колы и заговорил:

– Началось все, действительно, еще в универе. Так сложилось, что в одной группе истфака оказалось всего двое парней, причем оба металлисты и оба

неравнодушны к Скандинавии. Более того, оба у себя в предках нашли по паре каких-нибудь викингов. С Владиславом и так все понятно, достаточно на него посмотреть, в моем случае остается вопрос, чего ж я тогда такой мелкий.

– Зато за установкой хорошо помещаешься, – усмехнулся Стас.

– Скотт Трэвис⁴ за ней тоже неплохо помещается, а он как бы не повыше Владислава. Это было лирическое отступление. Так вот, я в ту пору уже пытался что-то где-то играть, даже выступали. Владислав музыкой не занимался, разве что иногда брался за гитару – а кто не брался? Зато с головой ушел в скандинавскую тему, вплоть до того, что постоянно пропадал у филологов на десятом этаже. Ты в итоге сколько языков знаешь?

– Хорошо – норвежский, – отозвался Владислав. – Ну еще финский, хотя он и не из этой оперы. Могу читать на исландском. Английский не считается.

– Ага, а еще половину курса рунами заразил. Мои конспекты тех времен похожи на гномью летопись! А про твои и вовсе не говорю...

– Я конспекты рунами не писал!

– Значит, еще что-то писал, я ж помню твои тетради. Впрочем, это мы исключительно баловались. А Владислав неодобрительно смотрел и говорил, что оно не для того придумано. А потом ошибки исправлял.

Эрика невольно взглянула на свой браслет. Впрочем, сделавшая его девушка сама была крайне равнодушна к Скандинавии, так что вряд ли там было что-то неправильно. Да и тот факт, что пять рун так и не стерлись за все эти годы...

– А еще мы в лес ездили, – продолжил после некоторой паузы Макс. – Не вдвоем, у нас к третьему курсу собралась компания числом пять – мы двое, Димка курсом младше, Влад с филфака – его все так и звали, чтобы от Владислава отличать («О, коллега», – улыбнулась Эрика) – и его брат Костя, не помню, где он учился, но тоже гуманитарий. А я как раз права получил, и отец мне старый Форд отдал. Форд жив и сейчас, несмотря на все буераки, которые я на нем штурмовал, причем внутри пять парней, из которых я самый компактный, да с рюкзаками и прочим. А затеял все это Владислав. Он и раньше по лесам пропадал, но все больше один. Однажды пришел с горящими глазами и рассказал, что нашел озеро красоты неопишуемой, и туда непременно надо ехать всем. Я до сих пор удивляюсь, как ему удалось нас всех поднять, но мы буквально схватили палатки в зубы и поехали. Самое забавное – я так и не знаю, как это место называется. Хотя доехать туда могу хоть с закрытыми глазами. Тогда Владислав названия не сказал, а потом мы и сами про это забыли, привыкли. Просто – «поехали на озеро». Как сейчас помню – сел за руль и говорю Владиславу: «Показывай». Так и добрались под его руководством – здесь направо, у той кривой избушки налево, а теперь вон к той елке и не свались в канаву. Ни карт, ничего. Вообще, мистика – не в тайгу же собрались, по дороге явно должно быть полно населенных пунктов, но я их так и не знаю. Знаю, что это на северо-востоке и почти на границе области, и все. Просто незачем было на указатели смотреть. Так и ориентируюсь по елкам и кривым избушкам. И, на самом деле, сильно подозреваю, что Владислав – тоже, – Макс взглянул на друга, ожидая подтверждения или возражения, но Владислав молчал. – В общем, тайна, покрытая мраком. Но как бы то озеро ни называлось, места там красивые. Кругом лес, цивилизации практически никакой, хорошо еще, на машине

⁴ Ударник британской хэви-метал-группы Judas Priest

проехать можно, и то не до конца – к озеру пешком спускались. А само озеро странное. Почти идеально круглое, и вода темная всегда. И холодная, даже в самую жару. Зачерпнешь воды – рука заоченеет.

Эрика невольно поежилась, словно и в самом деле потянуло холодом. Макс говорил негромко и почти нараспев, он перестал улыбаться – так рассказывают какую-нибудь таинственную историю. А перед глазами вновь встали ночные тени и берег озера в отсветах зарниц... Берег озера? Эрика вопросительно посмотрела на Владислава – он молча кивнул. Его лицо тоже посерьезнело, губы плотно сжаты – совсем как тогда на сцене, перед финальной песней... Макс продолжал:

– В общем, мы на этом озере практически поселились. Все на нас смотрели, как на психов – не лень же за сотню километров мотаться. Ну, бешеной собаке семь верст не крюк. Зато там людей вообще нет. А еще как-то чудеса были – Влад с филфака и Костя пошли малину собирать и пропали. Часа на три. Мы хотели идти искать, Владислав не дал. Сказал, что скоро вернутся. И действительно, через несколько минут они появились. Причем уверяли, что дальше ближайшего малинника, который от лагеря виден, не заходили. Только вот мы их не видели. Впрочем, лес там густой, иногда и правда человека от тени не отличишь, кто его знает...

Макс усмехнулся каким-то своим мыслям. А Эрика вспомнила, как ездила за город с Ольгой – той самой однокурсницей, что сделала ей браслет. Они просто присели отдохнуть на поваленное дерево у ручья, вроде бы совсем ненадолго. А когда решили идти дальше – вдруг оказалось, что уже темнеет, и хорошо, что до станции было недалеко...

– А потом начал пропадать уже Владислав, – после паузы сказал Макс. – Как-то раз под вечер отошел от костра и исчез. Пошли искать – как сквозь землю провалился. Хотя вроде бы не самая незаметная фигура. Вернулся, когда совсем стемнело, причем довольный, как я не знаю кто. Мы на него накинулись, что мог бы и предупредить, а он ответил, что лес знает как свои пять пальцев и ничего с ним не будет. Ну что на это скажешь? Тем более что, пока мы придумывали ответ, этот индивид успел заснуть. Так с тех пор и повелось: смеркается – Владислава нет. Стемнело – возвращается, иногда некоторое время сидит у костра, но чаще всего падает и засыпает. И не добудишься, если что. В лучшем случае никак не отреагирует, в худшем – еще и пошлет подальше. Причем по-норвежски.

Засмеялись все – кроме Владислава. Он, казалось, почти не слушал Макса, не говоря уже о том, чтобы что-то дополнить, хотя речь шла о нем самом. И Эрика вновь вспомнила его лицо под конец концерта – те же стиснутые зубы, словно он сдерживал давнюю боль, тот же лед в голубых глазах... Это не ускользнуло и от Макса – он вопросительно посмотрел на Владислава. Тот едва слышно выдохнул: «Ничего... Продолжай». Даже Эрика, сидевшая рядом, едва различила эти слова, а Макс мог бы разве что прочесть их по губам. Но он понимающе кивнул. Кажется, эти двое давно могли договориться и без слов.

– В общем, ездили мы в основном без приключений., – голос Макса сейчас звучал совсем тихо, но очень отчетливо. – Пробитое колесо я за приключение не считаю. А три года назад произошла история, которой мы, в общем-то, и обязаны тем, что здесь наблюдаем. В конце октября мы поехали на озеро закрывать сезон, хотя погода стояла теплая, могли бы и еще ездить. Но так уж сложилось, что первый раз мы всегда приезжали в мае, а последний – обязательно до

Самайна. Правда, в тот год Самайном в воздухе пахло чуть ли не с сентября. Для меня, по крайней мере. Вроде и солнечно, и тепло, но что-то уже не то. Не знаю, как объяснить...

– Я понимаю, – улыбнулась Эрика. Ей было знакомо это чувство – времена года далеко не всегда сменялись по календарю...

– Ну вот. А тот день вообще был какой-то ненормальный. Начиная с пустой трассы и заканчивая практически вымершим ближайшим поселком. Я понимаю, что народу там мало, но чтобы вообще никого? Чтобы нас ни одна собака не облаяла? Обычно стоит съехать на грунтовку – получите, штук пять, только что в окна не запрыгивают, а уж лай стоит такой, что магнитола не слышно. А тут одна высунулась, посмотрела и ушла. Ладно, пожали плечами и поехали дальше. Приезжаем на место – а поперек той полянки, где я всегда машину оставлял, лежит здоровенное бревно. При том, что вроде ни о каких ураганах не сообщалось. Димка заявил, что это знак и нас не хотят сюда пускать, Влад, который с филфака, на пару с Костей обозвали его паникером и пошли это бревно оттаскивать. Ага, как же, оно в обхвате с них двоих. Впятером мы его кое-как подвинули, чтобы машину можно было поставить.

– Димка молодец, – задумчиво произнес Владислав, не столько отвечая Максу, сколько разговаривая сам с собой. – А вот куда я смотрел – непонятно. Впрочем, как знать...

– Куда бы ты ни смотрел, подозреваю, что уговорить народ после такой дороги развернуться и уехать не удалось бы даже тебе. Мне все это тоже не очень понравилось, но раз уж приехали... Спустились к озеру, поставили палатки, развели костер, в общем, все как всегда. Идиллия – валяемся на травке, смотрим в небо. А в небе что-то подозрительно гроыхает. Списали на какой-нибудь военный полигон, потому что климат в последние годы, конечно, ненормальный, но не до такой же степени, чтобы гроза в октябре!

– Как-то раз и в декабре была, – вставила Эрика.

– Ну да, если вам звонят в дверь, это, конечно, может быть английская королева. Но скорее это все-таки сосед. Так и здесь, логичнее было подумать про полигон. Тем более что небо было абсолютно ясное. В общем, на это мы тоже решили не обращать внимания. Сидим, общаемся, Владислав какую-то корягу нашел и пытается из нее абстрактную скульптуру сделать... А потом всех стало по-страшному клонить в сон, хотя вроде бы с утра выспались, да еще чаю напились. Влад полез в палатку за свитером, но обратно так и не вылез – заснул. Костя отправился его будить и остался там же. Мы с Димкой какое-то время еще болтали, но он тоже стал откровенно клевать носом. Да и я, глядя на это сонное царство, стал понемногу отключаться. Последнее, что помню – Владислав все еще что-то вырезает из своей коряги, нож соскальзывает – чуть ему по пальцам не полоснул – и падает у костра. Владислав с мрачным видом идет поднимать. На этом я заснул окончательно.

Макс опять замолчал – то ли вспоминая, то ли собираясь с силами. Застывший взгляд обращен куда-то в пространство, как и у Владислава. Неужели они и правда чувствуют одно и то же? Эрика невольно поежилась, вновь вспомнив концерт. Только сейчас стало заметно, насколько в гримерке тихо. Слава проснулся и пересел ближе, Игорь-Индрик оторвался от изучения грифа, и даже Стас уже давно не отпускал никаких комментариев и внимательно слушал Макса. Хотя все они знают эту историю... или нет?

– Ты раньше не рассказывал, – тихо сказал Игорь.

– Да неужели? Хм, а ведь и правда. Не рассказывал. Я-то все это помню как вчера – вот и запало, что остальные тоже все знают. Мне иногда кажется, что это с вами мы тогда ездили.

– Значит, ты в группе прижился.

– Что не может не радовать. Черт, но я и правда думал, что вы сто раз это слышали! И сейчас терпите только ради дамы, – он опять изобразил поклон в сторону Эрики, не вставая с места.

– Только отдельные моменты.

– Ну так вот. Проснулся я от холода – я ведь отключился там же, где сидел, ни спальника, ничего. Рядом – такой же замерзший Димка. Проспали часа четыре, не меньше, костер почти погас. Над озером огромная туча, из которой слышен явный гром, уже ни на какой полигон не спишешь. Влад с Костей как спали, так и спят, а вот Владислава нигде нет. Только его косуха на ветке висит. Ну ладно, мы к его исчезновениям успели уже привыкнуть – к ночи вернется, куда он денется. Правда, и так была почти ночь. В общем, только мы собрались озадачиться ужином, как нас накрыла – в октябре! – откровенная гроза. С ливнем, молниями и всем прочим, как полагается. Забились все вчетвером в одну палатку и сидим, жуем батон. А вокруг творится что-то невообразимое, такое ощущение, что все молнии метят в озеро. Все сверкает, грохочет и льет, как палатки не смыло – до сих пор удивляюсь. Кончилось это безобразие только к полуночи, причем моментально – как выключили. Вылезаем наружу – никакой грозы, небо ясное и посередине огромная полная луна. А Владислава как не было, так и нет. Я отошел немного в лес и попробовал его позвать – а голос не слышится. Хотя только что мы с ребятами нормально общались. Вот тут мне стало как-то нехорошо.

– Не надо было... – глухо произнес Владислав. Макс удивленно обернулся к нему, но Владислав лишь махнул рукой и снова откинулся на куртки.

– Так вот, я еще несколько раз пытался его звать, хотя сам понимал, что смысла в этом нет. Только промок и замерз, да еще на корягу напоролся, джинсы разорвал. И было мне от всего этого очень не по себе, особенно от того, что я не мог понять, что происходит и почему. Ничего не поделаешь, вернулся к остальным. Они неизвестным науке образом ухитрились опять развести костер, что было очень кстати. И сидят вокруг, молча. Хотя думали все, я подозреваю, об одном и том же – где Владислава черти носят. До утра так никто и не заснул – сидели у костра и смотрели на озеро.

Макс машинально потянулся к давно опустевшему стакану, некоторое время задумчиво разглядывал его дно, потом заговорил снова – чуть хрипло и отрывисто, словно каждая фраза давалась ему с трудом:

– Владислав вернулся. Утром. Никто не видел, откуда он появился. Пришел сам. Весь в крови. Левая рука висит плетью, правой зажимает плечо. Без толку. Кровь сквозь пальцы, у него уже не хватало сил... Черт, я всю жизнь это видеть буду, – Макс провел ладонью по глазам. – Плечо и грудь чуть не в клочья, но он держался на ногах. И улыбался. От одной этой улыбки мороз пробирал. А потом он пошатнулся и рухнул, я едва успел подхватить.

Макс тряхнул головой, словно отгоняя навязчивое видение, и продолжал уже спокойнее:

– Следующие несколько часов у меня из памяти практически выпали, помню только отдельные моменты. Помню, пытался остановить кровь, как-то перевязать ему руку, вроде удалось. Сам в крови перепачкался не меньше

Владислава. От ребят толку никакого – Димка, кажется, вообще в обморок хлопнулся, остальные немногим лучше, стояли и смотрели на нас, как на выходцев с того света. Правда, Владиславу до этого на самом деле было недалеко. Лицо абсолютно белое, футболка, которой я ему плечо замотал, уже мокрая от крови... Помню, что-то орал на Костю, только так удалось его расшевелить. Да я сам не знаю, как не свалился. Ощущения были, как будто мне так же досталось. Только вот кроме меня вытаскивать Владислава было некому. А времени нет. Я до сих пор с трудом понимаю, как мы донесли его до машины – он же выше нас всех, тропинка ведет вверх, все мокрое после дождя... Мне до сих пор это снится. Да что снится – вот я вам это рассказываю и вижу, как будто все это вчера было. Никогда, наверное, не забуду. По трассе шел вообще на автопилоте, мое счастье, что все обошлось. Сам иногда чуть не отключался, настолько плохо мне никогда не было. Серьезно, у меня левая рука иногда начинала отказывать. Помню, всю дорогу разговаривал с Владиславом, нес всякую чушь, хотя он все равно слышать меня не мог. Почему-то казалось, что пока я с ним разговариваю – он точно будет жить...

Эрика слушала Макса как в полусне. Все это было до невозможности похоже на то, что она видела. Ночной лес, смутные тени, кровь на траве... И то ли ветер шумит за стенами клуба, то ли слышны отголоски той грозы над озером... Макс прикрыл глаза, как будто пересиливая боль. Все молчали, глядя на него. Наконец он поднял голову:

– В больнице сказали, что вообще непонятно, как я его живым довез. Потому что с такой потерей крови обычно не живут. Но раз довез – шансы есть. Хотя никто ничего не обещает. И руку он если и сохранит, то нормально владеть ею вряд ли сможет. Однако... сами видите. Владислав выкарабкался. Мне потом говорили, что такой скорости заживления еще ни у кого не видели.

Макс чуть усмехнулся – видимо, каким-то своим мыслям.

– А вот компания наша после этого распалась. То есть мы по-прежнему встречались, но это было уже не то. Ребятам стало реально трудно общаться с Владиславом, да и со мной тоже. Ну да, подходят, здороваются, болтают о чем-то, но я чувствовал, что у них до сих пор все это перед глазами стоит. Съездили на выходные на природу, называется. А теперь человек, которого ты видел, по сути, умирающим, сидит здесь и с тобой разговаривает. Им действительно было трудно. А может, неловко, что тогда почти все сделал я один, хотя тут их можно понять... Владислав!

Только сейчас Эрика почувствовала, что рука Владислава слишком безвольно лежит у нее на плечах, совсем как недавно... И на оклик Макса он не отозвался... Музыканты, словно внезапно очнувшись, обернулись к своему вокалисту. Он был без сознания.

– Черт, – тихо сказал Стас. Макс опустил глаза:

– Наверное, зря я все это...

– Ты-то при чем? – Стас взглянул на Макса, запнулся и продолжил едва слышно: – Ты думаешь, он...

– Уверен. Владислав ничего не помнит, но у меня с самого начала было чувство, что он как будто снова возвращается туда... А я сам заговорился и не заметил...

– Черт, – снова проговорил Стас, невольно поежившись. Он подошел к Владиславу и тронул его за плечо. Никакой реакции.

Эрика чуть сжала бессильно упавшую руку. Почему-то ей было ясно – Владислав этого не чувствует, и позови она его – не ответит. Ни ей, ни остальным. Тогда, в первый раз, до него еще можно было как-то дотянуться, но сейчас она почти физически ощущала невидимую преграду. Так предельно уставший человек мгновенно проваливается в сон, и его не разбудить, пока сам не найдет в себе силы проснуться. Хотя не похоже, чтобы дело было только в усталости... Но тут Эрика вспомнила, как Владислав просил у нее прощения за случившееся на концерте. Понимание пришло мгновенно: «Он закрылся от меня. Не захотел больше брать у меня силы. А своих не хватило».

– Что? – переспросил Макс. Эрика осознала, что последнюю фразу сказала вслух.

– Я говорю, что Владиславу не хватило своих сил, чтобы со всем этим справиться. А брать извне он не захотел... ты понимаешь...

– В общем, Владислав в своем репертуаре, – Макс невесело усмехнулся. – Хотя... кажется, приходит в себя...

И действительно, Владислав поднял голову и взглянул на обступивших его музыкантов почти удивленно, словно не понимая, что их так встревожило. Откинул волосы с лица и улыбнулся:

– Все нормально.

– Ничего себе нормально! – воскликнул Стас. – Только мы порадовались, что ты после концерта оклемался, а ты опять за свое! Ты давно отключиться-то успел?

– Не знаю... – Владислав чуть прикрыл глаза. – Не надо пока, ладно?

– Хорошо. Зря я спросил, действительно. Главное, ты в порядке. Нет, но как мы не заметили-то? Хотя Макс – что твой кот Баюн, кого хочешь заговорит...

– Да ладно вам! Я уже сам не рад, что затеял все это...

– Успокойся, – Владислав смотрел Макс в глаза. – Так было надо. А я... как видишь, справился сам.

Макс лишь тихо вздохнул. Владислав тем временем повернулся к Стасу:

– Слушай, ты мою гитару не видел?

– Вон, в углу стоит, – отозвался Стас и тут же подозрительно спросил: – Тебе зачем?

– Догадайся с трех раз, – усмехнулся Владислав. – Мысль одна появилась.

– Владислав, тебе нельзя сейчас браться за гитару. Я же вижу, что с тобой после этого даже в обычной обстановке творится, а уж сейчас... Нет, я, конечно, понимаю, что сдохнуть на сцене – это мечта рок-музыканта, но, может, не надо до этого доводить? Ты нам еще живым нужен.

– На сцене – не сдохну, – неожиданно твердо проговорил Владислав. – Дай гитару, а?

– Не дам! – Стас тряхнул головой, откидывая волосы с лица, и в упор взглянул на Владислава. – Ты и так сегодня выложился.

– Ну и не надо, сам возьму! – Владислав рывком встал, хотя еще минуту назад казалось, что у него не хватит на это сил. Шагнул вперед, чуть пошатнулся и оперся о стену. Левой рукой. Стиснул зубы, но все же удержался на ногах. Стас положил ему руку на плечо:

– Владислав, не сходи с ума. Тебе сегодняшнего вечера мало?

Владислав сбросил его руку – резко, почти зло. Голубые глаза вспыхнули знакомым пламенем:

– Не трогай меня сейчас, хорошо?

– Хорошо, хорошо, – проворчал Стас, отходя в сторону. – Просто, знаешь ли, не улыбается перспектива всю ночь тебя в чувство приводить. Можно подумать, нам концерта не хватило.

– Мне это нужно, – медленно, отчеканивая слова, в голосе – металл. Стас явно хотел еще что-то сказать, но лишь махнул рукой и сел на прежнее место.

Владислав извлек из угла чехол с гитарой и снова опустился на свой диванчик. Эрика слышала, как он переводит дыхание – все-таки попытка встать далась ему нелегко. Непослушные пальцы долго не могли справиться с застежкой чехла. «Помочь?» – почти беззвучно спросила Эрика. Владислав лишь покачал головой. Наконец он достал гитару, и Эрика не сдержала восхищенного взгласа, хотя никогда не занималась музыкой и в инструментах не разбиралась. Она ожидала, что из потрепанного временем чехла выглянет одна из тех гитар, что знакомы любой студенческой компании – простая, выдавшая виды, украшенная многочисленными подписями друзей... Но Владислав держал в руках инструмент, достойный появиться и на сцене, а не только в гримерке. На первый взгляд гитара казалась полностью черной, но стоило свету упасть под другим углом – становились видны переливы цвета от черного до темно-красного. Очень простая и в то же время изящная форма, никаких орнаментов и украшений, только небольшая прозрачная наклейка с краю, почти незаметная в неярком свете – скандинавский орнамент в виде двух переплетенных силуэтов зверей. Почему-то Эрика сразу решила, что это рисунок самого Владислава...

Владислав перехватил гитару поудобнее, чуть прикрыл глаза и начал играть. Чуть неуверенный тихий перебор несколько раз обрывался, но постепенно мотив набирал силу. Владислав улыбнулся – странной, отрешенной улыбкой, взгляд устремлен в никуда, как недавно на сцене. Эрика едва могла поверить своим глазам – ведь он только что вообще не мог владеть левой рукой! А сейчас сильные пальцы уверенно скользят по грифу, зажимая аккорды, словно это и не он едва пришел в себя... И играл он, пожалуй, не хуже Стаса и Славы. Мелодия чуть переменялась, и Владислав запел – негромко, почти речитативом:

- Когда встанет из тумана Белый Волк –
Легким кружевом блеснет в шерсти роса –
Я пойму, что жизни вышел срок,
И с улыбкой погляжу ему в глаза.
И увижу я промчавшуюся жизнь –
Тех, кто шел со мною до костра,
Тех, кому любовь я подарил,
Тех, не веривших, что сталь моя остра...⁵

Странно было слышать этот голос, не усиленный микрофоном, не на сцене перед полным залом – словно и не вокалист рок-группы взялся за гитару, а просто собралась компания друзей. Впрочем, на дружеских посиделках вряд ли доведется услышать такой голос. Едва верилось, что совсем недавно Владислав выкладывался на сцене без остатка, срываясь почти на крик или на хрипловатый полусшепот. Спокойная, даже немного отстраненная интонация – и все же на мгновение стены гримерки как будто растворились в предутреннем тумане. Ни форм, ни очертаний, только чувство странного покоя... Но голос зазвучал чуть жестче, голубые глаза блеснули сталью:

- Вспомню я пиров хмельную череду,

⁵ Стихи Алексея Новосельцева.

Грохот битвы в яростном огне
И дорогу, уходящую во тьму,
Исчезающую в звездной вышине...

Теперь Владислав смотрел в упор на своих товарищей по группе, но вряд ли видел хоть кого-нибудь из них. Слава встретился с ним взглядом и поспешил отвести глаза. Мотив чуть споткнулся, Владислав досадливо закусил губу, но игру не прервал.

– Перед Волком буду я держать ответ
За убитых и спасенных мной –
И за тех, кого за бездну лет
Я забыл, оставив под луной...

Эрика залюбовалась Владиславом, словно заново увидев его. Впрочем, отчасти так оно и было – сейчас, с гитарой в руках, он выглядел совсем не так, как у микрофонной стойки. На сцене он отдавал залу то, что было создано раньше, а эта песня возникала здесь и сейчас. Эрика не могла объяснить это даже себе, но она была уверена, что Владислав импровизирует. Потому и отрешенная улыбка, и лед в голубых глазах... Это было странно – и красиво. Волна светлых волос, серебро браслетов, темный силуэт гитары, пальцы, задумчиво перебирающие струны – и все тот же голос, сильный и чистый:

- И откроются мне тайны всех миров,
То, зачем любил и воевал,
Рухнут цепи жизненных оков,
Я увижу звездный перевал.
Я увижу, как рождается заря –
Вечный странник по дороге без конца –
И поверю я, что прожил жизнь не зря.
Снова в путь – в рассвет и до костра.

Рука соскользнула со струн, и Владислав склонился над гитарой, так что даже сидевшая рядом Эрика не могла увидеть его лица. Несколько секунд прошло в полной тишине, потом Владислав поднял голову и улыбнулся – уже не отрешенно, а спокойно, как улыбается человек, довольный своим созданием.

– Вещь, – в один голос сказали Игорь и Слава. Макс лишь молча склонил голову, а Стас вздохнул:

– Я из-за тебя точно заработаю комплекс неполноценности. И этот человек еще будет мне говорить, что он не гитарист.

– Не гитарист. Сам же говорил – каждый должен заниматься своим делом. Гитарист здесь ты. И Слава.

– Допустим. Но это – твоя песня. И звучать она должна только так. Мы здесь вообще ни при чем.

– Ну, может быть. Придется, значит, одному справляться, – усмехнулся Владислав, бережно убирая гитару в чехол. – Стас, не смотри на меня так. Честное слово, со мной все в порядке.

– Кто тебя знает... После сегодняшних приключений я уже ко всему готов.

– Повторюсь, сдохнуть на сцене или в ее окрестностях в мои ближайшие планы не входит, – Владислав встал. Стас подался вперед, явно готовясь поддержать, Макс поднял было руку в предостерегающем жесте, но Владислав твердо стоял на ногах. И чехол с гитарой он держал в левой руке.

– Я же говорил – мне это было нужно, – Владислав улыбнулся, возвращая гитару на место, и многозначительно взглянул на Стаса.

– Да ну тебя, – проворчал Стас. – Чтоб я еще хоть раз полез в чем-то тебя убеждать... Убьешь же ненароком.

Владислав не ответил. Он все так же стоял посреди гримерки, задумавшись о чем-то своем. Снизу, из зала, донесся какой-то жизнерадостный рок-н-ролл. Эрика вспомнила, что после ухода «Ветробоя» со сцены – она смутно видела это – к выступлению готовилась еще какая-то группа, а сейчас, видимо, в клубе идет танцевальная вечеринка, теперь уже до утра. Странно – до сих пор ничего этого не было слышно, хотя закрытая дверь гримерки – сомнительное препятствие для мощных динамиков. И тот же Макс говорил почти полупрошепотом, и никакая музыка не мешала... Владислав, похоже, и сам только что заметил происходящее – впрочем, раньше ему было явно не до того. Он прислушался и вдруг улыбнулся Эрике:

– А может, вниз пойдем? Интересно, что там сейчас. И виски, кстати, кончился.

Стас только тихо вздохнул. Зато вмешался Макс:

– Ты уверен? Сидел бы уже здесь...

Владислав подошел к Максиму и положил ему руку на плечо:

– Макс, не беспокойся за меня. Я знаю, что делаю. Правда.

– А между прочим, – подал голос Игорь, – я тоже не прочь наведаться в бар.

– Вот видишь, – улыбнулся Владислав, – я еще и не один. Впрочем, я и так не один, – он кивком указал на Эрику.

– Ну, как знаешь, – отозвался Макс. – Лично я отсюда не сдвинусь. Сил нет уже ни на что.

Владислав огляделся вокруг:

– Мою футболку кто-нибудь видел?

– Если ты про ту, в которой выступал, так она до сих пор валяется в виде драной тряпочки где-нибудь на сцене, – засмеялся Стас. – Если еще на сувениры не растащили. Ты что, не помнишь, как ты ее эффектным жестом с себя рванул?

– Вроде было что-то...

– «Вроде», – передразнил Стас. – В зале девушки только что в обморок от восторга не попадали. Я вообще удивляюсь, как они не то что твою футболку, а тебя самого на сувениры не растащили, с твоими-то прыжками в зал! Это ты, надеюсь, помнишь?

– Помню. Ну ладно, а вторая моя футболка где?

– Это не твое? – Эрика вытащила из кучи курток нечто черное.

– Мое, – Владислав благодарно кивнул. Группа дружно рассмеялась – на его футболке был точно такой же рисунок, как у Эрики – два белых волка, воющих на луну. Небрежным жестом Владислав пригладил растрепавшиеся волосы и подал Эрике руку, помогая встать.

– В общем, если что – я в баре. Индрик, ты идешь?

– Ага, – впервые за сегодняшний вечер басист не возмутился на свое прозвище. А может, просто отвлекся – он как раз убирал волосы в хвост на затылке.

– А с распущенными тебе лучше, – сказала Эрика. Игорь вздохнул:

– Мешают все-таки. Одно дело на сцене покрасоваться, а так обычно убираю. Как Владислав со своей гривой управляется – не представляю. Насколько я знаю, он никаких хвостов не признает.

Владислав лишь тряхнул головой, отчего волосы снова живописно рассыпались по плечам. Да уж, собирать все это в хвост было бы просто жалко.

– Иди уж, – усмехнулся Стас. – Пока мы тут окончательно не померли от зависти.

Владислав показал гитаристу язык и направился к двери.

В полутемном зале было всего несколько десятков человек – видимо, самые стойкие, решившие остаться в клубе до утра. Три или четыре пары танцевали, обнявшись, кто-то курил в углу, кто-то просто уселся на пол и наблюдал за происходящим, остальные расположились у барной стойки или в ее окрестностях. Игорь уже успел раствориться где-то в полумраке, а вот Владислава заметили. Как из-под земли выросли сразу несколько человек:

– Спасибо за концерт!

– Было круто!

– Владислав, а можно автограф?

– А можно сфотографироваться?

– А вы когда в следующий раз играть будете?

– А у вас альбом есть?

– Эй, не все сразу! – Владислав поднял руку, как бы очерчивая перед собой границу. – Вам спасибо, что пришли. Следующий раз – это у Стаса надо спрашивать, гитариста нашего. Оргвопросами занимается он, я сейчас не сориентируюсь, что и как. Сам он пока в гримерке сидит, может, еще спустится. Альбом – пишем, если все пойдет как надо, к весне будет.

– Здорово! Я теперь ваш фанат, и вообще вы лучшие!

– Приятно слышать, – улыбнулся Владислав, выводя на протянутом билете какую-то замысловатую вязь. – Так, кто там фотографироваться хотел? Посмотреть-то потом можно будет?

Эрика отошла чуть в сторону, пока продолжалась раздача автографов, обмен рукопожатиями и фотографирование во всех возможных комбинациях: «Серый, иди к нам! Лен, а еще на мой аппарат снимешь? А теперь я тебя! Владислав, мы тебя еще не совсем достали?». Владислав только улыбался в ответ. Правда, раз или два, когда кто-то потянулся к его браслетам, он аккуратно убрал руку. Сейчас он снова был тем же непосредственным и общительным рок-музыкантом, что и в самом начале концерта. И, наверное, большая часть этих ребят знает его только таким... Эрика почувствовала некоторую гордость – она видела и слышала то, что другим неизвестно.

Наконец Владислав едва уловимым движением выскользнул из круга фанатов и подал руку Эрике, помогая ей сойти с последних ступенек. Они направились к барной стойке, где обнаружили Игоря с чашкой чая. Бармен помахал рукой Владиславу и снял с полки бутылку виски. Владислав кивком указал ему на Эрику, и бармен так же молча достал второй стакан.

– Ты меня спойть сегодня решил? – поинтересовалась Эрика.

– А ты против? – парировал Владислав. Ответить было нечего. Владислав поднял свой стакан и тихо сказал: – За тебя.

Эрика только улыбнулась в ответ. «Дожили, – проснулся чертенок. – Сначала мы идем на концерт неизвестной нам группы просто скоротать вечер, а к концу этого вечера мы практически оказываемся девушкой вокалиста. И как вам это нравится?». Эрике это определенно нравилось, и даже очень.

Владислав облокотился на стойку, наблюдая, как тает в стакане лед. Эрика услышала, что он тихонько подпевает звучащей из динамиков песне.

Получалось, надо сказать, не хуже оригинала. Вдруг он замолчал, пристально вглядываясь в полумрак. От освещенной стойки Эрика различала лишь смутные тени, но Владислав явно видел лучше.

– Новгородский, ты, что ли?

Из темноты на голос обернулся юноша в футболке с логотипом «Харлей-Дэвидсон». Чуть ниже Владислава, непослушные каштановые волосы перехвачены черной банданой. Эрика заметила, что он слегка приволакивает правую ногу. Юноша близоруко прищурился, пытаясь понять, кто его звал...

– Владислав! Черт, я и не думал, что ты меня помнишь!

– Забудешь тебя, как же! Сколько времени я на твою физиономию любовался, наизусть выучил... Иди сюда наконец!

– Эй, да полегче же, ребра переломашь! – высвободиться из дружеских объятий Владислава юноше удалось не сразу.

– Да ладно тебе! Вроде пока на моем счету жертв не замечено, – Владислав переглянулся с Эрикой, та показала ему язык.

– Вот именно что «пока». Знаешь, не очень хочется быть первым.

Рассмеялись все трое.

– Так, стоп. Насколько мне известно, вы не знакомы. Это Вадим, он же Новгородский. Вадим, это Эрика.

– Да, меня так по паспорту зовут, – сказала Эрика, заметив вопросительный взгляд юноши. – Бабушка у меня из Прибалтики, а меня в честь нее назвали. А что, мне нравится.

– Мне тоже, – тихо сказал Владислав и вновь повернулся к Вадиму. – Как жизнь-то твоя, герой асфальта?

– Иди ты знаешь куда?! Я тогда первый и единственный раз так геройствовал, повторять как-то не тянет.

– Понимаю, – улыбнулся Владислав.

– А жизнь – что жизнь? Живу. Сезон закрыл, так что сегодня пешком. Кстати, по этому поводу я хочу еще пива!

– Кто бы сомневался! По-моему, для тебя это не напиток, а топливо.

– Вроде того. Сами-то будете?

Владислав и Эрика одновременно подняли свои стаканы с виски.

– Понял, тут все серьезно. Ну что, за встречу?

Едва успев отпить из стакана, Вадим заговорил снова:

– Нет, но я просто в шоке. Почему-то был уверен, что мы обязательно опять пересечемся, но чтобы так... Называется, надоело по вечерам дома сидеть, доковылял до ближайшего клуба, а тут вон что! Ты же ни разу не говорил, что ты музыкант...

– А тогда я и не был музыкантом.

– То есть... это все – за три года? – Вадим даже зажмурился, пытаясь осмыслить сказанное Владиславом.

– Как тебе сказать... Раньше я музыкой занимался, но не то чтобы серьезно. Так что в целом – да.

– Так. Это что же получается? Сначала, понимаете ли, он нарывается где-то в лесу на что-то такое, чего сам потом не помнит, потом благополучно остается жив, хотя по всем понятиям не должен, и вдобавок невеста откуда обретает такие музыкальные способности, что народ в зале аж в обморок падает. Я лично двух девчонок в чувство приводил. Не говоря уже о том, что чуть не оглох от их же восторгов в твой адрес.

– И... когда это было? – тихо спросил Владислав.

– Да на последней песне. Точнее, на последних двух. У меня у самого в глазах немного поплыло, такое чувство, что не песню слушаешь, а кино смотришь. Трехмерное. С эффектом присутствия. Причем ни слов, ни мелодии я не помню. Вот что ты своей музыкой с людьми делаешь. Признавайся, кому душу продал? Я, может, тоже так хочу!

– Лучше не надо, – очень серьезно ответил Владислав.

– Не надо так не надо, – улыбнулся Вадим. – Но сам посуди, что я еще должен думать по этому поводу? Не удивлюсь, если тебя уже в какие-нибудь сатанисты записали!

– Пытались. Я того деятеля с лестницы спустил.

Вадим оценивающе смерил взглядом лестницу, ведущую в гримерку, и уважительно присвистнул.

– Жестоко ты!

– А его предупреждали – я после концерта в неадеквате. И вообще, хоть бы тексты сначала послушал, что ли... А то чуть что, так сразу сатанист. И неокрепшие юные души сбиваю с пути истинного, – Владислав подмигнул Эрике.

– Сегодня еще одну сбил. Мою. У вас записи-то есть?

– Нету еще, пишем.

– А жаль. Буду, значит, пока на концерты ходить.

Вадим замолчал, прихлебывая пиво. Воспользовавшись паузой, от стены отделился некий темный силуэт и то ли окликнул, то ли спросил:

– Владислав?

– Он самый. – Силуэт вышел из тени, и Владислав кивнул на бумажный браслет на его руке: – Пресса, что ли?

– Интернет-журнал «Металлург». Если можно, хотел бы с вами немного пообщаться.

– Во-первых, если можно, давай на «ты». Я вроде как в единственном экземпляре существую. Во-вторых... – Владислав обернулся к Эрике: – Ты очень обидишься, если я тебя ненадолго оставлю?

«Нет, я просто в шоке! – снова высказался чертенок. – Мы только сегодня впервые встретились, и у нас уже спрашивают разрешения отойти на интервью!».

А вслух Эрика ответила:

– Ничуть. Я все понимаю.

– Тогда оставляю вас с Вадимом. Скоро буду.

– Буквально пара вопросов, – охотно подтвердил журналист. – Я же знаю, что вы... то есть ты с прессой не очень любишь общаться...

– Это кто тебе такое сказал?

Журналист замялся:

– Ну... интервью всегда дает ваш гитарист, насколько мне известно. К тому же мне рассказывали один случай...

– Понятно, эта история меня теперь всю жизнь будет преследовать. На самом деле, все очень просто – после концерта у меня чаще всего физически нет сил с кем-либо разговаривать, группа может подтвердить. Вот Стас и прикрывает собой брешь. А перед концертом обычно не до того. К прессе я отношусь абсолютно нормально, пока эта самая пресса, – Владислав прищурился, – не начинает меня учить, что мне делать и про что петь. Так что на вопросы

отвечать я готов. Отойдем? – он махнул рукой в дальний угол, где стояла пара столиков.

– Ты куда там? – ожил молчавший все время Игорь, отставляя пустую чашку.

– Да вот, буду наши секретные планы выдавать, – улыбнулся Владислав.

– Стаса позвать?

– Слушайте, народ, я ценю вашу заботу, но, честное слово, могу справиться и сам. А то давай со мной?

– Я?

– Ну да. Насколько я помню, ты вообще никогда в прессе не светился. Индрик, зверь невиданный, диковинный, прошу любить и жаловать, – и снова басист ничего не сказал на свое прозвище. – По-моему, хорошая компания для якобы неуловимого меня, – Владислав подмигнул журналисту, который и без того весь сиял, и снова повернулся к Игорю: – Так что бери еще чаю, раз уж ты ничего другого не пьешь, и присоединяйся.

Басист демонстративно развел руками, показывая, что выбора ему не оставили, взял очередную чашку и скрылся в полумраке вслед за своим лидером. Эрика и Вадим остались у стойки вдвоем.

– Будешь чего-нибудь? – спросил Вадим. Эрика подняла свой стакан с виски, в котором оставалось еще больше половины.

– Понял. – На этот раз улыбка получилась немного неловкой – он явно не знал, что сказать. Неужели стесняется? Вроде бы на него это не похоже, с Владиславом он только что разговаривал без малейших проблем... Вадим подошел чуть ближе и тихо спросил:

– Слушай... вы ведь давно знакомы?

Эрика едва не ответила «да». Она уже сама с трудом верила, что только сегодня увидела Владислава впервые в жизни. Почему-то с того момента, как она подошла к нему в гримерке, ей казалось, что она уже давно его знает – а ведь они еще не сказали друг другу ни слова, да Владислав и не мог что-либо сказать... Ей было почти жаль разочаровывать Вадима:

– Нет. Мы познакомились на этом концерте.

– То есть как? – Вадим не сразу обрел дар речи.

– То есть так. Сама удивляюсь, но это факт.

– И что же... вот это все, на последней песне...

– Нет, ничего заранее не планировалось. Правда. Владислав действительно выбирал. И выбрал меня. А после концерта мы уже заобщались. До сегодняшнего дня я не знала ни его, ни его группу.

Вадим замотал головой, словно пытаясь уложить в ней все услышанное.

– Нет, вы меня сегодня с ума сведете. Мало мне Владислава, про которого я вообще не знаю, что и думать... На вас посмотреть, так вы уже не первый год встречаетесь! – он осекся и продолжил тише: – Слушай, извини, я, наверное, не в свое дело лезу...

– Ничего, все нормально. Мне бы кто вчера такое рассказал – сама бы не поверила. А почему ты спрашиваешь?

– Да понимаешь, я-то с Владиславом знаком достаточно давно, три года уже. Хотя «знаком» – это очень сильно сказано, собственно, эти три года мы и не виделись. Только вот обстоятельства были очень своеобразные. Вот я и подумал – может быть, ты что-нибудь можешь мне объяснить...

– За сегодняшний вечер я уже услышала больше своеобразного, чем за всю предыдущую жизнь, – засмеялась Эрика. – Может, и объясню, на самом деле. Что за обстоятельства-то?

– Сейчас расскажу. Только, может, сядем? До сих пор трудно подолгу стоять.

– Ой, извини.

– Ерунда. Бывало и хуже, – Вадим выбрал столик неподалеку от того, где расположились Владислав, Игорь и журналист, жестом предложил Эрике сесть и устроился рядом. – Собственно, чего меня Владислав «героем асфальта» обзывает? Потому что доездилис однажды. История банальнее некуда – еду, никого не трогаю, и тут из соседнего ряда выворачивает какой-то кретин, а мне деваться уже некуда. Впечатался в него, отлетел, а сверху еще и собственным байком накрыло. Собственно, с тех пор и хромаю. Правда, сейчас все гораздо лучше, чем было. Хотя на байке все равно передвигаюсь увереннее.

Вадим чуть усмехнулся. Таким он Эрике определенно нравился. Просто улыбчивый и непосредственный парень, уже ничуть не стесняющийся, рассказывает о своих приключениях – как рассказывал бы любой из своих знакомых девушек. «По итогам этого вечера можно документальный сборник издавать, – не мог не проявиться чертенок. – На один том материал точно есть, пошел второй».

От столика в углу донесся голос Владислава:

– Да, если мое мировоззрение непременно надо как-то определить, то я язычник. Не славянский и не скандинавский, хотя мог бы быть и тем и другим. Сам видишь, я не использую никакую символику, никакие обереги или что-то подобное. Я сам себе оберег, – Владислав негромко засмеялся. – Это восприятие мира, а не какая-то традиция или система имен. А вообще это не для интервью – может быть, как-нибудь отдельно расскажу.

– Мемуары напиши, – это Игорь.

– Пока что музыки хватает.

Вадим уважительно посмотрел в сторону Владислава и вновь повернулся к Эрике:

– Ну так вот, все банально – упал-очнулся-гипс. Валяюсь в обществе таких же жертв асфальтовой болезни, один на скейте не удержался – этого через пару дней уже выписали – другой, как я, с байка улетел. Разумеется, уже по двадцать раз пересказали друг другу свои аварии и остальную биографию, выучили по именам всю больницу и начитались дурацких боевиков и детективов на всю оставшуюся жизнь. Короче, скука смертная.

– Понимаю. Самой попадать не случалось, но могу представить – к друзьям ходила. На редкость унылое место.

– Вот и я о том же. Причем ни ко мне, ни к тому парню – Сашкой его звали – особо приходить было некому. Родственники в других городах, друзей не то чтобы много, девушек нет... – Вадим снова взглянул в сторону Владислава, и Эрика готова была поклясться, что в его голосе прозвучала явная зависть. – И перспективы у обоих не самые радужные. У него со спиной что-то, мне пророчат, что с тростью я вряд ли когда-нибудь расстанусь... В общем, валяемся и тихо впадаем в депрессию.

– Ты не похож на человека, способного впасть в депрессию, – честно сказала Эрика.

– Спасибо на добром слове. Но тогда действительно были все основания. И тут появляется, собственно, вот этот вот экземпляр. Я знал, что привезли кого-то с серьезной травмой, буквально вытащили с того света, хотя никто особо не надеялся, что он выживет. Одна медсестра все вздыхала – вот, мол, такой красавец, жалко. Он все-таки пришел в себя, и его перевели как раз к нам в палату. Знаешь, – Вадим доверительно взглянул в лицо Эрике, – мне тогда стало очень не по себе. Хотя я не первый год на свете живу, и видом крови меня не пугаешь. То, что сейчас – бледная тень, тогда он вообще выглядел, как жертва монстра из кино про оборотней, и я не преувеличиваю. Я просто боюсь себе представить, на что он нарвался, если его так отделали. Это же не авария. Где-нибудь в Сибири я бы сказал, что он с какой-то зверюгой сцепился, но у нас же не Сибирь! В общем, из-за него целый детектив развернулся, милиция приезжала, выясняла, что и как. Только ничего не выяснили. Ушел в лес. Один. С кем-то сцепился, с кем именно – не помнит. В шоковом состоянии ухитрился добраться до лагеря, непонятно каким образом. Соответственно, остальные ничего не видели и не знают. Милиция развела руками и уехала, пожелав выздоравливать и больше с ними не встречаться.

- И оба пожелания, надо сказать, сбылись, – сказал Владислав, появляясь из темноты. Вадим и Эрика одновременно обернулись. Оказалось, что журналист уже успел где-то раствориться так же незаметно, как и появился. Игорь, впрочем, тоже исчез. А Владислав, судя по всему, уже некоторое время стоял рядом и слушал, не выдавая своего присутствия. Он улыбнулся Эрике:

- Что, сага обо мне продолжается?

Эрика кивнула. Владислав сел рядом с ней, увидел, что ее стакан почти пуст, и плеснул туда виски из своего.

- Нет, ты определенно решил меня споить.

- Что-то мне подсказывает, что это не так просто, – подмигнул Владислав. – Кажется, в этом мы с тобой довольно похожи. И не только в этом, – добавил он уже тише.

- Вот уж точно, – подтвердил Вадим. – Если бы я так пил виски, я бы уже под столом валялся. Так на чем я остановился? А, как раз на нашем знакомстве. Между прочим, Новгородским я стал именно тогда.

- Я это даже помню, – отозвался Владислав. – Хотя по понятным причинам соображал я тогда очень плохо. Открываю глаза, понимаю, что я вроде еще на этом свете, вижу рядом какого-то парня. Наверное, надо познакомиться. Спрашиваю, как зовут. Он говорит «Вадим». А у меня первая ассоциация – «Новгородский». Что я и сказал. На меня посмотрели очень большими глазами и спросили: «Ты откуда знаешь, что я из Новгорода?». Тут удивился уже я, потому что угадал совершенно случайно – знать мне было неоткуда.

- Кстати, я забыл, а ты сам откуда? Помню, что тоже не москвич... Не из наших краев?

- Не совсем. Из Петрозаводска. Впрочем, я уже много лет в Москве живу.

- Понятно. Так вот, мы тогда посмеялись да и забыли. Но когда я выписался – начались чудеса. Раньше меня все звали просто по имени, безо всяких прозвищ, а тут как сговорились – Новгородский и Новгородский. То ли за это время у меня в компании тезка появился, то ли что, но я все равно считаю, что прозвище мне приклеил Владислав.

- А я тут при чем? Я ни твой мотоклуб, ни твоих друзей не знаю, иначе мы бы встретились куда раньше.

- Ты первый так меня назвал.
- Да-да, воду в кране, видимо, выпил тоже я.
- Не похож, – засмеялся Вадим. Потом он чуть коснулся руки Владислава и очень серьезно сказал: – А вообще, спасибо тебе.

- За что?
- Как тебе сказать... Ты, наверное, не слышал, но я Эрике говорил – считалось, что после аварии я всегда буду ходить с тростью. Да я и сам так думал. А потом стал вспоминать тебя. Тебе ведь куда больше моего досталось.

Вадим замолчал, подбирая слова. Владислав выжидающе смотрел на него, и Эрика увидела, как его взгляд снова затуманивается – он явно вспоминал...

- Да, тебе досталось куда больше, – повторил Вадим. – А ты жив, и даже рука нормально действует, я же видел тебя на сцене. Ну и... через полгода я эту трость бросил и больше о ней не вспоминаю.

Владислав лишь молча склонил голову и протянул Вадиму руку. Тот явно смутился, но ответил на рукопожатие.

- Ты молодец, – тихо сказал Владислав.
- Да ладно тебе... Я же ничего такого не сделал. По сравнению с тобой...

В ответ Владислав чуть задержал руку Вадима в своей и долго смотрел ему в глаза. Потом он проговорил:

- Понимаешь... я в этом плане несколько сильнее других. Иначе бы я сейчас с тобой не разговаривал. Но я, пожалуй, таким родился. А ты вытащил себя сам. Это не каждый может. Ты правда молодец.

Вадим неуверенно улыбнулся – было видно, что он не знает, что ответить. Повисшую было паузу прервал неизвестно откуда появившийся Макс.

- Ага, они все еще в баре!
- Ну да, – отозвался Владислав. – Ты же собирался никуда из гримерки не вылезать?

- Да пока вы тут сидите, я поспать успел! Да и вообще, надо бы уже по домам разъезжаться. Со мной поедешь? – это прозвучало скорее утверждением, чем вопросом, но Владислав покачал головой:

- Сам доберусь. Я уже в норме.
Вадим тем временем внимательно разглядывал Макса и наконец произнес:
- А я тебя помню. Тебя Максом зовут.
- А я тебя тоже, – в тон ему ответил Макс. – Ты же с Владиславом в одной палате был, так?

- Ага, сокамерник, так сказать. Я Вадим, он же Новгородский.
- Помню-помню. Рад видеть в добром здравии. Как тебе концерт?
Вместо ответа Вадим поднял оба больших пальца вверх.
- Отлично! Сложно было, на самом деле. Другие группы не совсем нашего жанра, и подолгу играть давно не случалось...

- Ой, не прибедняйтесь. С таким вокалистом вам бояться нечего.
Макс ничего не сказал, но от Эрики не ускользнуло, как он просиял при этих словах. Он действительно переживал за Владислава, как за себя, если не больше... А Владислав рассмеялся:

- Вы хотите, чтобы я звездную болезнь заработал?
- А ты и так на самооценку не жалуешься, – Макс показал язык. – Ладно, если ты остаешься, то оставайся, а я поеду. Иначе уже машину вести не смогу. Так что последний раз предлагаю – может, со мной?
- Нет.

- Как знаешь. Твою гитару захватить?

- Да, спасибо, отосплюсь – заберу.

Владислав встал и подошел к Максиму попрощаться. Они обнялись, и Макс что-то шепнул Владиславу на ухо. Тот в ответ чуть сжал его плечо и улыбнулся. И Эрика в очередной раз не могла не удивиться, насколько они все-таки похожи. Сейчас в лице Владислава не было ни отрешенности, ни скрытой боли, ни усталости – и их с Максимом можно было принять за братьев. «А они ведь в чем-то и есть братья. По крови», – подумалось ей.

Вадим потянулся в кресле и неожиданно зевнул.

- А ведь Макс дело говорит. Пора бы и по домам.

Только сейчас Эрика вдруг осознала, что провела всю ночь без сна, да еще и выпив небывалое для нее количество виски. Это если не брать в расчет все события на концерте и после него. Тем не менее она не чувствовала себя уставшей – во всяком случае, не больше, чем вечером после обычного дня. Словно угадав ее мысли, Владислав положил ей руку на плечо:

- Мы тут совсем про время забыли. Ты далеко живешь?

- Да нет, не очень. Хотя пешком тут минут сорок, а транспорт вряд ли пошел...

- Я тебя провожу, – сказал Владислав. Не спросил, не предложил – просто поставил перед фактом. И в который раз за вечер Эрике осталось только согласиться.

В клубе не осталось почти никого, или все разбрелись по темным углам, просто дожидаться открытия метро. Игорь все еще общался с давешним журналистом, но уже не в рамках интервью – насколько Эрика поняла по долетающим обрывкам фраз, они обсуждали какую-то компьютерную игру и, кажется, обнаружили, что на полях виртуальных сражений им даже доводилось встречаться. Стас из гримерки так и не появился, как и Слава.

- Пойду куртки принесу, – сказал Владислав. – А заодно наших гитаристов выгоню, а то они там, кажется, поселились. У тебя такая черная куртка с поясом, да?

- И когда ты успеваешь все заметить? Хотя у вас там вряд ли женские куртки пачками валяются.

Владислав рассмеялся и исчез в темноте. Вскоре он снова появился, перекинув через плечо куртку Эрики и свою косуху. Похоже, он не любил лишних деталей ни в сценической, ни в обычной одежде – просто жесткая черная кожа, без цепей, клепок или нашивок. Словно прочитав ее мысли, Владислав сказал:

- Не люблю все эти шипы и заклепки – однажды из интереса примерил что-то проклепанное, так потом замучился отцепляться, – он коснулся своих волос.

- Понимаю, – со смехом ответила Эрика. Проблема была ей более чем знакома – она и сама носила волосы ниже лопаток и не любила собирать их в хвост или заплетать, так что выпутываться из какой-нибудь детали одежды приходилось не раз.

Владислав галантно подал Эрике куртку, задержав руки на ее плечах чуть дольше, чем нужно, чтобы просто помочь одеться. Эрика накрыла его руку своей, не желая его отпускать. Прошло несколько секунд, а может, и больше – она не знала. Снова то же чувство, что и недавно на сцене... И если тогда это еще можно было списать на харизму рок-музыканта, то сейчас Эрика уже едва помнила, что за ее спиной стоит вокалист группы, подчиняющий себе зал с полуслова. Ей просто хотелось, чтобы Владислав был рядом. И, сама не очень

понимая, что и зачем она делает, она обернулась и уткнулась лицом в его черную футболку. Какой же он все-таки высокий... Краем глаза она заметила, что Вадим деликатно растворился в окружающей обстановке. Владислав улыбнулся и провел рукой по ее волосам.

- Спасибо тебе, что пришла, – тихо сказал он.

- Тебе спасибо за концерт... и не только, – так же тихо отозвалась Эрика.
– Только вот...

«Только вот почему ты все-таки выбрал именно меня?» – хотела она спросить. Этот вопрос не давал ей покоя с того момента, как Владислав указал на нее. Но Эрике показалось, что спрашивать об этом сейчас будет некстати, и она не стала продолжать. А Владислав не услышал ее слов или решил не переспрашивать. Что ж, оно и к лучшему. Почему бы это ни случилось – сейчас ей просто было хорошо. Но все же нужно было уходить.

- Ну что, пойдем? – наконец сказала Эрика, неохотно отстраняясь.

- Ага, сейчас, – Владислав застегнул косуху. Под рукавами не было видно его браслетов, и сейчас он выглядел почти так же, как один из немногочисленных металлистов, еще остававшихся в клубе. Светлые волосы вольно распущены по плечам, косуха сидит так, словно сшита специально для него (или так и есть?) – Эрика откровенно любовалась им. Владислав это явно видел, но ее это не слишком волновало.

Откуда-то снова появился Вадим.

- Что, уже уходите?

Владислав кивнул.

- Ну и я пойду. Слушай, Владислав, а как бы нам еще встретиться?

- Приходи на следующий концерт, он скоро.

- Ну это само собой. Но тебе ж опять, наверное, ни до кого будет. Просто не хотелось бы опять теряться.

- Не потеряемся, – улыбнулся Владислав.

Они вышли из клуба. Город был пуст – ни людей, ни машин. В ясном небе сияла огромная серебряная луна.

- «Пусть над миром летит серой стаи призыв, пусть луна мою шерсть серебрит»... – негромко напел Владислав.

- Тебе что, концерта мало было?

- Просто вспомнилось. И кстати, концерта мне действительно мало.

- Что там Стас говорил про мечту рок-музыканта? – рассмеялась Эрика.

- Не дождетесь! – совершенно серьезно ответил Владислав.

Подул ветер. Эрика чуть поежилась – погода стояла, конечно, необычно теплая, но глубокой ночью близкий ноябрь уже давал о себе знать. Она плотнее застегнула куртку.

- Может, тебе мою дать? – предложил Владислав.

- А ты тогда в чем останешься?

- А мне и так неплохо, – он потянулся к молнии. Эрика запротестовала:

- Ну вот еще! Начнем с того, что я в твоей косухе утону, меня туда три штуки поместится. Да и не холодно мне – просто после клуба пробрало. Давай лучше пойдем уже, на ходу теплее.

- Веди, – Владислав взял Эрику за руку.

Они шли вдоль непривычно пустого проспекта – проехала лишь паратройка машин. Полностью Москва не засыпала никогда, но все же сейчас огромный город почти замер. Эрика подумала, что на улице сейчас, наверное,

только они одни. Во всяком случае, в этом районе. Ей никогда еще не приходилось идти по городу в такое время, и оттого знакомые дома и улицы казались какими-то нереальными – словно во сне. Но ее ладонь лежала в руке Владислава, и у него были теплые сильные пальцы, и высунувшийся из-под рукава браслет обжег ее запястье холодом... Все это было более чем настоящим, хотя порой Эрике самой не верилось, что это происходит с ней. Ведь она просто пришла на концерт, а теперь вокалист рок-группы провожает ее домой, словно подросток после свидания. А ведь они почти и не разговаривали друг с другом... И сейчас Владислав шел молча, лишь время от времени поглядывая на Эрику – успевает ли она за его широким шагом. Эрика лишь улыбалась, и они шли дальше. И ей было почти жаль, что большая часть дороги уже позади.

- Пришли, – сказала Эрика, остановившись на углу дома, рядом с аркой. – Вот тут я и живу. Может быть, зайдешь? Тебе самому-то далеко?

- Не очень, – улыбнулся Владислав. – Доберусь.

Он помолчал. Эрика заинтересованно смотрела на него – он явно собирался что-то спросить, но не находил слов. Не похоже на него...

- Слушай... Может, обменяемся телефонами?

- Я мобильник не взяла. Есть куда записать?

- Да, конечно, – Владислав быстро обшарил карманы косухи. – А, черт. Я же тоже телефон на концерты не беру. После того, как два уже потерял. Точнее, на один какая-то добрая душа кофр поставила.

Он усмехнулся и вдруг прищелкнул пальцами:

- А в чем, собственно, проблема? – он извлек из кармана ручку и подставил Эрике ладонь: – Пиши! Дома перепишу.

Эрика, смеясь, аккуратно вывела свой номер телефона.

- Ну вот. Будешь теперь меченый.

- Куда уж больше... – проговорил Владислав в пространство. Он посмотрел на свою ладонь, убедившись, что может разобрать написанное, и вдруг порывисто обнял Эрику за плечи.

- Я не хочу тебя отпускать, – тихо проговорил он. Эрика не ответила. Ей самой не хотелось уходить. Но и позвать Владислава к себе она не решалась.

- Мы еще увидимся, – тихо сказала она.

- Обязательно. Я тебе позвоню на днях, ладно?

- Да хоть вечером.

Владислав молча кивнул. Эрика поняла, что сейчас он все-таки уйдет. И незаданный вопрос не давал ей покоя.

- Владислав!

- Да?

- Скажи мне одну вещь... почему все-таки именно я? Половина зала душу бы продала, чтобы ты выбрал их...

Владислав взял обе руки Эрики в свои и некоторое время молча смотрел ей в глаза. Пронзительно-голубой лед... Потом он с расстановкой проговорил:

- Ты такая же, как и я.

- О чем ты? – но раньше, чем Эрика договорила эту фразу, в памяти всплыли слова Макса: «Владислав не выбрал бы тебя, если бы не знал, что ты увидишь...». Владислав улыбнулся:

- Ты понимаешь.

Эрика смотрела ему вслед, пока высокий силуэт не растворился в темноте.

3.

Эрика проснулась почти под вечер. Сон был долгим и беспокойным – она снова видела концерт, музыкантов, улыбку Владислава... Но вместе с тем перед глазами вставала ночная гроза и лесные тени, и слышался тихий голос Макса, вспоминающего давнюю поездку за город. Несколько раз Эрика почти просыпалась, но сон не отпускал ее, возвращаясь снова и снова. Наконец она открыла глаза и села на постели. Сквозь неплотно закрытые шторы пробивалось солнце, уже начинавшее клониться к закату. «Кажется, я впадаю в спячку», – засмеялась Эрика вслух. Впрочем, торопиться ей было некуда.

Мобильник лежал на столе, не подавая признаков жизни. Эрика отключила его еще вчера, уходя на концерт, а по возвращении сил хватило уже только на то, чтобы раздеться и рухнуть спать. Она дотянулась до телефона, включила его – и почти сразу же раздался звонок, так что она вздрогнула от неожиданности. Номер был незнакомым.

- Здравствуй, – а вот голос в трубке был более чем знаком. – Это Владислав.

- Уже узнала.

- Я тебя не разбудил?

- Ты точно угадал момент, когда мне надоело спать.

- Я сам не так давно в себя пришел, – он засмеялся.

- Могу представить. Как добрался?

- Что мне будет!

- Ну кто тебя знает...

- Так, понятно. Мало мне Макса – меня опять хотят от всего спасать.

- Ну вот еще, – засмеялась Эрика. – По-моему, у тебя у самого неплохо получается.

- Ну хоть кто-то в меня верит. Слушай, у меня корыстный вопрос: а что ты делаешь в ближайшую пару дней?

- Да в общем-то ничего. Редактирую, но это ко времени не привязано.

- О, наш человек. Я переводчик. Так вот, почему бы по этому поводу не пойти куда-нибудь погулять? Скажем, завтра. На смотровой. Часа в три.

У Эрики было полное ощущение, что Владислав не спрашивает, а просто назначает встречу. Впрочем, почему бы и нет?

- Почему бы и нет? – повторила она вслух.

- Договорились. Ладно, поеду к Макс за гитарой.

- Привет ему.

- Обязательно. До завтра.

- До завтра.

Уже положив трубку, Эрика долго сидела и смотрела на экран мобильного, в который раз удивляясь сама себе. Слишком быстро они договорились. Слишком быстро все происходит. «А тебе что нужно? – проснулся все тот же неумный чертенок. – Дождаться случая быть официально представленными, еще с полгода переписываться и только тогда набраться смелости пройти по парку? Может, еще одобрение родителей на знакомство запросить? Особенно с учетом того, что некоторые к родственникам заглядывают дважды в год на дни рождения, а он вообще не из этих краев. В каком веке живем?». И чертенок, пожалуй, опять был прав. Эрика улыбнулась и стала одеваться. Пусть все идет так, как идет. На данный момент происходящее

ей вполне нравилось. А к чертенку явно стоило прислушиваться – в конце концов, именно он заманил Эрику на концерт.

Заваривая чай, Эрика поймала себя на том, что вполголоса напевает балладу «Ветробоя» – «На вершине холма на луну погляжу и услышу вдали волчий вой...». «Надо будет у Владислава записи попросить», – решила она. И почему-то показалось, что до завтрашнего дня очень долго.

Осенняя слякоть и холод по-прежнему не спешили в город – день выдался прохладным, но ясным. Перед выходом Эрика долго разглядывала себя в зеркале, хотя отражало оно, в общем, примерно то же, что и всегда – довольно высокую девушку с распущенными каштановыми волосами, в черной куртке и джинсах. Девушка улыбалась и выглядела довольной жизнью. Эрика подхватила сумку, в которой так и валялись два диска, купленные вместе с билетом на «Ветробой». Подумала, что хорошо бы их выложить, но времени оставалось не так много, и возвращаться в комнату не захотелось. Не такие уж они и тяжелые.

Смотровая была почти пуста, не считая вечных торговцев сувенирами, немногочисленных туристов и студентов, выбравшихся погулять между занятиями или вместо них. Впрочем, прислонившегося к парапету Владислава трудно было бы не заметить даже в толпе. Волна светлых волос, все та же косуха, жесткая кожаная сумка через плечо, черная бандана вместо шарфа и эффектные темные очки-полумаска, делавшие его похожим то ли на героя фильма про какое-нибудь техногенное будущее, то ли на заграничную рок-звезду, то ли на то и другое сразу. Владислав тоже заметил Эрику, быстро подошел к ней и вдруг подхватил на руки.

- Пусти! – запротестовала Эрика, шутливо отбиваясь.

- А если не пущу? – усмехнулся Владислав.

- Ну что же с тобой делать? Ты сильнее.

Он крепче прижал ее к себе:

- Поймал. Моя добыча, – он улыбался, но голос звучал неожиданно серьезно.

- Поймал, поймал, – рассмеялась Эрика. – Может, хоть поздороваяешься, охотник? А то сразу хватать и в логово.

- Ну извини, не сдержался, – Владислав осторожно поставил ее на ноги. – Здравствуй. Я скучал.

«Мы не виделись чуть больше суток! Кажется, я чего-то не понимаю в общении музыкантов и поклонников».

- И ты здравствуй. Давно ждешь?

- Сам только что пришел. Может, к парапету отойдем?

- Давай.

До парапета они дошли молча. Эрике не давали покоя темные очки Владислава. Очень хотелось попросить его их снять, чтобы все-таки увидеть его глаза – выглядел он замечательно, слов нет, но очки придавали ему слишком отстраненный вид, даже несмотря на постоянную улыбку. И просто хотелось видеть эту невероятную льдистую синеву... «Кто-то недавно говорил, что не влюбляется в музыкантов?».

Словно заметив взгляд Эрики, Владислав коснулся оправы:

- Солнце.

- Где ты его нашел? Зима скоро!

- Я ночной житель, яркий свет не люблю. В лесу еще ладно, а в городе слишком много всего блестящего.

- А на концерте как же?
- Там – другое, – коротко ответил Владислав. – А днем я почти всегда в очках. Хотя сейчас солнце уже неяркое. Хочешь, сниму?

Не дожидаясь ответа, он сдвинул очки наверх. Эрика улыбнулась:

- Так гораздо лучше.

Владислав улыбнулся в ответ и запустил руку в свою сумку:

- Вот... Это тебе. Они вкусные.

Он держал пакетик с большими ирисками цвета кофе с молоком. Эрика просияла:

- Здорово, спасибо! Я вообще сластена.

- Я тоже, – Владислав чуть смутился и проговорил: – Смешно, наверное, выгляжу с этими ирисками, но с цветами как-то ничего не придумал.

- Да ну их, эти цветы. Стоят потом и вянут.

- Сам не люблю, – в его голосе слышалось явное облегчение.

А потом они сидели рядом на парапете, смотрели на высотку МГУ, вырезанную темным силуэтом в еще светлом небе, и ели ириски. То и дело они обнаруживали, что пытаются взять одну и ту же конфету, смеялись, и Владислав чуть задерживал руку Эрики в своей. Потом они решили, что ириски слишком сладкие, Владислав слез с парапета и отправился к какому-то из многочисленных ларьков за чаем. И они снова сидели рядом, смотрели вокруг и разговаривали.

- Я только удивляюсь, почему я тебя в универе никогда не видела, – говорила Эрика. – Я же выпустилась год назад, должны были пересекаться. Правда, германистов я мало знаю.

- Получается, ты меня года на три младше? Мне двадцать пять, скоро двадцать шесть.

- Двадцать три. Точно, на три года.

- Значит, просто не сложилось, – улыбнулся Владислав. – Я действительно у вас часто бывал. Но именно у германистов.

- Слушай, а ваш Влад с филфака где именно учился? Может, знаю?

- Он... – Владислав прикрыл глаза, вспоминая. – Он вроде со славянского отделения. Да, точно. Еще говорил, что он единственный парень на двадцать пять девчонок. Он все время ходил в балахоне с Шевчуком. И очки носил такие же.

- Точно, был на старших курсах такой. Девчонки еще смеялись, что его вечно по субботам нет на занятиях, и дразнились правоверным евреем.

- Неудивительно! – рассмеялся Владислав. – В субботу он чаще всего был с нами на озере.

В голубых глазах мелькнула чуть заметная тень.

- Ой, прости. Наверное, не надо было вспоминать?

- Да ладно... Это все прошло. Да и что они могли сделать? Все нормально, правда, – он чуть коснулся ее руки.

Больше они не вспоминали ни об озере, ни о прежней компании Владислава и Макса, ни даже о концерте. Сегодня Владислав опять перевоплотился в «просто металлиста», улыбчивого и общительного. Просто на концерте он познакомился с девушкой, просто пригласил ее погулять, просто рассказывал разные истории из своей жизни.

- Обычно я тексты перевожу. Документацию всякую, редко книги. Скандинавы, которые к нам приезжают, обычно неплохо говорят по-английски. Но недавно позвонили собратья-историки: «Выручай!». К ним какой-то

норвежский профессор в гости собрался лекцию читать, английского почти не знает, русского – тем более. Соответственно, надо было перевести эту лекцию, а заодно немного выгулять его по Москве. Никаких проблем, на гида я не потяну, но город неплохо знаю, хотя и не местный. Вообще мое переселение сюда – это отдельная история, как-нибудь расскажу. Так вот, когда мы с этим профессором друг друга увидели – смеялись долго. Ибо он хоть и норвежец, а внешность имеет вполне обычную средневропейскую, такой невысокий худой шатен в свитере и с типичным профессорским портфелем. А тут я, – Владислав картинно расправил плечи. – По-моему, он так и не поверил, что я русский, и до сих пор считает меня удачно маскирующимся соотечественником. И, кажется, не он один. Мы с ним зашли в кафе, естественно, разговаривали по-норвежски, так я раз пять напоминал официанту, что со мной можно и по-русски.

Эрика засмеялась:

- А чего ты хотел, с такими-то данными?

- Да в общем ничего, – улыбнулся в ответ Владислав. – Тем более что еще в универе была чем-то похожая история. Учился я тогда курсе на втором, кажется. Познакомился с местными националистами, по совместительству вроде как язычниками. По мне, такие же язычники, как я иезуит, ну да не о том речь. У них один парень был художником. Кстати, весьма неплохим, у меня пара его рисунков до сих пор хранится. В общем, он однажды меня поймал и заявил, что хочет меня сфотографировать, чтобы потом на этом основании что-нибудь очень идейное нарисовать. Я, мол, символизирую нордическую кровь и надежду русской нации.

- А ты что? – со смехом спросила Эрика.

- А я ничего, мне не жалко. Пошли в парк, я ему на фоне заснеженных елок изобразил из себя что-то суровое нордическое, он отснял чуть не целую пленку и был совершенно счастлив. С его компанией мы вскоре разошлись, так что продолжения истории не знаю. Не удивлюсь, если где-нибудь до сих пор бродит какой-нибудь националистический плакат с главным героем, подозрительно напоминающим меня. Ну что же, сатанистом я уже был, могу для разнообразия экстремистом побыть.

- Не похож, – уверенно сказала Эрика.

- Ты это нашим журналистам объясни.

Он замолчал, улыбаясь каким-то своим мыслям. Эрика машинально сунула руку в сумку и вспомнила про свои диски.

- Смотри, что у меня есть. Купила вместе с билетом на ваш концерт, да так и таскаю.

- О, «HammerFall»? – оживился Владислав. – Люблю их.

- И я. Вот собираю коллекцию.

- Я по ним, можно сказать, английский учил. Первый альбом вообще до дыр заслушал и до сих пор люблю. Как там... – он чуть прищелкнул пальцами и негромко запел, точно имитируя жесткий скандинавский выговор Йоахима Канса:

- Silent lies Eden on top of the moor,
we're fighting with honor protecting our Lord.
The last one survivor lies bleeding, I kneel,
into his heart I settle the steel...⁶

⁶ В безмолвии лежит Эдем над пустошью, // Мы сражаемся с честью, защищая нашего повелителя.
// Последний выживший лежит в крови, я преклоняю колена, // В его сердце я направляю сталь...
Песня группы HammerFall.

На последних строках Эрика взглянула в глаза Владиславу – и невольно отвела взгляд, таким холодом вдруг повеяло от его лица. Да, в том бою он был бы на своем месте. И сжатая в кулак рука словно наносит тот самый последний удар... Но Владислав улыбнулся и вновь стал самим собой.

- Любимая песня. Так и вижу...

- Я заметила, – серьезно сказала Эрика.

- Ну да, в тексты я вживаюсь – что в свои, что в чужие, – на мгновение его взгляд снова стал ледяным. Но только на мгновение.

- А ты не думал кавер сделать?

- Нет. Хотя... Действительно, что-то мы в «Арию» вцепились, словно других групп на свете нет, при всем уважении. Точно, предложу нашим. Спасибо за идею.

- Да я-то тут при чем...

- Ну я же не догадался, – его пальцы пробежали по невидимому грифу гитары, словно уже подбирая мотив. – Нет, точно сделаем. На ближайшем концерте вряд ли, там уже много чего задумано, а вот потом... Кстати, концерт у нас в декабре будет, точную дату еще обсуждаем. Это приглашение, если что, – он подмигнул.

Солнце, и так невысокое, явно собиралось совсем скрыться за горизонтом. Потянуло вполне ноябрьским холодом, набежали облака и поднялся ветер. Смотровая почти опустела.

- Может, переберемся куда-нибудь? – предложила Эрика, слезая с парашюта – сидеть на нем стало откровенно холодно.

- В кофейню?

- Идея!

Правда, чтобы дойти до ближайшей кофейни, нужно было пересечь половину территории университета, но Эрика была только рада – давно не выпадало возможности просто погулять по городу. Они заняли столик в самом дальнем углу, и Владислав сел рядом с ней на диванчике и положил руку ей на плечи – все тот же чуть властный жест, что и два дня назад в примерке... Два дня назад? Ей не верилось, что они знакомы так недавно.

- Я тебя еще не заболтал моими переводческими байками? – тихо спросил Владислав. Эрика замотала головой, но он улыбнулся: – Сам знаю, что заболтал. Расскажи ты что-нибудь.

- Да что я расскажу? – смутилась было Эрика. Но тут им наконец принесли заказ – кофе со взбитыми сливками для Эрики, черный чай для Владислава – и разговор пошел сам собой. Она вспоминала филфак, какие-то забавные случаи с занятий и экзаменов, но чаще всего в ее рассказах появлялась однокурсница Ольга. Что неудивительно – они дружили все пять лет, да и сейчас время от времени созванивались и выбирались выпить кофе. Странное дело – на Ольгу время как будто не действовало. В ее двадцать три года ей с равным успехом можно было дать и четырнадцать, и тридцать. Со своими льняными туниками, бисерными украшениями и вплетенным в волосы бубенчиком невысокая улыбчивая Ольга казалась совсем подростком. Но когда она бралась за любимую флейту или рисовала – флейта и планшет всегда были у нее с собой, так же как мешочек с рунами (Владислав явно оживился при этих словах) и множество других вещей, странных на первый взгляд, но абсолютно ей необходимых – узкие темные глаза становились не по годам серьезными, и она выглядела уже не

студенткой филфака, а шаманкой с берегов своего родного Байкала. Собственно, прозвище «шаманка» приклеилось к ней с первых дней учебы.

- Ей даже девчонки из параллельной группы бубен подарили. Знаешь, такой с перьями и всякими узорами. Так и сказали: «Тебе не флейту надо, а бубен». А Ольга его изучила, сказала, что таким бубном только Пиковую Даму вызывать, и дома на стенку повесила.

- Ха, мне так же всякие рунические штуковины пытались дарить. Потом обозвали занудой и стали выбирать более обычные подарки. Кстати о рунах – можно на твой браслет поближе взглянуть?

- Пожалуйста, – Эрика протянула руку. – Кстати, его Ольга сделала. Еще на первом курсе.

- Хо-ро-ошая вещь... – нараспев проговорил Владислав, слегка коснувшись браслета. – Понимающий человек делал, сразу видно.

- Его ничего не берет. Металлические цепочки у меня рвались, бисерные фенечки рассыпались, а этот уже сколько лет живет.

- У меня до этих браслетов ни одна вещь долго не жила.

- А давно ты их носишь? – еще не договорив, Эрика поняла, что знает ответ.

- Три года, – Владислав сказал именно то, что она ожидала. – Меня за них «князем Серебряным» однажды назвали.

- А что, тебе идет.

- Ну вот еще. В князя не целюсь. Я Владислав, и все тут. Хотя в группе прозвище прижилось, но исключительно в шутку.

- Кстати о группе, – вспомнила Эрика. – У вас хоть какие-нибудь записи есть? Ты говорил, вы только первый альбом пишете, но, может, уже есть что-то?

Она не верила своим глазам: Владислав явно смутился.

- Ну есть, конечно... Только писалось это практически на коленке, качество соответствующее. Если не пугает – могу поделиться. Но, разумеется, для личного пользования и все такое.

- Обижаешь. Мне просто хочется повнимательнее послушать. А то на концерте по понятным причинам я не все адекватно восприняла, – она подмигнула. Владислав опустил глаза. Неужели опять собрался извиняться? Эрика тронула его за руку:

- Да все в порядке. Честное слово. Это был замечательный концерт. И в декабре я обязательно приду.

Владислав благодарно кивнул.

За окнами кофейни тем временем совсем стемнело. Эрика посмотрела на часы. Владислав понимающе улыбнулся и поднял руку, подзывая официантку. Он не сказал ни слова, но Эрика была почти уверена – он и на этот раз проводит ее.

И снова они молча шли вдоль проспекта, и Владислав держал ее за руку, и почему-то казалось, что этой дорогой они проходили уже много раз. Во всяком случае, Владислав шел совершенно уверенно, уже не нуждаясь в указаниях Эрики. И ее дом, один из длинного ряда похожих зданий, на этот раз он нашел сам.

- Подожди, – сказала Эрика. – Ты обещал записями поделиться.

- Обещал, – он достал блокнот. – Пиши адрес, пришлю.

Они еще некоторое время стояли молча. Расходиться не хотелось. Эрика чуть поежилась – к ночи откровенно похолодало.

- Ты так не простудишься? – обеспокоенно спросил Владислав.

- Вроде не должна.

- Я пойду, наверное, – улыбнулся он. Эрика только кивнула. Он обнял ее на прощание, повернулся и ушел.

Теперь они встречались при любом случае, когда не нужно было куда-нибудь ехать по делам и у Владислава не было репетиций или тренировок – они с Максом обучались рукопашному бою. Когда Эрика узнала об этом, она лишь удовлетворенно кивнула – ее догадка подтвердилась. Она общалась и с фехтовальщиками, и с рукопашниками, хотя сама ничем таким не занималась, и знала – такая манера двигаться в тренажерном зале не приобретается. А еще она отметила, что Владислав старается назначать встречи на вечер, когда уже смеркается – впрочем, темнело все раньше и раньше. Зато в темных очках он больше не появлялся.

Владислав почти ничего не рассказывал о том, что было до его переезда в Москву и поступления в университет. Впрочем, Эрика и сама не особенно распространялась о своем детстве. Обычная гуманитарная семья, обычная спокойная жизнь. Последние три года Эрика жила отдельно, снимая комнату у приятной пожилой женщины, которая почти все время проводила за городом, и в целом это всех устраивало. Владислав о своей семье почти никогда не упоминал, и Эрика не настаивала – вероятно, на то есть причины. Он мог быть невероятно общителен, но если он не хотел о чем-либо говорить – от него невозможно было добиться ни слова.

Несколько раз они встречались после репетиций группы. Музыканты вели себя с Эрикой, как старые знакомые – впрочем, после тех ночных посиделок в примерке трудно было бы считать иначе. Разве что Игорь-Индрик держался в стороне, но он и с остальными не отличался разговорчивостью. Зато Стас, Слава и Макс даже пытались в шутку ухаживать за Эрикой, вызывая притворное негодование Владислава. Одним словом, они были уже не группой и поклонницей, а вполне сложившейся компанией. Несколько раз там же появился Вадим, неизвестным образом вычисливший, где репетирует «Ветробой» – Владислав клялся, что не говорил ему об этом. Впрочем, никто эту информацию особенно и не скрывал. «Вроде мы еще не рок-звезды, чтобы от бешеных фанатов прятаться», – смеялся Стас. Вадим в ответ подсовывал ему первую попавшуюся бумажку, якобы требуя автограф. Гитарист рисовал какую-нибудь загогулину, Вадим изображал бурную радость. Впрочем, когда в игру включился Владислав и нарисовал заплетенного в узел странного зверя, вроде тех, что украшали его гитару, Вадим аккуратно сложил листок и убрал в карман.

Очень скоро Эрика уже знала биографии всей группы. Стас и Слава дружили с детства – так получилось, что их родители жили рядом. В школе сидели за одной партой, в институт поступили вместе. Стас утверждал, что Слава увязался с ним за компанию, Слава яростно это отрицал. Но все же эти двое были неразлучны уже лет двадцать, и теперь, закончив институт, снимали квартиру на двоих. Благо их привычки и образ жизни во многом совпадали. Оба любили виски и черный кофе, оба засиживались за компьютером или гитарой до поздней ночи, оба водили в гости девушек, но ни во что серьезное это пока не вылилось. «Вам бы братьями родиться», – сказала однажды Эрика, намекая еще и на их внешнее сходство, а гитаристы рассмеялись: «Мы всю жизнь это слышим». Было отчего – Эрика знала многих кровных братьев и сестер, которые и в половину не были так близки, как Стас и Слава.

Игорь-Индрик, самый младший в группе – ему скоро должно было исполниться двадцать четыре – пока что жил с родителями. «А что? Я работаю, на шее у них не сижу. До своей семьи пока не созрел, – рассудительно говорил басист. – У них своя жизнь, у меня своя». Спокойный и молчаливый Игорь был бы, наверное, идеальным сыном, если бы не его страсть к компьютерным играм. В виртуальных сражениях флегматичный басист преображался – с горящими глазами крушил врагов и сыпал проклятиями на каждый пропущенный удар. На концертах, пожалуй, он и то был менее эмоционален. «А с другой стороны, кому я мешаю? Ну сижу по ночам – так я программист, у меня четкого графика нет. Так нет, ворчат то и дело». Только любимые игры и не менее любимая бас-гитара могли заставить Игоря на время выйти из непроницаемо-спокойной оболочки. Он говорил негромко, редко смеялся, чаще всего сидел чуть в стороне и литрами пил чай – он был единственным в группе, кто почти не притрагивался к спиртному. «Невиданный зверь – непьющий басист», – смеялся Владислав. В кого-нибудь другого Игорь бы уже запустил тем, что ближе лежит – он не слишком любил шутки в свой адрес, включая безобидное прозвище – но Владиславу, кажется, было позволено все. Впрочем, вокалист никогда этим не злоупотреблял.

Макс был единственным в группе, кто после окончания университета всерьез занялся наукой – сейчас он дописывал диссертацию, тему которой Эрика так и не смогла запомнить. Но, разумеется, она касалась его любимой Карелии. Макс и сам, со своими льняными волосами и глазами цвета весеннего неба, был похож на какого-нибудь персонажа «Калевалы». Как и Владислав. Хотя Владислав родился и вырос в той самой Карелии, а детство Макса прошло в военном городке на Волге, где служил его отец. Он вышел в отставку незадолго до того, как Макс поступил в университет, и семья переехала в Москву. По словам Макса, отец частенько подшучивал над «неуставным» обликом сына, но никогда серьезно с ним не конфликтовал. Более того, вполне одобрительно отнесся к тому, что Макс не собирался иметь с армией ничего общего. «Я, говорит, военный не по призыву, а по призванию. И если ты, говорит, призвания в себе не чувствуешь, то и не надо». Судя по завистливому вздоху Вадима, ему отнюдь не так повезло с родственниками, и свои интересы он явно отстаивал с боем. Впрочем, родственники Вадима были далеко, и, как и Владислав, он не слишком любил о них говорить.

Тем временем ноябрь сменился декабрем, а значит, до следующего концерта «Ветробоя» оставалось совсем немного. Однажды Владислав позвонил Эрике и сказал:

- Ну, кажется, с датой мы решили. Двадцать второе. Мой день рождения, кстати.

Эрике послышалась в его голосе чуть заметная напряженная нотка, но она решила не обращать на это внимания – все же «Ветробой» существовал не так давно, чтобы концерты превратились во что-то обыденное. Тем более еще и день рождения вокалиста. Так что она просто ответила:

- Буду.

Но дата концерта, как и месяц назад, никак не желала уходить из головы, и Эрика спросила:

- Слушай, это у вас идея такая или само так получается?

- Ты о чем?

- Да концерты очень удачно попадают – то Самайн, то Июль...

- Само так получается, – голос в трубке стал еще более напряженным, и Эрика поняла, что явно сказала что-то не то. Впрочем, Владислав сам поспешил сменить тон: – Нет, я практически уверен, что Стас не подгадывает – переговоры ведет он, я неважный организатор. Решил, видимо, подарок мне устроить, – он невесело усмехнулся. – А впрочем, что будет, то будет. Я тебя в список гостей группы внес, на входе просто назовешься, или я сам проведу, если встретимся.

- Спасибо, – улыбнулась Эрика, а про себя подумала: «И опять все решили за меня». Но ее – в который раз – это вполне устраивало.

Теперь Владислав почти не проявлялся – группа усиленно репетировала. Эрика с удивлением обнаружила, что за их недолгое знакомство уже очень привыкла к его звонкам, к прогулкам по городу, к посиделкам с группой, и сейчас всего этого крайне не хватало. «Кто там не влюбляется в музыкантов?» – в который раз пискнул никак не желающий униматься чертенок, но Эрика только послала его к старшим братьям-чертям и отправилась искать Владиславу подарок. Все-таки не просто концерт, а день рождения.

Подарок нашелся практически случайно. Эрика вспомнила, что Владислав по-прежнему носит вместо шарфа свою черную бандану, хотя в Москву уже пришли настоящие зимние холода. Он, конечно, северянин и по внешности и по духу, московской зимой его вряд ли можно удивить, но все же... И, как по заказу, в одном из соседних магазинов Эрика увидела большой белый шарф. Должно быть, очень подойдет к светлым волосам Владислава и его вечной косухе, которую он, по его словам, не снимал ни в какие морозы. Теперь осталось только дожждаться концерта.

Солнце, казалось, не всходило совсем – ночь сменялась серыми сумерками, которые вскоре опять превращались в ночь. «Время Великой Тьмы», – вспоминала Эрика чьи-то слова про эти дни – если это можно было назвать днями. Впасть в спячку не давала разве что работа – Эрика редактировала приключенческую повесть, что характерно, про викингов. Северная тематика интересовала ее давно, с тех пор, как она на первом курсе прочла «Старшую Эдду», но сейчас этой тематики в ее жизни стало как-то очень много. Рунический браслет, повесть, диски HammerFall, а теперь еще в преддверии Нового Года ей подарили красивое издание «Калевалы»... Эрика не слишком верила в случайные совпадения, и ей все больше казалось, что некий светловолосый вокалист некой рок-группы, который уже совершенно залег на дно, имеет к этому самое прямое отношение.

Так получилось, что в день концерта Эрике оказалось совершенно некуда себя девать. Поэтому около клуба она оказалась задолго до того, как там появились хоть какие-то признаки жизни. Что делать столько времени – она совершенно не понимала, тем более что стылый зимний ветер пробирал насквозь. И все же уходить греться в какое-нибудь кафе ей не хотелось.

Владислав появился незаметно, точно в тот момент, когда Эрика отвернулась от двери клуба. За два месяца знакомства она успела привыкнуть к его бесшумной походке и почти не удивилась, когда он возник из ниоткуда.

- Я соскучился, – проговорил он.

- Я тоже. Ты совсем пропал.

- Прости, – он виновато улыбнулся. – А ты чего так рано? Начало часа через два, и то в лучшем случае.

- Да так, дело одно есть, – подмигнула Эрика и протянула ему пакет с шарфом. – С днем рождения тебя. Мне кажется, тебе пойдет.

Владислав ничего не сказал – только молча склонил голову, но Эрика видела, как он просиял. Несмотря на пронизывающий ветер, он расстегнул косуху, наполовину сбросив ее с плеч, и обернул шею подаренным шарфом.

- Так тепло... – улыбнулся он. – Спасибо тебе. Я давно такой хотел.

- С днем рождения, – повторила Эрика.

Владислав улыбался, но в его голосе и взгляде опять появилась та странная напряженность, которую Эрика недавно слышала по телефону. Он словно хотел что-то сказать и никак не мог на это решиться. Наконец чуть севшим голосом Владислав проговорил:

- Эрика... мне страшно.

Страшно? Ему? Который просто-таки рожден для сцены, хотя и пришел в рок-музыку всего три года назад? Эрика уже собиралась ответить что-нибудь шутливо-ободряющее, но слова замерли в горле, когда она увидела его застывший взгляд. Точно так же Владислав смотрел в зал перед последней песней... Это не было волнение перед концертом.

Пока Эрика пыталась подобрать слова, Владислав заговорил снова:

- Эрика, ты помнишь, что было на прошлом концерте. И что после этого было со мной. Я боюсь, что в этот раз будет еще хуже.

Он взял ее за руку.

- Я никому не говорю... Ребятам не нужно это знать, и так проблем хватает. А Макс меня на сцену не пустит, если узнает. Хотя мне кажется, что он догадывается – еще бы, он-то все это видел...

- Ты о... – Эрика не договорила. Владислав указал взглядом на свою левую руку.

- Это продолжается с тех пор, как я начал петь. Сначала я не обращал внимания – да, иногда рука плохо слушается, неприятно, конечно, но терпимо. Перелом сложный, у многих такие травмы годами о себе напоминают, а я только недавно из больницы вышел. А тут эмоции, адреналин, все такое. Только вот со временем оно и не думало проходить. Боль – черт с ней, бывало хуже, я ее не боюсь и умею с ней справляться. Но после концертов у меня не было сил даже встать. Вплоть до того, что – Стас рассказывал – однажды я действительно отключился на сцене. Да и в прошлый раз...

Он снова помолчал, как будто собираясь с силами.

- Все считают, что я не помню, что произошло тогда в лесу. Это так. Когда я вижу свои же тексты, мне с трудом верится, что это написал я. Но когда я их пишу или, тем более, выхожу на сцену – я все это вижу. Я не знаю, что из этого было на самом деле, а что показалось или додумалось потом, но – вижу. Знаешь, почему я почти никогда не представляю группу? Да мне бы в такие моменты собственное имя вспомнить! Назови это раздвоением личности, одержимостью, да как угодно – не в этом суть. Возможно, через час я забуду, что тебе говорил – но сейчас я все-таки осознаю себя полностью. Я понимаю, что это звучит как полный бред...

- Я верю тебе, – коротко ответила Эрика. Владислав отрешенно кивнул. Взгляд голубых глаз застыл, голос звучал прерывисто и чуть хрипло:

- Я не знаю, с кем или чем я сцепился – но это не человек и не зверь. Ты видела, на той песне... я вряд ли когда-нибудь еще буду ее петь... во всяком случае, не со сцены... Эта тварь была сильнее меня, ей не хватило самой малости, чтобы меня добить. До сих пор не вполне понимаю, как я остался жив. А еще... она не ушла.

Он подошел еще ближе – Эрике пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо – и проговорил, глядя на нее в упор:

- Толкина читала? Да что я спрашиваю, читала, конечно же. Помнишь, про моргульский клинок – который остается в ране и движется к сердцу? В последнее время мне кажется, что это он во мне засел. И пытается завершить начатое... навья тварь! – он со злостью стукнул кулаком по стене. – Она меня не получит, раз не получила тогда. Но эта дрянь внутри становится сильнее. Каждый раз, когда я выхожу на сцену. А я не могу не выступать! Да, я едва держусь на ногах, да, меня приводит в чувство вся группа, но не петь я не могу. Тем более что это значило бы сдаться. Признать, что она и сейчас сильнее. Еще не хватало! И все же... я боюсь.

Он помолчал, снова собираясь с силами, потом продолжил уже спокойнее:

- Знаешь, ты... осторожнее сегодня. Я не хочу повторения того, что было в прошлый раз. Боюсь, я сегодня буду вообще не в себе.

Эрика кивнула. Впрочем, для себя она уже все решила.

- Вот он где! – из дверей клуба выглянул Слава. – Эрика, привет! Владислав, Макс уже интересуется, куда ты пропал. Скоро народ запускать начнут.

- Иду, – кивнул Владислав. – Эрика, пойдем, я тебя проведу. Мой гость, по спискам, – это было уже охраннику, который лишь окинул Эрику изучающим взглядом и, не обнаружив ничего подозрительного, пропустил.

В зал Эрика прошла одной из первых и устроилась около сцены, периодически оборачиваясь и разглядывая входящих. Минут через десять появился Вадим – его походку трудно было не узнать. Он увидел Эрику, помахал ей и направился к будке звукооператора. Эрика знаком предложила присоединиться к ней, но Вадим отрицательно покачал головой. Видимо, ему было легче стоять, опираясь о стену.

Первые две группы Эрика прослушала как в полусне, хотя честно хлопала в такт, местами даже подпевала, улыбнулась вокалистке одной группы и пожала руку гитаристу второй. Но ее мысли были заняты другим. В памяти все еще звучали слова Владислава. Теперь понятно, почему он почти никогда не говорит о концертах... Эрике иногда самой с трудом верилось, что вокалист группы «Ветробой» и обаятельный металлист, который так трогательно угощал ее ирисками и рассказывал переводческие байки – одно и то же лицо. Конечно, сценический имидж и характер в обычной жизни не обязаны совпадать, но Владислав действительно преображался, переходя границу сцены. А еще слишком ясно вспоминалась та самая песня, которую Владислав решил больше не исполнять. Вряд ли его об этом попросят, вещь слишком странная, не для концерта... И хорошо, что не попросят. Но все же Эрика ясно понимала: даже по меркам «Ветробоя» это вряд ли будет обычный концерт.

- Не будем вам больше надоедать и уступаем место группе «Ветробой», – объявил вокалист выступавшей группы, к большому восторгу зала. За спиной музыкантов уже возились с аппаратурой техники. Эрика разглядела в глубине сцены знакомую черно-красную гитару. «Кажется, будет акустика», – сообщил в пространство юноша, стоявший рядом с ней. Эрика кивнула.

Свет на сцене погас. Казалось бы, в клубе не могло быть полной темноты, но все же Эрика с большим трудом различила высокий силуэт Владислава. Он опустил на одно колено – длинные волосы скрывают лицо, микрофон спрятан в ладонях – и тихо, но очень отчетливо проговорил нараспев:

- Снег засыпает
Спящую землю,
Саваном белым
Солнце укрыто,
Вой раздаётся
В ночь полнолуния –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

Этот полусшепот был слышен в каждом уголке зала, и многих невольно пробрало холодом. Эрика и сама поежилась, хотя, казалось бы, уже по своему опыту знала, на что способен Владислав. Но он превзошел сам себя. Зал молчал, но не равнодушно, а заворуженно, не отводя взгляда от фигуры на сцене. Владислав продолжал:

- Сковано море
Оцепененьем,
Сковано небо
Холодом вечным,
Цепи зимы
Несокрушимы –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

И бесснежная московская зима на мгновение обернулась царством вечного льда. Холодный голубой свет, холодный отблеск серебряных браслетов, и хорошо, что Владислав не смотрит в зал – даже Эрика сейчас не рискнула бы заглянуть ему в глаза, где застыл тот же бездонный лед... Голос стал чуть громче:

- Стали и смерти
Час наступает,
Снега пустыня
Окрасится кровью.
Братьев своих
Зову на охоту –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

Вскинул голову – не вокалист оглядел публику, а хищник насторожился, почуяв добычу. На мгновение Эрика увидела бескрайнее поле, укрытое то ли снегом, то ли туманом, и силуэт белого зверя. Может быть, тот самый Белый Волк, о котором Владислав недавно написал песню. А может быть, даже он сам? Филолог в душе Эрики уверял, что это, конечно, только традиционный образ, любимый половиной металлистов – и все же сейчас Владислав сам был этим зверем, и это его голос созывал невидимую стаю. Он закрыл глаза, голос звучал отрешенно – так читают молитву или заклинание. С трудом верилось, что Владислав сам написал этот текст. Хотя можно ли так сказать хоть об одной из его песен? Слова приходили к нему сами – из лесной ночи или вечного холода...

- Краски умрут –
Увижу цвет крови,
Звуки умрут –
Услышу звон стали,
Братьев своих

На пир призываю –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

И снова, как два месяца назад, Эрика почти не видела ни зала, ни сцены. Белое поле, силуэт зверя, слова заклęcia... Если так начинается концерт – что будет дальше? «Мне страшно», – сказал Владислав. Сейчас он, наверное, уже не помнил об этом. Но Эрика помнила, и ей было очень не по себе.

Владислав встал во весь рост и медленно вышел на середину сцены. Кто-то протянул было руку, но он не видел зала. Отрешенный голос опять понизился почти до шепота:

- Мир не очнется
От сна ледяного,
Сходятся воины
В битве последней,
Кровью горячей
На миг лед согреют –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

Казалось, первые ряды перестали даже дышать. Юноша рядом с Эрикой еще до начала концерта зажег сигарету – она бесполезно осыпалась в его руке. Немного пепла попало Эрике на футболку, но она была не в силах протянуть руку и отряхнуть одежду – ее, как и всех, заморозил этот голос и неподвижная фигура на сцене. Он говорил не для зала – для самого себя...

Владислав резким движением откинул волосы с лица и впервые взглянул не поверх голов, а прямо в публику. В льдисто-голубых глазах блеснула сталь, и та же сталь звучала теперь в его голосе:

- В оковах льда
Или в пламени боя –
Выбери смерть,
Коль ее не избегнешь!
Смерть принесет
Ночь полнолуния –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

Жестко, отрывисто, зло – вызов на бой вместо заклинания. Эрика увидела, что Владислав улыбается. Только от этой улыбки пробирало холодом еще сильнее, чем от прежней отрешенности. Правая рука сжата в кулак, и вот-вот блеснет лезвие клинка... Владислав вышел на самый край сцены:

- Время мечей
Ныне настало,
Последней зимы
И последнего боя...

И после секундной паузы он почти выкрикнул заключительные строки:

- Время мое
И братьев моих –
Боги, внимлите
Голосу Волка!

На мгновение всю сцену залила ослепительная вспышка света, заставив публику зажмуриться. Когда Эрика снова открыла глаза, группа «Ветробой» уже

стояла на сцене в полном составе. Только сейчас, словно очнувшись, зал наконец разразился приветственными возгласами. Владислав усмехнулся:

- Ну наконец-то. Я уж думал, вымерли все... или вымерзли?

В зале засмеялись, но довольно неуверенно.

- Так, я не понял, живые есть?

- Есть! – дружно откликнулся зал.

- Вот, другое дело. Вымерзать не время. Именно сейчас, в самые холодные и темные дни, рождается...

- Солнце! – кажется, это крикнул Вадим. Владислав кивнул:

- Да, новое солнце. Ну что же... вперед!

Он развернулся к музыкантам и взмахнул рукой. И прежнее ледяное оцепенение исчезло, взорванное вихрем знакомой мелодии. Стас, ведя свою партию, эффектно опустился на одно колено, к бурному восторгу сразу нескольких девушек, стоявших напротив. Даже флегматичный Игорь сиял улыбкой и, кажется, пытался кому-то строить глазки. А Владислав... он просто был в своей стихии. Перед концертом он говорил правду – он действительно не может не петь. И сейчас не хотелось думать ни о его предчувствиях, ни о тревожных воспоминаниях, да он и сам, похоже, забыл обо всем – его в который раз захватил этот безудержный полет. «Слышишь – бьется стальное сердце, видишь – рассвет озаряет трассу...» – несложный припев подхватывали даже те, кто слышал песню впервые. И Владислав улыбался.

Все шло так же, как на предыдущем концерте. Бешеный вихрь мелодии, Стас и Слава играют настолько слаженно, как будто родились с гитарами в руках, Макс безмятежно улыбается из-за установки, и над музыкой взлетает голос Владислава. Может быть, не все слова понятны – он опять переходит на норвежский – но более чем понятен сам настрой этих песен. И зловещая атмосфера вступления как будто полностью забыта...

После очередной песни музыканты вполголоса посовещались между собой, но, похоже, не пришли к общему мнению. Тогда Владислав обратился к залу:

- Ну что, от боевиков не устали?

- Нет!

- Ну все равно, надо бы немного разнообразия... Что бы вам такое сыграть?

- Кавер давай! «Зверя»! – выкрикнул одиночный голос из задних рядов.

- Вам меня мало? – парировал Владислав. Ответом был дружный смех. – Будет вам зверь... только немного другой. Но тоже волк. Вы любите волков?

- Да!!!

- Я тоже. Когда я еще не пришел в «Ветробой», я думал, что соберу свою группу, и у нее будет какое-нибудь волчье название. Потому что красиво и пафосно. Хорошо, что этого так и не произошло – по нашей сцене уже целые волчьи стаи бегают! А с другой стороны, какой же хэви-метал без песен про волков?

«Резонно», – улыбнулась про себя Эрика. А Владислав продолжал уже гораздо серьезнее:

- Только вот с этим волком можно встретиться лишь один раз в жизни, и пусть этот единственный раз настанет еще очень нескоро. Потому что это не просто зверь – это страж границы... И еще. Играть на этот раз буду я. Один.

Он взял свою гитару из рук техника, чуть склонил голову в знак благодарности – так принимают клинок от оруженосца. Эрика увидела, как

изменилось его лицо, в глазах вновь застыл лед. В зал он старался не смотреть. Группа, словно по безмолвному приказу, скрылась в темноте, только Макс остался у лестницы в гримерку, наблюдая за сценой.

- Давай играй уже! – крикнул кто-то из зала. Эрика поморщилась – неужели не понятно, что сейчас не тот момент и не та обстановка? Впрочем, Владислав даже чуть улыбнулся в ответ:

- Слушайте, у меня, можно сказать, дебют в новой роли, я все-таки вокалист, хотя на гитаре играю давно. Я, может, сам боюсь.

- Все получится! – не унимался нетерпеливый слушатель. Но Владислав уже не ответил.

Короткий проигрыш – проверить, как звучит гитара – и вслед за ним начало уже знакомой Эрике мелодии. Хотя по сравнению с тем первым разом мотив стал сложнее – тогда, в гримерке, Владислав лишь подбирал аккорды к недавно написанному тексту. А сейчас эта песня зазвучала по-настоящему.

- Когда встанет из тумана Белый Волк – легким кружевом блеснет в шерсти роса...

Тихий перебор гитары, тихий голос – казалось бы, эта песня не для рок-сцены, но зал снова замер, не сводя взгляда с одинокой фигуры на сцене. Несколько несмелых огоньков зажигалок поднялось над толпой, но вскоре они пропали. Здесь любой жест был бы лишним. Просто слушать, просто раствориться в этом голосе, необыкновенно спокойном и глубоком... Владислав прикрыл глаза, мелодия под его пальцами рождалась как будто без его участия:

- Перед Волком буду я держать ответ за убитых и спасенных мной, и за тех, кого за бездну лет я забыл, оставив под луной...

Стас совершенно правильно сказал тогда Владиславу – это его и только его песня. Она не была похожа на другие баллады «Ветробоя», обращенные все же вовне, в зал. Сейчас, как и в начале концерта, Владислав полностью замкнулся в себе, не замечая никого и ничего вокруг – полузакрытые глаза, отстраненное лицо, руки неспешно скользят по струнам... И, может быть, именно поэтому его слушали, едва решаясь вздохнуть.

- И поверю я, что прожил жизнь не зря. Снова в путь – в рассвет и до костра...

Последний аккорд отзвучал в полной тишине. Владислав сидел неподвижно, по-прежнему склонившись над гитарой. На сцену вернулись остальные музыканты – он, кажется, не замечал их. Стас снял его микрофон со стойки и обратился к залу:

- Как-то здесь слишком тихо! Вам что, не понравилось, что ли?

- Наоборот! – кажется, это опять Вадим.

- Ага, понятно, под впечатлением. Ну да чего еще от Владислава ожидать...

Словно очнувшись при упоминании своего имени, Владислав наконец встал. Он снова улыбался, но уже не так, как раньше – взгляд голубых глаз оставался ледяным, и смотрел он поверх голов, в пространство. Может быть, он все еще погружен в атмосферу песни, а может быть... Снова вернулось воспоминание о разговоре перед концертом и уходить уже нежелало.

Тем временем Владислав отобрал у Стаса микрофон:

- Чего ожидать, чего ожидать... Бросили меня одного, вот и справляюсь, как могу.

Стас изобразил на лице праведное возмущение, но отвечать не стал и отошел к стойке с гитарой. Владислав повернулся к залу:

- Ну что же, это было небольшое отступление. Дальше все будет в нашем традиционном духе. Согласны?

- Да!

Казалось, концерт вернулся в прежнее русло. Те же быстрые соло, те же отрывистые норвежские фразы в русском тексте, тот же подпевающий зал. И Владиславу «отступление» словно придало новые силы, и кристально чистый голос легко взмывал почти что в поднебесные высоты... Только вот в глазах застыл бездонный лед, и все чаще Владислав замирал на краю сцены, тяжело переводя дыхание – невидящий взгляд поверх голов, ладонь закрывает плечо, словно рана еще свежа... Эрика попыталась заглянуть ему в лицо – он отвел глаза и едва заметным движением показал: «Не надо». Он все еще держится и не хочет переходить грань... Эрика обратила внимание, что общение с залом почти полностью перехватил Стас – Владислав только называл очередную песню, и то не всегда. И Макс за своей установкой уже не улыбался так безмятежно – он чувствовал состояние друга, но вряд ли мог что-то сделать, кроме как просто играть дальше свою партию. И вдруг Эрика совершенно ясно поняла: «А я – могу».

В конце очередной песни на сцену высунулась какая-то неопознанная фигура, видимо, из администрации, и показала на воображаемые часы, а затем подняла один палец: «Еще одну песню». Владислав чуть кивнул и вышел на передний край:

- Нам тут намекают, что пора закругляться.

- Не пора! Еще! Мало! – на разные голоса завозмущался зал. Уже знакомым Эрике жестом Владислав вскинул руку, требуя тишины:

- Мы бы рады остаться еще, но здесь решаем не мы. Так что еще одна песня, и все. И знаете что? Эту песню выберете вы.

В ответ поднялся такой шум, что Владислав демонстративно заткнул уши:

- Не все сразу! Давайте по-другому, – он опустил на одно колено напротив невысокого юноши у левого края сцены – тот просто сиял от такого к себе внимания. – Вот, например, ты скажи – что нам еще сыграть?

- «Последний бой»! – выпалил юноша в протянутый микрофон.

Судя по всему, он был далеко не одинок в своем мнении – его поддержало минимум две трети зала. Эрика с досадой стукнула кулаком по сцене: «Что ж вы делаете...». Они не знают. Для них это просто одна из песен группы. Просто очень хорошая песня. Просто вокалист выкладывается на двести процентов, а чего еще ожидать от настолько экспрессивного музыканта? Конечно же, Владислав не откажется – ведь он сам только что предложил залу выбрать. Хотя и знает, чего это ему может стоить... Знает ли? «Возможно, через час я забуду, что тебе говорил...». Владислав был уже не здесь. Эмоции стерлись с его лица, голос снова звучал чуть хрипло – Эрика поняла, что он и так очень вымотан этим концертом, хотя, казалось бы, он вполне нормально общался с залом. Она снова попробовала взглянуть ему в глаза, но именно в этот момент Владислав встал и отошел назад. Может быть, просто совпадение, может быть, он опять сознательно пытается заслониться... «Я мог тебя выпить до дна, понимаешь?». Эрика понимала. Но не отводила взгляда от сцены.

Кто-то толкнул Эрику так, что она удержалась на ногах только из-за толпы. Она хотела было возмутиться, но виновник – рослый парень в драной

футболке – явно был не в состоянии извиниться или вообще что-либо заметить. Раздвинув соседей, как мебель, он влез на сцену и направился напрямик к Владиславу, явно намереваясь дружески хлопнуть вокалиста по плечу или еще как-нибудь изъяснить переполнившие его чувства. Не без определенной доли злорадства Эрика подумала, что из этой затеи вряд ли выйдет что-то хорошее... Владислав медленно обернулся на шум – и фанат внезапно отшатнулся, словно натолкнувшись на невидимую преграду. От дальней стены отделился охранник, собираясь выпроводить парня обратно – но тот уже сам почти что кубарем скатился со сцены и, так же бесцеремонно растолкав всех вокруг, исчез где-то в районе бара. А Владислав, кажется, даже не успел заметить, что здесь кто-то был. Он скользнул взглядом по первым рядам – и на этот раз его глаза встретились с глазами Эрики.

Зал и сцена исчезли. Владислав попытался разорвать контакт, но Эрика уже не отпустила его. Ему и так не хватает сил, но он держится до последнего... Наверное, со стороны она выглядела восторженной фанаткой, замершей в экстазе перед красавцем-вокалистом – впрочем, ей уже не было до этого никакого дела. Она почти не слышала, как Владислав начал петь, слова долетали отдельными отголосками. Зато она видела.

Сквозь бездонный голубой лед проступили неясные очертания лесных ветвей – очень близко, словно Эрика сама оказалась на этом берегу... Из теней возник знакомый силуэт. Бесшумная походка, волосы распущены по плечам, взгляд устремлен в темноту. Где-то на краю сознания Эрика помнила, что это видение, навеянное песней, как в прошлый раз. И все же холод осенней ночи был почти реальным. А еще Эрика понимала – даже если она сейчас захочет отвести взгляд, ей это уже не удастся. Она не могла ни дотронуться до Владислава, ни позвать его – просто следовать за ним, тенью в этом мире теней, в который он уходил на каждом концерте. На каждом концерте... Эрика только сейчас осознала, что это значит. «А еще... она не ушла». Для Владислава этот бой все еще продолжался.

«Алое пламя тронет ладони, алое пламя – предвестник битвы...» – услышала Эрика откуда-то издалека и на долю секунды снова увидела сцену, притихший зал, тревогу в глазах музыкантов и отрешенное лицо Владислава. Но эта картина мелькнула и исчезла. Владислав стоял на берегу озера, сжав кулаки, и шептал слова, которых Эрика не слышала, но знала – они не имеют ничего общего с текстом песни...

Черная тень возникла из ниоткуда – словно ночная темнота разорвалась и выпустила то, что скрывалось за ней. Владислав заметил ее слишком поздно и едва успел увернуться от удара в горло. Тварь глубоко полоснула его по груди, но Владислав, похоже, уже не чувствовал боли. Эрика увидела, что он улыбается – впрочем, это трудно было назвать улыбкой. Хорошо, что в реальности вряд ли кто-то может увидеть его таким – или этому кому-то останется только посочувствовать. Голубые глаза вспыхнули пламенем, в руке блеснул нож. Тварь подалась назад, но только на долю секунды...

Это уже не было смутной круговертью теней – Эрика видела настоящий бой. Видела, как Владислав с искаженным от ярости лицом бросается в атаку, не замечая новых ран, хотя его грудь и левая рука, которой он заслоняется, как щитом, почти сплошь залиты кровью. Видела, как черная тварь меняет форму, становясь то вставшим на задние лапы хищником размером едва ли не с медведя, то почти человеческой фигурой, то бесформенной тенью, как эта тень

обволакивает силуэт Владислава и почти сливается с ним. Почти сливается... Владислав стоит на сцене, стиснув левую руку правой – и под его пальцами Эрика не столько увидела, сколько ощутила черную тень.

...Удар в плечо отбросил Владислава назад. Встать он уже не смог, лишь с трудом поднялся на одно колено. Левая рука повисла плетью, правая все еще сжимает бесполезный нож. Тварь подходит ближе, готовясь прикончить противника. Владислав вскидывает голову – в глазах ничего, кроме бездонного льда. Одними губами он произносит: «Добивай».

Эрика почувствовала, что у нее темнеет в глазах. Не столько от страха за Владислава – она знала исход. Но без опоры на сцену она уже не смогла бы держаться на ногах. Только сейчас она поняла, как много отдала ему. Слишком много. Но от ее воли уже ничего не зависело – здесь, на грани двух реальностей, Владислав находился в своей стихии. Что же, она сама выбрала помочь ему. Только бы хватило до конца...

Тварь метнулась вперед для последнего удара – но ее встретил уже не Владислав. «Время мое и братьев моих – боги, внимлите голосу Волка!» – действительно ли прозвучали эти слова или Эрика просто вспомнила начало концерта? Этого уже не понять. Белоснежный зверь с пронзительно-голубыми глазами рвет в клочья бесформенное черное пятно, и оно распадается, растворяется в глухой предрассветной темноте. «Знаю – в эту ночь я шагнул за край...». Светловолосый юноша медленно оседает на землю.

- Я шагнул за край... – нараспев повторил Владислав последнюю строчку. Он снова на сцене, вокруг все тот же зал, и Стас стоит вполборота, готовясь в любой момент подставить плечо, может быть, даже подхватить на руки... Но Владислав лишь жестом показал, что песня закончена. Все-таки получилось.

Эрика еще успела увидеть, как Владислав благодарит зал и пожимает руки фанатам. Как уходит со сцены – сам, без поддержки. Еще успела выслушать чьи-то восторги по поводу концерта и, кажется, даже что-то ответить. Еще смогла дойти до лестницы в гримерку и опуститься на нижнюю ступеньку. Потом была темнота.

Еще не вполне придя в себя, она поняла – Владислав здесь. Его прикосновение она узнала бы, даже не открывая глаз. Но когда он успел появиться? Прошло, наверное, не больше пары минут... И все же Владислав сидел на лестнице, прижимая Эрику к себе. Она услышала срывающийся шепот:

- Эрика... родная... зачем...

- Ты бы не выдержал, – Эрика едва различала собственный голос, но Владислав все же слышал ее.

- Но не такой же ценой! – он стукнул кулаком по ступеньке. Далеко не первый такой удар – Эрика заметила, что костяшки на обеих руках разбиты в кровь.

- Будь проклят этот инстинкт, – сквозь зубы проговорил Владислав. – Я не должен так поступать с тобой. Не должен.

Она взяла его руку – осторожно, чтобы не касаться ссадин – и сказала уже тверже:

- Неважно. После того, что ты рассказал, я бы не ушла. И ты это знаешь.

Владислав молча склонил голову. Эрика сама не заметила, как их губы соприкоснулись. Всего на мгновение. Но она только сейчас осознала, что за все время знакомства они ни разу не целовались...

- Ну вот что ты с людьми творишь, а? – послышался голос Вадима. – Доигрался, фанаты в обморок падают? Я предупреждал!

- Не смешно! – огрызнулся Владислав. Потом добавил чуть спокойнее: – Правда, не трогай меня сейчас. Я несколько не в себе.

- Мягко сказано! – невесело усмехнулся Макс с верха лестницы. – Сейчас Владислав, можно сказать, в полном адеквате. Кажется, за это нам опять нужно благодарить Эрику. Потому что то, что с ним творилось пару минут назад... Лично я приближаться не рискнул, мне еще пожить хочется. Я понимаю твое душевное состояние, но имущество клуба тут точно ни при чем.

- Отстань!

- Не дожدهшься, – Макс спустился и положил руку Владиславу на плечо. Тот попытался отстраниться, но ударник не позволил. – Значит так. Я сейчас забираю ваши куртки и твою гитару, и вы уезжаете со мной.

- Я провожу Эрику сам.

- Нет уж. В таком состоянии я тебя не отпущу. И ее тоже. То, что ты своими ногами ушел со сцены, ни о чем не говорит – извини, я не первый день тебя знаю. Вы едете со мной.

- Ну что с тобой поделать. Но за вещами, с твоего позволения, схожу я. На это я вроде способен. Подождешь? – тихо шепнул он Эрике. Она кивнула – вставать не хотелось.

К выходу им удалось пробраться не сразу – кто-то хотел сфотографироваться, кто-то получить автограф, кто-то просто пообщаться. Некоторых отвлек на себя Стас, но далеко не всех. Как всегда, что-то спрашивали про альбом, про следующий концерт... Эрика слышала все это как сквозь туман, хотя вроде бы уже чувствовала себя лучше. Или ей опять передалось состояние Владислава? Он улыбался, отвечал почти на все вопросы, но она понимала, что он запредельно вымотан. Макс, видимо, тоже это заметил и, не очень вежливо отодвинув с дороги нескольких человек, решительно направился наружу.

Массивный темно-вишневый внедорожник с эмблемой «Ветробоя» на заднем стекле стоял почти у самого входа в клуб. Макс с гордой улыбкой показал на него Эрике:

- А вот и мой зверь, ты его, кажется, еще не видела. Садитесь, я пока вещи погружу.

Владислав галантно подал Эрике руку, чтобы помочь забраться на высокий порог... но внезапно чуть пошатнулся и оперся о машину.

- Извини... не могу... больше... – едва слышно прошептал он. Его лицо было почти одного цвета с белым шарфом. Он продержался до конца выступления, но сейчас силы оставили его.

- Ничего. Я сама, – быстро ответила Эрика. Владислав благодарно кивнул. Он пропустил Эрику вглубь салона и рухнул на сиденье. Эрика тронула его за руку – он мягко, но решительно отстранил ее, откинулся на подголовник и закрыл глаза. «Владислав!» – тихо позвала Эрика. Он уже не ответил.

Эрика почувствовала, что ее пробирает озноб, хотя в машине, даже остывшей за вечер, было куда теплее, чем снаружи. Но дело было не в холоде. Она все яснее понимала, что видит эту машину не в первый раз. Только вокруг не городская улица, а осенний лес. И на полу багажника не рюкзаки и оборудование группы, а расстеленные куртки и спальные мешки. Неподвижное тело

Владислава на руках у Макса... безжизненно запрокинутая голова... кровь на обивке салона...

- Я едва себя заставил снова сесть за руль, – тихо сказал Макс. Эрика вздрогнула и обернулась. Опережая ее вопрос, Макс кивнул: – Я, кажется, знаю, что ты сейчас видишь. Я ведь тоже немного умею чувствовать других. Правда, не могу так, как ты... помочь...

Он резко тряхнул головой, отгоняя какие-то собственные мысли.

- Знаешь, я с тех пор не играю во всякие гонки на время. И фильмы не смотрю. Мне того раза хватило на всю жизнь. Я ведь был с ним один, от наших толку никакого. И ехать нужно осторожно, и времени нет... – он провел рукой по глазам. – Прости. Тебе и так сегодня тяжело пришлось, а тут я опять. Не буду больше. Пора ехать.

Макс привычным движением повернул ключ, и приглушенный рокот мощного двигателя словно расставил все по местам. Зимний вечер в рок-клубе, и вокалист просто отдыхает на заднем сиденье после концерта. Во всяком случае, последние слова он явно слышал.

- Стоп, – сказал Макс, обернувшись от руля. – Едем-то куда, в итоге?

- Ко мне, – коротко ответил Владислав.

Эрика рассмеялась:

- Так. Кажется, меня похитили.

Владислав молча придвинулся к ней и обнял за плечи. Она уткнулась лицом в теплый шарф – неужели она подарила его всего несколько часов назад? Все это было так давно... Владислав коснулся ее лица, заставляя поднять голову – чуть властно и в то же время очень бережно. «Я не отпущу тебя», – Эрика скорее прочла это по губам, чем услышала. Он крепче прижал ее к себе – и через мгновение они снова целовались, теперь уже по-настоящему, не случайным касанием. Макс подчеркнуто сосредоточился на управлении машиной – впрочем, вывести «Форд» из узкого переулочка было действительно непросто.

В дороге Эрика, кажется, так и задремала, склонившись на грудь Владиславу. Во всяком случае, она совершенно не помнила, что было между отъездом из клуба и тем моментом, когда «Форд» остановился под аркой сталинского дома, спугнув светом фар толстую серую кошку. Владислав, судя по всему, тоже спал – или снова отключился, как в тот раз? Как бы то ни было, короткой дороги по ночному городу ему хватило, чтобы восстановить силы – по крайней мере, чтобы твердо держаться на ногах и помочь Эрике выйти, а также забрать свою гитару из багажника и помахать отъезжающему Макс.

- Вот и мое логово.

Эрика улыбнулась про себя – обстановка действительно напоминала дом какого-нибудь лесного обитателя. Приглушенный свет, неяркий растительный рисунок обоев, пушистый хвост какого-то зверя, свисающий из приоткрытого шкафа... Впрочем, хвост Владислав тут же убрал и смущенно улыбнулся:

- Подарили вот недавно, теперь никак место ему не найду. Извини, у меня тут, как всегда, творческий беспорядок.

- У меня примерно то же самое, – заверила его Эрика.

Владислав помог ей снять куртку. И снова его руки чуть дольше задержались на ее плечах, чем было бы нужно, и снова Эрика ничуть не спешила высвободиться.

- Чаю хочешь?

- Очень.

- Тогда проходи.

Небольшой кухонный стол был наполовину заставлен банками с чаем, вторую половину занимали словари и блокноты, которые Владислав поспешил переложить. Эрика и сама любила работать не в комнате, а на кухне, чтобы не приходилось ходить за очередной чашкой чая. «Ты такая же, как и я», – Владислав сказал это совсем по другому поводу, но, кажется, у них действительно похожие привычки...

Владислав выбрал одну из банок, открыл и протянул Эрике. В кухне запахло можжевельником.

- Лесом пахнет...

- За то и люблю, – Владислав потянулся за чайником. – Все хочу сам ягод набрать, да никак не получается выбраться – работа, группа... Слушай, я ведь только сейчас осознал – я с тех пор по-настоящему в лесу и не был.

- Не надо сейчас об этом, – тихо попросила Эрика, взяв его за руку. Он чуть кивнул:

- Да, ты права... Не надо. Давай пить чай. У тебя руки совсем холодные.

Только сейчас Эрика поняла, что действительно успела замерзнуть, хотя по улице они прошли всего несколько шагов. Владислав снял свой черный свитер и накинул ей на плечи. Потом сел рядом и сам поднес к ее губам кружку с чаем.

- Ну ты со мной как с маленькой, – засмеялась Эрика.

- Просто хочу тебя согреть, – он смотрел ей прямо в глаза. – И вообще... мне, может, перед тобой стыдно.

- Забудь. Все хорошо. Правда.

Он благодарно склонил голову. Эрика провела рукой по его волосам, успокаивая, а может быть, просто любуясь – и удивляясь новой перемене. Он действительно был осторожен с ней, словно с ребенком – как будто боялся, что его прикосновение может причинить боль. Впрочем, не то чтобы это было не так – Эрика знала, каким он может быть – но сейчас эта сила скрывалась внутри, и во взгляде голубых глаз не было ночной тени... Все очень просто: он наконец решился пригласить ее домой, и теперь они сидят в тепле и пьют чай. Если бы только не ссадины на его руках...

- Да ерунда это все, – тихо сказал Владислав, проследив за взглядом Эрики. – Я на тренировках сильнее руки разбивал. Завтра уже и следов не останется.

- Зачем ты так?

Он опустил глаза:

- Иначе сорвался бы на ком-нибудь из наших. Знаешь... когда я немного пришел в себя и понял, что произошло, мне просто хотелось сквозь землю провалиться. И ведь я ничего не могу с этим поделать...

Он помолчал и вдруг порывисто обнял Эрику:

- Родная моя... ты же сама не знаешь, куда идешь за мной...

- Просто... просто я люблю тебя.

Эрика сама удивилась тому, что сказала. Но почему-то тут же стало ясно – ничего другого она и не могла сказать. Словно с этими словами все встало на свои места. Владислав на мгновение замер, не решаясь поверить в услышанное, а потом лишь тихо повторил:

- Родная моя...

И больше не было ни вокалиста рок-группы, ни переводчика с норвежского, ни бесстрашного воина ночного леса. Был светловолосый юноша в

черной футболке, к которому хотелось прижаться, услышать, как бьется его сердце, коснуться губами его лица... Так Эрика и сделала. Черный свитер соскользнул на пол и остался там – до него уже никому не было дела.

- Иди ко мне... – одними губами произнес Владислав. Эрика обняла его за шею, а он подхватил ее на руки, прижимая к себе – очень бережно и все же крепко. Освободиться можно было даже не пытаться – и незачем.

- Как тогда...

- Лучше, – улыбнулся Владислав. – Я почти не верил, что так будет... Хотя ждал еще с того дня.

- Я думала, ты вообще тот концерт не помнишь.

- А мне и не надо. Я помню – тебя. Твои волосы... твои руки... Помню, как ты ко мне прикоснулась – после этого я нашел бы тебя в любой толпе. Я же немножко зверь, – он усмехнулся, – не боишься?

- Не-а, – Эрика запрокинула голову, словно подставляя горло хищнику, и демонстративно закрыла глаза. Владислав негромко рассмеялся, а потом повторил:

- Я не верю, что это все на самом деле...

Эрика лукаво прищурилась:

- Ты же рок-звезда! Восторженные поклонницы и все такое... Я еще удивляюсь, как у тебя под дверью никакие фанатки не дежурят!

- Да ну тебя! Пускай лучше у Стаса под дверью дежурят, это по его части. А если серьезно... – он чуть замялся, подбирая слова, – если серьезно, то у меня, считай, ничего по-настоящему и не было.

- Правда? – еще не успев произнести это, Эрика поняла, что могла и не переспрашивать. Владислав лишь кивнул:

- Понимаю, что по мне не скажешь...

- Ерунда, – твердо сказала Эрика. В этот момент ей уже стало глубоко все равно, были у Владислава те самые восторженные поклонницы или нет. Как и его, наверное, меньше всего волновало, встречалась ли Эрика с кем-нибудь раньше. Сейчас они просто были вдвоем. До этого не было ничего.

Владислав уже успел освободиться от своей черной футболки – он сорвал ее одним движением, как тогда, на концерте. Эрика провела рукой по его груди, по старым шрамам – он стиснул зубы, словно от боли, и резко привлек ее к себе. Кажется, рукав рубашки не выдержал такого обращения... «Извини... я тебе свою дам...» – быстро шепнул Владислав, не переставая целовать ее лицо, шею и плечи. Эрика в ответ лишь подалась навстречу, отдаваясь его воле, его силе – и вместе с тем нежности. И больше не было их двоих – было единое целое.

Засыпая рядом с Владиславом – каштановые пряди перемешались с льняными – Эрика чувствовала, что оказалась дома. Во всяком случае – там, где ей и нужно быть. «Я не отпущу тебя», – сказал Владислав. Впрочем, она и сама не собиралась уходить.

4.

Сон отпускал не сразу – Эрике понадобилось некоторое время, чтобы понять, где она. Зеленые шторы, зеленые обои – неяркое солнце словно пробивалось сквозь плотную листву. Кусочек зеленого леса среди зимы. Вчера Эрика почти не успела рассмотреть эту комнату, что, впрочем, можно было понять. Она улыбнулась, вспоминая. Холодный вечер, пахнущий можжевельником чай, сильные руки Владислава, срывающийся шепот

«родная...», полузакрытые глаза, растрепавшиеся светлые волосы... Кажется, заснули они уже под утро.

Владислав все еще спал. Вчерашний вечер стоил ему немало сил, а ведь был еще концерт... Эрика невольно поехала. На мгновение вспомнилось, как он рухнул на сиденье в машине. Но сейчас Владислав просто спал, глубоким и спокойным сном. Откинув одеяло, обнаженный, не считая неизменных браслетов, губы чуть приоткрыты. Эрика не удержалась и поцеловала его.

Владислав тут же открыл глаза.

- Я тебя разбудила?

- Я уже начал просыпаться.

- Ты красивый, – сказала Эрика, проводя ладонью по его груди. Он поймал ее руку и осторожным, но точным движением уронил Эрику рядом с собой. Она принялась шутливо отбиваться и даже стукнула его подушкой. Конечно же, Владислав одержал верх – но Эрика и сама была рада сдаться.

Некоторое время Владислав переводил дыхание, откинувшись на подушку, и Эрика уже подумала, что он снова задремал, когда он спросил:

- Надеюсь, ты сегодня никуда не торопишься?

- Не-а. Только вечером надо на квартире появиться, хозяйка за деньгами придет.

- Давай вместе съездим? – как всегда, это прозвучало скорее утверждением, чем вопросом.

- Почему нет. Мне, кстати, в любом случае туда надо, хоть переодеться – вон что ты с моей рубашкой сделал.

Она кивнула на ворох одежды на полу, увенчанный той самой рубашкой – рукав был наполовину оторван. Владислав смущенно опустил глаза. Эрика улыбнулась:

- Да ладно. Я ее только на концерты и носила – не жалко, если что.

Владислав встал и подошел к шкафу. Порывшись внутри, он извлек рубашку – разумеется, черную.

- Ты другие цвета вообще признаешь? – засмеялась Эрика.

- Иногда, – усмехнулся в ответ Владислав. – Вот, примерь.

Конечно, Эрике рубашка оказалась откровенно велика, но выбора все равно не было. Владислав опустился на одно колено и помог ей подвернуть рукава. Эрика взъерошила его волосы, он склонил голову и замер. Потом тихо произнес:

- До сих пор не верится...

- Знаешь, мне тоже. Все-таки не каждый день случается уходить с концерта с вокалистом группы, – Эрика хитро посмотрела на него и совсем другим тоном сообщила: – А я есть хочу.

- А я, кстати, тоже, – Владислав встал, огляделся по сторонам и нашел где-то в углу свои джинсы. – Пошли завтракать. Только я сейчас причешусь немного.

Сказать это оказалось проще, чем сделать. Владислав непрерывно чертыхался сквозь зубы, пытаясь распутать свою роскошную гриву и не сломать расческу. Эрика сочувственно наблюдала за ним – ей самой стоило немалого труда приводить волосы в порядок после концерта, а для Владислава это, должно быть, настоящее проклятие.

- Давай помогу, – сказала Эрика, забирая расческу. Владислав благодарно улыбнулся и откинул голову назад, чтобы ей было удобнее. Она осторожно

распутывала светлые пряди, любясь и даже отчасти завидуя – ей, девушке, отрастить волосы до такой длины не удавалось еще ни разу.

- И как ты с ними справляешься?

- Да привык уже. Я в шестнадцать лет начал отращивать. Хотя после концерта, конечно, проблема. И расчески долго не живут, – он негромко засмеялся.

- Зато красиво. И вообще, ты металлист или кто?

- Вот и я так думаю, – Владислав подмигнул. – Ладно, пошли все-таки есть. Яичницу будешь?

Эрика кивнула. Только сейчас она поняла, что ничего не ела со вчерашнего утра. Словно в ответ ее мыслям Владислав произнес:

- Я в день концерта ни о чем больше думать не могу. Да и на следующий день обычно тоже. Было дело, Макс меня только что не с ложечки кормил.

Эрика засмеялась, представив картину. Впрочем, с Макса и правда станется, насколько она успела его узнать. А Владислав помолчал и продолжил чуть изменившимся голосом:

- Так странно... Знаешь, я ведь только что понял – я же полностью в норме. Хотя после вчерашнего с хорошей вероятностью должен был бы лежать пластом. Эрика... ты сама не представляешь, что ты для меня сделала.

Он порывисто обнял ее – но внезапно чуть поморщился от боли.

- Все-таки не совсем еще в норме...

- Рука?

- Да, – он стиснул плечо – слишком знакомым Эрике жестом. – Ничего... скоро пройдет. Бывало хуже.

Он снова улыбался, и все же от Эрики не ускользнуло, что он старается поменьше пользоваться левой рукой. Но помочь с завтраком он не позволил: «Ты у меня в гостях, да и не с чем тут помогать». Правда, по привычке потянувшись за высоко стоящей банкой с чаем и чуть не выронив ее, он проговорил сквозь зубы:

- Проклятье... Всю жизнь был обоеруким, в такие моменты я себя просто калеккой чувствую. С чем угодно бы справился – но не с этим...

Эрика лишь молча провела рукой по его плечу, стараясь не касаться шрамов, словно это действительно могло причинить боль. Владислав отстранил ее:

- Не надо... Ты и так очень помогла. Уже лучше, правда, – он демонстративно взял полный чайник в левую руку.

- Ну и зачем?

- Говорю же, все в порядке. Может, еще вернется, но сейчас прошло. Хочешь меда?

Чай с можжевельником, прозрачный темный мед на черном хлебе, зеленые обои... Словно не городская квартира, а летний лес. Эрика вдруг осознала, что летом так ни разу и не выезжала из города – было много работы, да и Ольга, умевшая вытащить кого угодно куда угодно, совсем пропала. А сейчас лето как будто ненадолго вернулось. Отсюда очень не хотелось выходить в снег и холод. Отсюда вообще не хотелось уходить.

- Я не хочу, чтобы ты уходила, – эхом ее мыслей произнес Владислав. – Оставайся, а?

- Я подумаю, – засмеялась Эрика. – Но съездить на квартиру все равно надо.

- Так я и не спорю.

Зазвонил телефон. Владислав протянул руку и взял с подоконника трубку.

- Привет! Макс, я могу быть в каком угодно состоянии, но тебя я узнаю всегда. Нормально, вот чай пьем. Да, ты правильно понял. Макс, я правда в порядке. Честное слово. Сам удивляюсь, но это так. Завтра? Да, буду. Передам, конечно. Ладно, удачи!

Он нажал отбой и повернулся к Эрике:

- Макс тебе привет передает. Никак не может поверить, что со мной все нормально. Я, правда, тоже.

Он усмехнулся:

- Мне кажется, Макс, если бы мог, вообще от меня бы не отходил. Когда я в больнице валялся, его чуть не насильно домой выгоняли – пока он не узнал, что жить я все-таки буду. Черт, мне просто стыдно перед ним за все то, во что я его втянул. Он не однокурсник, не коллега, не друг – он мой брат. У нас не было никакого ритуала побратимства или еще чего в том же роде, мы даже не говорили об этом – просто это так. С тех самых пор.

- Понимаю. Он хороший, – Эрику саму рассмешило, насколько по-детски это прозвучало, но Владислав кивнул в ответ без тени улыбки. Потом тряхнул головой и встал, чтобы во второй раз поставить чайник.

Когда они вышли из дома, на улице уже темнело. Короткий зимний день прошел незаметно. Отблеск солнца сквозь зеленые шторы – вот и все, что они успели увидеть. Впрочем, никто об этом не жалел.

Анна Ивановна, квартирная хозяйка, только что вернулась с дачи – они практически столкнулись в дверях. Она вежливо поздоровалась с Владиславом, хотя было видно, что его длинные волосы и косуха ей не слишком нравятся. Впрочем, Эрика ни разу не слышала, чтобы Анна Ивановна что-то или кого-то критиковала вслух. Потому они и ладили – даже в те дни, когда хозяйка была в городе, они с Эрикой жили каждая своей жизнью, никак не мешая друг другу.

Но сейчас Анна Ивановна была явно чем-то озабочена. Взяв у Эрики деньги, она не спешила уходить в свою комнату – так и стояла в коридоре с купюрами в руке.

- Что-то не так? – поинтересовалась Эрика.

Анна Ивановна ответила не сразу. Оказалось, ее дочь, про которую Эрика знала только то, что она уже давно живет где-то в Италии и вроде бы даже вышла замуж, все-таки не нашла себе там счастья и решила возвращаться на родину. Соответственно, поселится она у матери. А значит, комнату придется освободить.

Все это Анна Ивановна проговорила очень тихо и сбивчиво, поминутно извиняясь, словно не она была хозяйкой квартиры и диктовала в ней все законы: «Конечно, это не завтра... ближе к весне, наверное... точно еще ничего не известно... но вы все-таки поищите варианты... вы понимаете...». Эрика, конечно, понимала. Но предстоящие поиски нового жилья ее не слишком радовали. Возвращаться к родителям она точно не будет, не для того в свое время стала жить отдельно. Может быть, Ольга что-нибудь знает?

- А я говорил, перебирайся ко мне! – с лукавой улыбкой произнес Владислав. Эрика ткнула его кулаком в бок:

- Признавайся, это ты все подстроил!

Они расхохотались. На лице Анны Ивановны недоумение сменилось облегчением – она все-таки привыкла к своей квартирантке, и ей было неприятно создавать Эрике проблемы. Но, кажется, проблема уже решилась.

Так и получилось, что в тот же вечер они ушли вместе. Казалось бы, Эрика успела обжиться здесь – но все необходимое вместе с книгами благополучно поместилось в две сумки. За остальным зайдут потом. Закидывая на плечо рюкзак с ноутбуком и любимыми дисками, Эрика оглядела комнату – и с трудом поверила, что прожила здесь три года. Она не раз шутила: «Мой дом там, где стоит мой ноутбук», – и, кажется, это была не такая уж шутка. Во всяком случае, сейчас вместе с этим рюкзаком она словно унесла все свое присутствие здесь. Так же, как в свое время унесла его из родительской квартиры – сейчас ей было странно вспоминать, что когда-то она там жила, хотя обстановка с тех пор ничуть не изменилась.

Владислав понял настроение Эрики. Он улыбнулся и тихо сказал:

- Пойдем домой.

- Пойдем, – отозвалась она. Он подхватил ее сумки и толкнул плечом дверь – оказывается, они оставили ее едва прикрытой. Словно знали, что не задержатся надолго. На пороге Эрика обернулась, взглянула на свое отражение в зеркале – и снова почти увидела, как неугомонный чертенок подмигивает из-за плеча. «Твоя взяла».

Войдя под арку сталинского дома, Эрика действительно почувствовала, что пришла домой. Просто по какому-то недоразумению никак не соберется разложить вещи. Словно уже далеко не первый день она просыпалась в спальне с зелеными шторами и завтракала на небольшой кухне среди кое-как отодвинутых в сторону книг. Здесь должны лежать и ее книги, а на столе найдется место для ее ноутбука. Потому что здесь ее дом.

- Располагайся, – Владислав широким жестом обвел комнату. – Если что где мешает – скажи, подвину. А то, может, пойдем отметим новоселье?

- Хорошая мысль.

- Только подожди немного, ладно? Мне текст один прислать обещали.

- Не вопрос.

Владислав включил ноутбук. Эрика услышала быстрый стук по клавишам, а затем приглушенный смех.

- Это у тебя текст такой веселый?

- Нет, он-то как раз еще не пришел. Тут... короче, сама смотри, – Владислав отодвинулся от экрана.

Это была статья о группе «Ветробой» – вполне обычная статья с сайта о рок-музыке, каких много. Эрика сначала не поняла, что там такого веселого – вроде бы простое изложение фактов: дата основания, перемены в составе, особенности стиля, обращение к мифологическим источникам, отсутствующая пока дискография, интервью с участниками, фотографии... Все то же, что можно написать о любой молодой группе. Но тут Эрике попалась на глаза строчка «...нынешний лидер группы, русский националист Владислав Белов».

- Так, понятно, тебя разоблачили. И что такого националистического ты им сказал?

- Ничего! С ними я вообще не разговаривал, они у «Металлурга» материал утащили. Во всяком случае, Артем так говорит – помнишь, журналист? Это же он мне и прислал, с просьбой не кидаться тяжелыми предметами. Смотри, что пишет, – он переключил вкладку и показал Эрике письмо.

«Владислав, это Артем с портала «Металлург», если помнишь такого. Нашел сегодня вот эту статью и решил переслать тебе. Это писал не я! Мой материал ты видел, там только ваши интервью и фотографии. Все остальное –

измышления авторов сайта, наш редактор с ними уже ругается. Кстати, будем благодарны, если ты что-нибудь скажешь про фотографии, которые там размещены – насколько я понимаю, ни ты, ни группа этим ребятам никаких материалов не давали».

Точно под строкой про «русского националиста» располагался снимок с осеннего концерта: Владислав стоит на сцене, вскинув правую руку со сжатым кулаком. Эрика отметила, что было бы неплохо сохранить кадр в коллекцию – у нее уже было несколько фотографий с этого концерта, но отнюдь не лучшего качества. Опять Владислав, опустившийся на одно колено... Стас и Слава рядом... Макс целится обломком палочки в зал... Вполне обычные концертные фотографии.

- Это все Артем же и снимал, – пояснил Владислав. – Вон и ссылка на него стоит. Уже неплохо, многие тащат фотографии вообще без комментариев. А вот где они эту древность откопали, – он завладел мышью и прокрутил страницу чуть ниже, – мне самому очень интересно...

То, что на фотографиях действительно «древность», Эрика поняла сразу. Владислав позировал на фоне заснеженных деревьев, небрежно сбросив свою неизменную косуху на сугроб и оставшись в одной футболке с надписью HammerFall. Руки открыты – на плече пока еще нет шрамов. Распущенные волосы чуть припорошены снегом, правая рука гордо вскинута во все том же жесте. Эрика прищурилась, разбирая текст на темном фоне: «Да, если мое мировоззрение непременно надо как-то определить, то я язычник».

- Ну да, говорил я это, и не один раз. В конце концов, это правда. Я не пишу о том, чего сам не думаю. Правда, дальнейшие пояснения они решили не цитировать. Ну и, естественно, я через раз оказываюсь то сатанистом, то националистом, поскольку чем все это отличается – никто не вникает. Соответственно, даю повод порассуждать об опасных настроениях на нашей рок-сцене.

- Страшнее тебя зверя нет, ага.

- Сам себя боюсь, – оба расхохотались. – Да, а еще я принадлежал к экстремистским группировкам, ты не знала?

На очередной старой фотографии Владислав обнимал за плечи юношу в черной куртке и с характерной короткой стрижкой. В свободной руке каждый держал бутылку пива.

- Это, собственно, один из тех ребят, про которых я рассказывал. Вообще они достаточно мирные, хотя по виду и не скажешь. По крайней мере, я за ними никаких особых подвигов не помню, впрочем, мы и не общались очень давно.

- А где ты их взял-то вообще?

- Ну, Тоха – художник – учился в параллельной группе. Ушел, правда, с третьего курса. Остальные либо его друзья, либо из секции по рукопашке – я как раз тогда начал заниматься, а там у таких гнездо. Неплохие, в общем, ребята, когда не пытаются меня завербовать – а пытались неоднократно. Потому в итоге и разбрелись.

Он слегка улыбнулся:

- А вообще, я даже в чем-то рад, что этот компромат всплыл. Фотографий от Тохи я тогда так и не дождался, хоть здесь посмотрю. Неплохо ведь получилось. А вот что они понаписали... Ну да, показал со сцены «козу» – считай, сатанист, а это, – он навел курсор на концертную фотографию, – вообще через раз нацистским приветствием обзывают. Так что насчет «русского

националиста» и всего остального я с ними еще пообщаюсь... — он демонстративно размял пальцы. Почему-то дальнейшая судьба авторов сайта не внушала Эрике большого оптимизма... Впрочем, Владислав тут же решительным движением отвернулся от экрана:

- Да ну их совсем. Праздновать пойдем?

- Конечно!

Идти было недалеко — сразу же за углом дома обнаружилось маленькое подвальное кафе с неприметной вывеской. Эрике не без труда удалось спуститься по крутой лестнице, даже опираясь на руку Владислава. Почему-то вспомнилась лестница в гримерку «Ветробоя» — но там хотя бы не было льда.

- Не ищешь ты легких путей, — съехидничала Эрика.

- Зато такого глинтвейна я больше нигде не видел. Осторожно, тут еще одна ступенька.

Если в квартире Владислава остался кусочек лета, то здесь царила зима. С мягким полумраком, свечкой в красном стеклянном подсвечнике и елочными шариками. В самом деле, хотя бесснежный декабрь и спутал все сезоны, до Нового года осталось совсем немного.

Владислав придвинулся ближе и проговорил:

- Помнишь, мы осенью в кофейне сидели? Я тогда подумал, что обязательно приведу тебя сюда.

- По-моему, ты вообще все решил заранее! — Эрика показала язык.

- Ты против? — хитро улыбнулся Владислав. Эрика лишь молча взъерошила ему волосы. Да, все так и должно быть — этот диванчик в углу маленького зала, эти два бокала с горячим глинтвейном и просто они вдвоем. И не верилось, что это первый день, который они провели вместе.

На следующий день Владислав ушел на встречу с заказчиком, оставив Эрику обустраиваться. Странно было видеть его с убранными в хвост волосами и в классическом пальто вместо вечной косухи, но Эрика не могла не признать — этот образ ему тоже очень шел. Хотя Владислав, оглядев себя в зеркале, усмехнулся: «Сам себя с трудом узнаю».

Пока Эрика раскладывала вещи, ее не покидало ощущение, что к ее переезду подготовились, хотя это было совершенно невозможно — конечно, Владислав мог предполагать, что со временем они станут жить вместе, и именно у него, но вряд ли знал, что это произойдет именно сейчас, на следующий день после концерта. И тем более не мог знать про дочь Анны Ивановны и ее несложившуюся итальянскую судьбу. Но как бы то ни было, квартира словно сама впускала в себя еще одного обитателя, немного подвигаясь и освобождая место. В кухонный шкафчик как раз встанет еще одна чашка. На полке для обуви армейские ботинки уживутся с полусапожками на меху. На книжном стеллаже и в стойке для дисков прекрасно уместится то, что привезла Эрика, и еще место останется. А ноутбук словно все время жил там, куда был поставлен еще вчера.

Закончив раскладывать вещи — по крайней мере, отправив по местам то, что необходимо на первое время — Эрика налила себе чая и пошла в гостиную, которую до сих пор почти не видела, перемещаясь между спальней и кухней. Голубые обои, книжные шкафы вдоль стен, массивный овальный стол, музыкальный центр... Такое чувство, что эту обстановку создавал кто-то явно старше Владислава — гостиная напомнила Эрике квартиру родителей. Во всяком случае, обои у них когда-то были точно такие же. Поставив чашку на стол и заглянув в ближайший шкаф за книгой, Эрика увидела и этого «кого-то». С

фотографии в рамке на нее смотрела миловидная женщина средних лет в совершенно несолидной клетчатой рубашке. Рыжеватые волосы заплетены в косу, в руке ветка, на заднем плане большие серые валуны. Женщина улыбалась, и в ее глазах была та же отчаянная скандинавская синева, что и у Владислава.

Зачитавшись, Эрика не следила за временем, и ей показалось, что прошло всего несколько минут, когда из прихожей послышался голос:

- Ну и метель! Зима все-таки пришла. Йоль, самое время.

Эрика оглянулась на окно – там и в самом деле беспрерывно валил снег. И когда только успело стемнеть? Владислав стоял у двери, отряхивая волосы и одежду.

- Все-таки в косухе по этой погоде куда проще. Хотя даже группа говорит, что на меня смотреть холодно. Где они холод нашли, мне интересно.

- Ну не все же суровые северяне! – засмеялась Эрика. – Чаю хочешь?

На этот раз они устроились не на кухне, а в гостиной, за овальным столом. Владислав принес кулек ирисок – таких же, как тогда, на смотровой. Наверное, та их встреча должна бы называться первым свиданием. Только вот для Эрики первое свидание произошло, когда Владислав подхватил ее на руки на концерте...

Эрика очень хотела спросить про фотографию женщины, но Владислав заговорил сам:

- Странно, на самом деле... Я уже пять лет живу здесь один, но в этой комнате почти ничего не трогал. Захожу только за книгами. Привык – это комната тети Тани. Вот она, – он показал на портрет.

- Красивая... И вы похожи. Даже не столько внешне, сколько... взглядом, что ли.

- Многие так говорят. Внешне мы как раз не очень похожи – она очень небольшого роста была, как и почти все у нас. Я в семье самый высокий. Да и вообще всю жизнь слышу, что непонятно, в кого я такой уродился. Все либо русые, либо, как тетя Таня или мой отец – она его сестра – рыжие, а я в детстве еще светлее был, чем сейчас.

- Но ты же говорил, у тебя какие-то скандинавские корни есть...

- Так с тех пор сколько поколений прошло. Хотя больше действительно думать не на кого, – он пропустил сквозь пальцы прядь своих волос, словно хотел лучше разглядеть их цвет и сравнить себя с тем неведомым далеким предком. – Вообще, странно у меня все с моим семейством. Я тебе как-то обещал рассказать, как я перебрался в Москву – только налей мне еще чаю, если не трудно.

- Разумеется, не трудно! Может, ты меду хочешь? Там еще осталось...

- По-моему, ты на моей кухне уже ориентируешься лучше меня!

- Ну так я теперь здесь живу вроде, – Эрика подмигнула смеющемуся Владиславу. – Так ты меду хочешь или нет?

- Да нет, пожалуй. Я тебе фотографии хочу показать, какой тут мед. Иди лучше сюда.

Он достал с нижней полки одного из шкафов несколько тяжелых альбомов и снова сел в кресло, а Эрика устроилась на подлокотнике. Ширины вполне хватало, хотя внутри кресла что-то жалобно скрипнуло – на двоих его явно не рассчитывали. Так что вскоре они перебрались на ковер. Там раскладывать альбомы было даже удобнее. Вытянувшись на полу, Владислав перелистывал страницы со старыми фотографиями – виды Петрозаводска, Онежское озеро,

корабли у пристани, здание школы... Но больше всего было леса, трав и валунов. И почти на всех таких фотографиях были эти двое, точнее, кто-нибудь один из них, редко оба. Худощавый жилистый подросток – высокий не по годам, растрепанные волосы выгорели на солнце почти до белизны – и обаятельная улыбчивая женщина, похожая в своих джинсах и рубашке на еще одного подростка, разве что, может быть, немного старше. Самую малость. Во всяком случае, валялись на траве, лазали по валунам и смеялись они совершенно одинаково.

- Жалко, у нас общих фотографий почти нет. Некому снимать – мы почти все время ходили вдвоем. Тетя Таня в Петрозаводске тогда уже не жила, только летом приезжала. После чего ни меня, ни ее найти было невозможно, – в этот момент Владислав стал особенно похож на того мальчишку на фотографиях. Тем более что альбом был открыт на странице, где светловолосый подросток в точно такой же позе вытянулся на траве под деревом. И все же Эрика не могла отделаться от ощущения, что это два разных человека. И дело отнюдь не в том, что сейчас Владислав вдвое старше. Мальчишка под деревом улыбался точно так же – но в его глазах не было и не могло быть этого льда.

- Иногда я сам себя с трудом узнаю, – проговорил Владислав. Не так давно Макс сказал: «Нет, мысли читать – это к Владиславу». Чем дальше, тем больше Эрика была уверена, что ударник не шутил. – Тогда все было очень просто: любимая тетя, вместе гуляем по лесам, она мне с самого детства привозила книги... Ага, «Калевалу», например, я потом родителей пугал непроизносимыми именами. Это тетя Таня мне объясняла, что лес живой, что с ним можно общаться... Да, представь себе, когда-то я этого не знал. Точнее, не вполне осознавал – знал, наверное, всегда. Хотя сейчас самому не верится.

- Но почему ты тогда в Москву поехал? Такие лесные жители обычно, наоборот, из Москвы едут в ту же Карелию...

- Лес – он везде лес. Просто места знать надо, – Владислав хитро усмехнулся. – Я тебе и в городском парке найду живую землю. А знаешь, как ночью шепчутся ветки? Город – это же просто оболочка...

- Знаю, – тихо ответила Эрика. Кто-кто, а она прекрасно помнила, как сквозь стены клуба впервые повеяло осенним ветром...

- Ну вот. Так что в этом плане я никакой ностальгии не испытываю. Я люблю Карелию, не раз туда возвращался и с удовольствием бываю там еще, но мне хорошо и здесь. Почему поехал? Причина первая и прозаическая – мне казалось, что в плане учебы и работы Москва будет поинтереснее Петрозаводска, при всех его достоинствах. Причина вторая и главная – в Москве жила тетя Таня. А я годам к шестнадцати окончательно понял, что с остальным семейством мне как-то делить нечего. И делить, и делать. Странная штука, не то чтобы мы конфликтовали, или мне чего-то не позволяли, или строили на мой счет планы, или еще что – нет, все вроде замечательно, но они отдельно, а я отдельно. А еще стало очень заметно, что я на них не похож. Отец иногда высказывался в духе «мы такого не рожали», «тебя точно в детстве не подменили?», в шутку, конечно, но что есть, то есть. Я заявил, что хочу учиться в МГУ, как тетя Таня, меня спросили: «А потянешь?», я сказал: «Постараюсь», больше меня на эту тему никто не трогал. Закончил школу экстерном и в очередной приезд тети Тани собрал чемодан и уехал с ней, готовиться к универу. Смешно, на самом деле – я поступил на истфак именно из-за нее. Курсе на втором понял, что я все-таки скорее филолог.

- А чего не перевелся?

- Честно говоря, лень было. Это ж целая эпопея. Да и потом, это сейчас, со всеми моими приключениями, наша армия ко мне потеряла интерес, а тогда дело обстояло несколько иначе. В общем, мне оказалось проще учиться, где учусь, и ходить к вам вольнослушателем. А после того, как тетя Таня умерла, я бы уже точно не стал переводиться. Словно дал обещание, хотя на самом деле ничего такого не было, мы про мою учебу почти не разговаривали...

Он замолчал, глядя уже не на очередную фотографию, а куда-то сквозь альбом. Эрика отметила, что на фотографии – редкий случай – тетя и племянник вдвоем. Женщина сидит на парапете в парке, почти сливаясь с осенней листвой, поза все так же подростково-небрежна, но едва ли не впервые по ее лицу видно, что она не так и молода. Юноша – уже не подросток – стоит рядом, светлые волосы отросли чуть ниже плеч, и вообще он куда больше похож на нынешнего Владислава.

- Это осень моего третьего курса. Зимой тетя Таня умерла. Сердце. Ей еще не было пятидесяти. Знаешь... мне до сих пор странно говорить о ней в прошедшем времени. Она же здесь. Ее книги, ее рассказы, все места, где мы были... жаль только, я ей мое озеро не успел показать. Ей бы там понравилось, – он улыбнулся, и в этой улыбке не было грусти. Так говорят о друге, с которым редко удается увидеться. Владислав закрыл альбом и повернулся к Эрике:

- Я же ее даже как старшую не воспринимал. Во всяком случае, воспитывать меня она точно не пыталась. Отрастил волосы – мне так больше идет. Слушаю металл – лишь бы по этому поводу милиция не приходила, а многое вообще слушали вместе, разве что на концерты я ходил один. Веду ночной образ жизни – мое дело, тем более живем в разных комнатах и друг другу не мешаем. То ли старшая сестра, то ли друг, то ли фея-крестная, хотя крестных у меня по определению быть не может.

Казалось, рыжеволосая женщина на фотографии чуть подмигнула в ответ.

Новый Год прошел как-то очень тихо и по-домашнему. Макс и Игорь праздновали с родственниками, Стас и Слава отправились в гости к каким-то очередным поклонникам – эти двое ухитрились постоянно встречаться или с сестрами, или с подругами, за что гитаристов давно дразнили «шведской семьей». Вадим уехал на праздники к какому-то новгородскому мотоклубу, Ольга, видимо, тоже где-то путешествовала, поскольку ее телефон не отвечал. Словом, Владислав и Эрика остались вдвоем, о чем несколько не жалели. Сварили глинтвейн, Владислав играл на гитаре и пел любимые песни, и больше им никого и ничего не было нужно.

Первого января Эрика всегда приезжала к родителям, если была в это время в городе. Владислава она позвала с собой, а в ответ на его сомнения только пожала плечами: «Тоже мне чудо лесное, которое никому показать нельзя!». «В какой-то степени я и есть чудо лесное», – засмеялся Владислав и согласился. Знакомство прошло вполне гладко, хотя родители, конечно, немало удивились, что Эрика, вообще-то не склонная к резким переменам в жизни, уже успела переехать к Владиславу. Впрочем, после рассказа про дочь Анны Ивановны они согласились, что так оказалось лучше всем. А с отцом Эрики Владислав уже через час активно обсуждал туристическое снаряжение и показывал ему свой нож – Сергей Александрович в молодости был заядлым походником, да и сейчас был не прочь иногда выбраться подальше от цивилизации. Расстались они, похоже, чуть ли не друзьями. «Еще вместе в поход

пойдут», – хихикали Эрика с матерью. «И пойдем!» – заявил Сергей Александрович. Владислав промолчал.

Январь выдался морозным – по крайней мере, с точки зрения Эрики. Владислав считал погоду совершенно нормальной и по этому поводу то и дело пропадал целыми днями. Впрочем, Эрике не было одиноко – во-первых, через Владислава ей достался интересный перевод, а во-вторых и в-главных, она была дома. Все чаще ей казалось, что так было всегда. Всегда был этот зеленоватый свет сквозь шторы, чай с ягодами можжевельника, быстрый перестук клавиш с кухни, где привык работать Владислав, или замысловатый перебор его гитары. А в его отсутствие было множество книг и дисков, и рыжеволосая тетя Таня всегда улыбалась с фотографии – наверное, ей нравилось, как живет ее племянник.

Тем временем Стас объявил, что нашел подходящую студию, и группа принялась за запись альбома. Вадим, узнав эту новость, поспешно вернулся из Новгорода, заявив, что хочет быть в курсе. Впрочем, из студии новостей почти не приходило – запись шла своим чередом, Владислав со Стасом переругались по поводу соло в одной из песен, в результате чего Стасу традиционно пришлось спастись бегством, но победила все же его версия, Игорь оказался еще и художником и теперь активно придумывал оформление обложки, но идеями не делился. Так что Вадиму вместе с остальными поклонниками оставалось ждать, что из всего этого выйдет.

Когда дело дошло до записи вокала, Владислав вообще стал приходить домой только ночевать. Он возвращался предельно уставшим, клял на чем свет стоит отсутствие необходимого оборудования, обещал, что для следующего альбома точно будет писать вокал дома или вообще где-нибудь в Финляндии – «если я сам переживу эту запись и меня не убьет группа!» – и наливал себе виски, чтобы немного прийти в себя. Да уж, неудивительно, что в определенных кругах у него сложилась не самая лестная репутация – по общим меркам Владислав пил очень много. Пришедший как-то в гости Вадим очень быстро оставил всякие попытки за ним угнаться и заявил, что он от такого количества просто не выживет. Владислав только смеялся. При всем при том ни Эрика, ни кто бы то ни было из группы еще ни разу не видели его хотя бы захмелевшим, не говоря уже о чем-то большем. Просто снять усталость после записи лучше всего получалось именно так. Но не всегда.

В тот вечер Владислав особенно задержался. Так случилось, иногда они с группой оставались что-нибудь обсудить, и тогда Владислава подвозил Макс. Все нормально, все как всегда. Эрика сидела за ноутбуком, слушала свой любимый HammerFall и как раз собралась пойти за чашкой чая, когда настойчиво запищал домофон. Вот это уже было странно – один или с Максом, но Владислав всегда открывал дверь сам. Хотя, может быть, из-за холодов ключ плохо работает...

- Кто там?

- Эрика,пусти нас, – тихо проговорил Макс.

Эрика стиснула трубку. Сегодня же была просто запись... Ей в который раз вспомнился отрешенный хриловатый голос: «Эта дрянь внутри становится сильнее» – и неподвижный силуэт на заднем сиденье машины.

- Открываю.

Они стояли на лестничной площадке. Точнее, стоял Макс, закинув за спину чехол с гитарой, а Владислав тяжело опирался на его плечо. Ему едва хватало

сил хотя бы просто держаться на ногах, и все же он попытался улыбнуться Эрике.

- Почти все записали, что собирались, и вот... — Макс опустил глаза, словно в происходящем могла быть его вина. — Ты понимаешь.

Эрика молча кивнула. Этот застывший взгляд Владислава был ей слишком знаком. И в то же время она чувствовала, что ее помощь сейчас вряд ли нужна — он просто ее не примет. Вот и сейчас он чуть отстранил Макса и даже хотел забрать у него свою гитару, но Макс не позволил:

- Сам свалишься и гитару разобьешь.

- Не свалюсь, — сквозь зубы проговорил Владислав. Он старался не встречаться взглядом ни с Эрикой, ни с Максом. Сбросил с плеч косуху (Макс почти незаметным движением помог ему высвободиться из рукава), непослушными пальцами кое-как справился со шнуровкой своих армейских ботинок. Эрика подалась было вперед, но он поднял перед собой руку, останавливая ее, и тихо сказал:

- Не надо. Не трогайте меня сейчас, никто. Я... справлюсь, — он с трудом выпрямился. Стиснул зубы — опять по привычке оперся на левую руку. Эрика услышала за спиной вздох Макса — то ли ударник действительно чувствовал то же самое, то ли просто так выражал свое мнение о происходящем.

Владислав достаточно уверенным шагом прошел в спальню и, не раздеваясь, рухнул на постель поверх одеяла. Когда Эрика через несколько секунд спросила «Тебе что-нибудь нужно?», он уже не отозвался. Не то мгновенно заснул, не то потерял сознание — голова склонилась набок, волосы рассыпались по подушке, левая рука безвольно свесилась с кровати. Эрика не стала его трогать, хотя и понимала, что вряд ли может сейчас причинить боль. Но она помнила, как осторожно помогал ему Макс — словно и вправду имел дело с раненым... Она подобрала в углу плед — они вечно забывали вернуть его на место по утрам — укрыла им Владислава и тихо вышла.

- У тебя чай есть? — спросил Макс.

- Конечно. Ты не стой в дверях, проходи.

- А... да, сейчас, — он тряхнул головой, словно просыпаясь. Выглядел он немногим лучше самого Владислава, разве что на ногах держался тверже. Как он еще машину водит?

- Как ты еще машину водишь? — повторила Эрика вслух. — Ты бы, может, остался, а? Диван есть, спальник есть — да что я тебе рассказываю, ты эту квартиру лучше меня знаешь. Куда тебе сейчас ехать!

Макс ответил не сразу.

- Твоя правда. Ладно, отец в курсе, что я могу и утром приехать. Черт, давно такого не было, я действительно никакой.

- Вот и я о чем. Сейчас чаю сделаю. Или, может, чего покрепче? — она подмигнула. Макс слабо улыбнулся:

- Узнаю тлетворное влияние Владислава. Нет, пожалуй, только чаю.

Первую чашку Макс, кажется, даже не заметил. Эрика молча налила вторую, поставила на стол пиалу с медом. Макс благодарно кивнул.

- А ты сама?

- Да я весь вечер только и делаю, что чай пью. Впрочем, составлю тебе компанию.

Они сидели молча. Макс то и дело тревожно поглядывал в сторону спальни, хотя со своего места все равно ничего не мог увидеть. А вот Эрика

ощущала странное спокойствие. Она откуда-то знала: в этот раз все будет в порядке. В этот раз Владислав действительно справился сам. Что такое «этот раз» и когда ждать других – она предпочитала не думать.

- Это же просто запись... – Макс обращался скорее к самому себе, чем к ней. – Не концерт, даже не репетиция. Я не знаю, чем помочь, а точнее, знаю, что помочь нечем. И вот это хуже всего! Понимаешь? Когда я его на себе тащил из того леса, я хотя бы знал, что делаю все, что могу, а могу не так уж мало, по крайней мере по сравнению с остальными. А потом мне говорят: парень, иди отсюда и не подпирай стену, либо мы его вытащим без твоего участия, либо нет, и ты тем более ничего не сделаешь. А как я уйду, а? И сейчас вот тоже... Он же допел, отошел от микрофона и сполз по стенке. А я только и могу, что домой его отвезти.

- Уже немало.

- Мало, – с горечью проговорил Макс. – Мне – мало. Ребята не видят... так, как ты. Они думают, у него или проблемы с сердцем, или еще что, это же бывает и при хорошей форме, тем более после травмы. А я не знаю, как мы допишем этот альбом и как будем выступать, если так будет и дальше. Да черт бы с ним с альбомом и с концертами, знал бы я, что это пройдет, так можно подождать, хотя он же меня на месте убьет, если попробую не пустить на сцену или в студию. Потому и не вмешиваюсь. Но мне... Мне страшно.

Он сказал это точно так же, как недавно Владислав. Эрика тронула Макса за руку:

- Сейчас точно бояться нечего. Я тоже не знаю, что из этого выйдет, но пока все хорошо. Знаешь, ты вот говорил, что я могу помочь – ты же видишь, он еще и не всякую помощь примет. Значит, не так все плохо.

Макс долго молча смотрел на нее... и вдруг зевнул.

- Совсем засыпаю, – улыбнулся он. – И говорю уже, наверное, чушь всякую. Если мне не изменяет память, у Владислава был спальник в шкафу в прихожей. Ага, уже вижу, там он и лежит. Ты извини, опять я на тебя все вываливаю...

- Да нечего тут извинять. Спасибо тебе. Ты хороший, – теперь Эрика сказала это уже в глаза. Макс только вздохнул.

Владислав проспал почти до вечера, Макс успел съездить домой и вернуться. Они пили чай втроем, и Эрика рассказывала про вчерашнее, поскольку Владислав не помнил почти ничего. Он то и дело виновато опускал глаза, как будто бы от него могло что-то зависеть, и все же малейший намек на перерыв в записи мгновенно вывел его из себя:

- Еще чего не хватало! Макс, со мной все в порядке!

- Ага, я вижу, – проворчал Макс. – Я не готов тебя каждый день притаскивать из студии.

- И не придется. Мы же почти закончили. И закончим!

Голубые глаза вспыхнули очень узнаваемым блеском. Макс лишь обреченно развел руками.

Впрочем, запись вокала завершилась без происшествий. То ли Владислав все же стал рассчитывать свои силы, то ли, что более вероятно, записать оставалось действительно совсем немного. Концертов пока не предвиделось, и по этому поводу группа вздохнула с облегчением – за вокалиста беспокоились все. Правда, говорить это самому Владиславу никто не рисковал. Он и так постоянно рвался что-нибудь подправить и улучшить, а остальные чуть ли не хором объясняли ему, что все и так хорошо. Наконец Стас засел за сведение

альбома. Помогал ему Слава, так что оба гитариста из жизни практически выпали.

По календарю наступила весна, но природа была с этим не вполне согласна – все тот же снег и холода, да еще и пронизывающий ветер. Эрика предпочитала не выходить из дома без большой необходимости. Да что Эрика – погоду за окном ругал даже Владислав, замучившийся оттирать от слякоти свои кожаные штаны. Впрочем, он тоже нечасто выбирался наружу, поскольку переводил с финского какой-то научный труд. Иногда он зачитывал Эрике оттуда особенно замысловатые пассажи, а она смеялась: «Ты так точно никого не вызовешь?». «Если вызову – обратно загоню», – очень серьезно отвечал Владислав.

А еще он уже писал новые песни. Эрика часто слышала, как он подбирает мотив на гитаре, что-то напевает, перемежая русский и норвежский, или перечитывает отрывки из «Калевалы» – даже не зная финского, она уже научилась узнавать этот ритм. Владислав бродил по квартире, отрешенно улыбаясь и глядя в пространство, засиживался далеко за полночь, забывая по всем углам листки, где его привычный почерк с размашистыми завитушками букв перемешивался с рунами, а Эрика все чаще замечала, как он замирает на одном месте, слишком знакомым жестом сжимая плечо, и улыбка сменяется гримасой не то боли, не то ярости. Но Владислав молчал, и Эрика не заговаривала на эту тему.

Однажды в особенно слякотный день у Эрики зазвонил телефон. На дисплее высветилось «Ольга Ш».

- Шаманка! – обрадовалась Эрика. – Сто лет тебя не слышала! Куда пропала?

- То же самое могу спросить у тебя. Наткнулась тут на твою квартирную хозяйку, она сказала, что ты съехала.

- Ага, я теперь в другом месте живу.

- Так... Я тебя правильно понимаю?

- Видимо, да, – засмеялась Эрика.

- Так, а с этого места поподробнее! На моей памяти ты была редкостным домоседом.

- Да тут вообще все очень занятно. Ты группу «Ветробой» знаешь?

- На летнем фесте видела немного, интересные ребята. Что, кто-то из них?

- Вокалист.

- Ого! На тебя еще фанатки не охотятся?

- Да нет вроде. А вообще, приходи в гости, как раз и познакомишься.

- С удовольствием! Когда?

Эрика прикрыла телефон рукой и повернулась к Владиславу:

- Ольга в гости хочет зайти.

- Это та, про которую ты мне говорила? Не вопрос, хоть завтра, рад буду познакомиться лично.

- Да хоть завтра, – повторила Эрика уже в трубку. – Пиши адрес.

- Косыгина? Мы теперь почти соседи. Ну что, до завтра?

- До завтра.

На следующий день Ольга возникла на пороге даже чуть раньше назначенного времени. Именно что возникла, миновав домофон. Улыбнулась, увидев свисающий из шкафа меховой хвост – Владислав так и не собрался ни пристроить его на косуху, ни найти более удачное место. Повесила на крючок

мокрую шапку и взъерошила свои волосы, стряхивая капли. Вплетенный бубенчик тихо звякнул. Он прошел с Ольгой весь университет – с ним смирились даже самые консервативные преподаватели, и диплом Ольга вышла получать, точно так же позвякивая бубенчиком.

- Совсем не меняешься, – засмеялась Эрика.

- Ты, в общем-то, тоже. Разве что волосы отрастила. Ну здравствуй, что ли?

- Здравствуй, – Эрика обняла подругу. – Так, я обещала тебя познакомить. Владислав! Ты где там?

Со дня знакомства она так и называла его только полным именем. Впервые, помнила, как он набросился на Стаса за «Влада», а во-вторых, сокращения ему просто не шли. Владислав, и все.

- Здесь я. Письмо надо было отправить, – Владислав вышел из комнаты – как всегда, в одних джинсах – и тут же церемонно поклонился Ольге: – Весьма наслышан и рад знакомству. Владислав.

- Ольга. Также предпочитаю без сокращений, – она подчеркнула «тоже».

- Ты бы хоть оделся, что ли... – фыркнула Эрика.

- Можно подумать, тут кто-то чего-то не видел, – парировал Владислав.

Ольга не ответила. Она шагнула ближе и протянула руку:

- Ты позволишь?

Владислав лишь молча кивнул. Ольга прикрыла глаза – Эрика хорошо знала это ее выражение лица – и медленно провела ладонью над его плечом. Он чуть поморщился, словно от боли, хотя Ольга его не касалась.

- Ты как ухитрился на него нарваться? – изменившимся голосом проговорила она, глядя на Владислава снизу вверх – отнюдь не только из-за разницы в росте.

- Кто еще на кого нарвался, – недобро усмехнулся Владислав. Но тут же тряхнул головой: – Не очень мне хочется сейчас в это лезть.

- Твоя правда. Прости.

- Да что уж там. Я своих приключений не скрываю. Может, и расскажу потом... если сам что-нибудь вспомню. А сейчас все очень просто – на меня свалилась работа, и мне бы сохранить ясную голову.

Владислав еще не договорил, а его усмешка уже сменилась обычной спокойной улыбкой, и подступившая было тень рассеялась. Эрика подавила вздох облегчения – она, конечно, догадывалась, что эти двое поймут друг друга, но такого контакта не ожидала даже она. Впрочем, Ольга тут же беззаботно улыбнулась:

- Понимаю. Твоя история, твой дом, твои правила.

- В общем, я сейчас не лучший хозяин, – в голосе Владислава тоже слышалось явное облегчение. – Позже, наверное, присоединюсь, а пока я вас оставляю.

Он снова скрылся за дверью. Эрика жестом пригласила Ольгу на кухню, открыла шкафчик с чаем и задумалась, выбирая.

- Знаешь, – тихо сказала Ольга, – пять минут назад я хотела сказать какую-нибудь банальщину про твой хороший вкус и все в таком духе. А теперь не буду, хотя это правда. Вы давно знакомы вообще?

- На Самайн познакомились, у них концерт был. И было на том концерте... много интересного. А в декабре я сюда переехала.

- Понятно. Значит, спрашивать, знаешь ли ты, во что вы оба влезли, я тоже не буду. Я ведь правильно тебя поняла насчет интересного?

- Думаю, да. Все-таки Шаманка ты и есть.

- Да тут и так все видно. На концерте, подозреваю, тем более. Кажется, на том фесте мне сильно повезло, не хотела бы я такое в полном объеме получить, – она на секунду смолкла, а потом махнула рукой: – А, ладно. Опять я лезу, куда не просят, хотя мне уже прямо было сказано. Проехали. Все в свое время. Давай чай пить.

- Ага. Вишневого варенья хочешь?

- Хочу! – сколько Эрика знала Ольгу, та обожала вишню в любых видах.

- Угощайся, вишневая твоя душа!

- Скорее уж яблочная, если верить гороскопу друидов. И если верить тому, что у друидов были гороскопы.

- Да сейчас их у кого только нет. По гороскопу друидов вы рябина, по гороскопу славян вы рысь, по гороскопу майя вы зеленый пернатый змей, а по гороскопу папуасов вы такое, что сами не выговорите.

Девушки расхохотались, но Ольга вскоре снова посерьезнела. Веселая и общительная Шаманка ладила почти со всеми, и только одна категория людей могла действительно вывести ее из себя – авторы всяческой популярной эзотерики и их читатели. Как назло, вокруг Ольги они словно зарождались сами собой. Одно упоминание об ее прозвище вызывало у некоторых знакомых странный блеск в глазах и желание напроситься в ученики, поделиться тайным знанием или немедленно что-нибудь наколдовать вместе. В зависимости от настроения Ольга то отшучивалась, то посылала читать программу философского факультета по религиоведению, то обещала наслать проклятие на семь поколений в обе стороны, но странных личностей вокруг меньше не становилось.

- Кстати, о папуасах, – сказала Ольга. – Я тут нашего великого черного мага встретила.

- Это которого?

- Да учился у нас один деятель, ты его вроде тоже встречала. Я его знаю как Графа, а вообще имен у него штук двадцать, все, разумеется, тайные и магические, но их почему-то знает весь универ.

- А, помню такого. Он еще вечно учениц себе набирал в количестве среднего гарема.

- Да, персонаж колоритный. В общем, на днях видела его невменяемую физиономию в клубе. Меня он, по счастью, не узнал. Впрочем, он был в таком состоянии, что мать родную не узнал бы. Он и раньше пил, но сейчас это было что-то запредельное. Нашел себе жертву и нес свою любимую пургу про одержимость демонами и про вторжение ада на землю. Причем с таким энтузиазмом, как будто лично собрался в крестовый поход.

- Черный маг? В крестовый поход?

- А с ним это периодически случается. Его графское сиятельство, понимаешь ли, само до чертиков боится тех областей, в которые лезет. Не спрашивай меня, как это сочетается, я не знаю. И он сам не знает. Так и живет – чего-нибудь нахимичит, сам перепугается и на некоторое время становится цивиличным, белым и пушистым. Ну, в своем понимании. И самое-то что обидное – Граф не из тех, кто играет в великих магов, а на самом деле Пиковую Даму в пионерском лагере не вызовет. Насколько я могу судить, потенциал там есть, и

довольно серьезный. Только тратится черт знает на что, потому что его сиятельство сам себя боится. С другой стороны, его можно понять. Если пользоваться такой мешаниной из Лавкрафта с ЛаВеєм, добавляя туда все, что под руку попало, получится что угодно, только не то, что изначально задумывалось. И в конце концов Граф, похоже, доигрался. Я тебе не рассказывала, да и сама забыла эту историю, а тут его увидела и вспомнила. Было это года три назад, и после этого он чуть ли не креститься собирался. Разумеется, так и не собрался. Но ни о каких колдунствах поныне слышать не хочет. Пить, кстати, примерно тогда же начал.

- Сатану, что ли, случайно вызвал? – усмехнулась Эрика. Усмешка, кажется, вышла кривоватой, это почувствовала даже она сама. «Три года назад», сказала Ольга... Понятно, вряд ли есть хоть какая-то связь, мало ли всякого происходит за год, но...

- Сатану не Сатану, но что-то он, похоже, и правда вытащил. Я при этом, понятно, не присутствовала, историю знаю только по рассказам Графа и его тогдашней ученицы, по совместительству возлюбленной. Граф нашел, по его словам, какое-то невероятное место силы – охотно верю, такие вещи он действительно умеет чувствовать. И незадолго до Самайна они туда отправились. С их слов я так и не поняла, что и зачем они хотели получить, и не вполне уверена, что они это знали сами, но в результате, как ни странно, что-то вылезло. Да такое, что наши великие маги побросали все как есть, порвали круг и сбежали оттуда на всех парах.

- Где... это... было?

Даже Эрика вздрогнула от неожиданности, хотя к бесшумным появлениям Владислава она уже давно привыкла. Но таким она его еще не видела и надеялась больше не увидеть никогда. Хотя нет, видела – тогда, на сцене... Тот же невидящий взгляд, тот же до неузнаваемости хриплый голос. В следующую секунду он уже оказался рядом с Ольгой, его пальцы стиснули ее руку выше локтя. Ольга поморщилась от боли и попыталась освободиться, но, понятно, безуспешно.

- Где это было? – повторил Владислав.

- Эй, меня для начала отпусти, а? Я тут как бы ни при чем!

Голос Ольги, неожиданно властный и даже злой, словно привел Владислава в чувство. Он убрал руку.

- Прости. Мне... мне действительно очень нужно это знать.

- Я заметила, – уже прежним тоном отозвалась Ольга. – В следующий раз буду рассказывать из бункера!

- Не придется, – Владислав сел между девушками, демонстративно положив обе руки на стол. Он даже улыбнулся, хотя взгляд оставался застывшим. – Пожалуйста, расскажи.

- Ну, точных координат мне, понятно, никто не давал. Поскольку, судя по круглым глазам рассказчиков, там вылезло что-то немногим лучше Сатаны и сожрет любого, кто вообще приблизится. Как и почему оно в таком случае их самих не сожрало, неясно.

- А стоило бы... – сквозь зубы проговорил Владислав. Ольга кивнула:

- Понимаю. Сама таких деятелей очень не люблю. Граф одно время производил впечатление адекватного, потому и общались. В общем, эти двое укатились на сотню километров по Щелковскому, что ли, направлению, и ушли в леса. Как не уперлись ни в какой полигон – опять же вопрос не ко мне, впрочем,

в нахождении странных мест оба мастера. Дальше изложение теряет всякую связность, то ли оба с перепугу в буквальном смысле забыли туда дорогу, то ли напускали таинственности и мрачности. Во всяком случае, далее следовало очень романтическое описание черного глубокого озера...

- Среди сосен, холодного в любую погоду и почти круглого, – закончил за Ольгу Владислав. Она машинально кивнула, но тут же резко вскинула голову и ошарашенно взглянула на него.

- Тааак... все сходится...

- Все сходится, – эхом повторил Владислав. Его голос оставался спокойным, ни тени недавней вспышки. Только вот если бы этот самый Граф вдруг оказался здесь – Эрика не дала бы за его жизнь и ломаного гроша. Все тем же спокойным голосом Владислав проговорил, обращаясь скорее к самому себе, чем к Ольге:

- Ты говоришь «не люблю». Я таких – ненавижу. Оккультисты, Повелители Тьмы, заклинатели духов, личные друзья Сатаны... Меня самого не раз и не два называли сатанистом – сколько раз называли, столько раз улетали с лестницы. Потому что я знаю, что эти, так сказать, сатанисты пытаются сюда притащить, – он сжал кулаки. – Ребятки сами не в курсе, с чем пытаются поиграть. Мне их игры почти стоили жизни. Да и сейчас бой не окончен. Каждый концерт...

- Тебе нельзя сейчас на сцену, – уверенно сказала Ольга. Владислав досадливо поморщился:

- Мне половина группы так говорит. А я по-другому не могу. Я Эрике говорил – это чертов моргульский клинок. Ребятки поигрались, получили адреналин и теперь старательно боятся. Показал бы я им, чем их игры заканчиваются...

- Кажется, уже показал, – сказала молчавшая до сих пор Эрика. – Я вот про Графа слушаю и понимаю, что я даже его неплохо помню в лицо. На йольском концерте один товарищ на сцену вылез...

- Как ни странно, это помню даже я, – усмехнулся Владислав. – Точнее, за себя в тот момент я уже не слишком ручаюсь, но что он от меня шарахнулся, как черт от ладана – помню. Так это был наш черный маг? Жаль, что так быстро удрал... – он многозначительно размял пальцы.

Ольга расхохоталась:

- Ага, вот оно что! Поздравляю, тебя зачислили в посланцы Ада на земле и во всех четырех всадников Апокалипсиса одновременно. Понятно, я в монолог Графа не слишком вникала, но про бездну во взгляде и зов, парализующий волю, там точно было. Так что напугал ты его до полусмерти, это я тебе гарантирую. Или... скорее, твой противник.

- Ты понимаешь, – коротко кивнул Владислав.

- И что же... все эти три года – так?

Владислав не ответил. Ольга поежилась:

- Представляю... Точнее, нет, даже представлять не хочу. Но слушай, так же нельзя бесконечно – однажды эта пакость тебя дожрет.

- Я сам о том же думаю. Но знаешь – я вот слушаю тебя и начинаю понимать, что делать. И так слишком долго тянул – думал, справлюсь. Видимо, надо было, чтобы кто-то другой пришел и сказал это. Спасибо тебе за этот разговор.

- Да я-то что... – Ольга выглядела озадаченной.

- Спасибо. Теперь я знаю, что с этим делать. А сейчас – девушки, простите, но мне надо немного побыть одному. Я сегодня совсем никудышный хозяин.

Он резко встал и вышел. Эрика услышала, как в гостиной скрипнула дверца бара. Понятно, Владислав отправился приводить себя в чувство привычным способом. Ольга проводила его тревожным взглядом.

- Ну вот... Зашла в гости, называется.

- Ты-то здесь при чем? Не ты ж эту кашу заварила.

- Да понятно, что не я, но чувствую себя тем самым гонцом с плохими вестями, которому не оторвали голову только по счастливой случайности. Там помощь точно не нужна?

- Точно.

- Тогда, наверное, пойду я. Ты извини, что такое вышло.

- Еще раз говорю, ты тут ни при чем. Все в порядке.

- Эх, хотелось бы...

Когда Ольга ушла, Эрика еще некоторое время сидела на кухне одна, допивая оставшийся в чайнике чай. Заварка перестояла и начала горчить. В конце концов Эрика выплеснула остатки в мойку и пошла в гостиную.

Владислав сидел на широком подоконнике, рядом с ним стояла бутылка виски. Увидев Эрику, он подошел и молча обнял ее. Она заметила, что двигается он немного неловко.

- Кажется, я пьян, – сказал он. – По-моему, впервые в жизни. Так что я сам не знаю, что могу сейчас наговорить, ты не очень слушай... Хотя нет, слушай. Слушай.

Он подвел Эрику к креслу, усадил, а сам сел на пол рядом. Его взгляд был затуманенным – то ли и правда хмель, то ли воспоминания. Не отпуская руку Эрики, он заговорил:

- Я знаю, что делать с собой. Мне нужно туда вернуться. Не сейчас, весной или летом, когда лес будет сильнее. Я и так слишком долго тянул, но это надо завершить. Разорванный круг нельзя оставлять. Я не знаю, чем это кончится, но это мой лес, и если эта тварь до сих пор там... – он стиснул зубы. – Может быть, она все-таки добьет меня. Что ж, в таком случае заберу ее с собой.

Внезапно он уронил голову на грудь и продолжал совсем другим голосом:

- Эрика, Эрика, родная моя, зачем я тебе это говорю? Зачем я вообще в это влез? Насколько же все было проще тогда... Я был один. А теперь получается, что я и тебя в это впутал... Эрика, прости меня, я сам уже не знаю, что несу...

- Знаешь. И я знаю, – Эрика сама удивилась, насколько твердо прозвучал ее голос. Она коснулась щеки Владислава, заставляя его поднять голову и посмотреть ей в лицо – и он подчинился. – Вроде мы с тобой не первый день знакомы. И даже не первый месяц. Ты что же думаешь, я в лучших киношных традициях буду виснуть у тебя на шее и со слезами умолять остаться? После всего, что я видела и слышала? Я же понимаю, что тебе нельзя иначе. Не знаю, чем смогу помочь и смогу ли вообще, но мешать точно не стану.

- Родная моя... – только и смог сказать Владислав, прижимая ее руку к своему лицу. Прошло немало времени, прежде чем он выпрямился и заговорил уже твердо и спокойно, без малейших признаков хмеля:

- Это будет летом. На солнцестояние. Скорее всего, сбежать от наших и податься в леса вдвоем с тобой я не смогу. Пусть так, разберемся на месте. Да, я хочу, чтобы ты тоже поехала, тебе нужно знать, чем все кончится. Но за мной не ходи. Там я должен быть один. И еще. Если увидишь меня без этих браслетов, –

он протянул руки вперед, – не подходи ко мне и не подпускай наших, пока не убедишься, что... что это действительно я. Ты понимаешь.

Эрика молча кивнула.

- Хорошо. Объяснить я бы сейчас не смог. И... если что – держись Макса. Я не говорил ему, потому что не хочу тащить его в это снова – и так уже чуть не угробил нас обоих. Но он поймет. И он знает, что делать дальше.

Эрика слушала Владислава со странным спокойствием, которого сама от себя не ожидала. А ведь он говорил о своей возможной смерти – даже не возможной, а весьма вероятной. Сколько сил отнял у него этот бой длиной в три года? А что стало за это время с его противником? Но Эрику не покидало ощущение, что сейчас происходит что-то единственно правильное, и поэтому ни испугаться, ни заплакать у нее не получалось. Похоже, Владислав почувствовал ее состояние – он улыбнулся и встал.

- Ладно. Время все покажет. Достаточно я наговорил ужасов на ночь глядя. Ты не сделаешь еще чаю?

Правда, и этот чай допить им не удалось – в какой-то момент Владислав подхватил Эрику на руки и унес в комнату. Они снова как будто впервые оказались вместе, и снова уснули лишь под утро. Точнее, уснула Эрика – проснувшись от первых лучей солнца, она увидела, что Владислав опять сидит на подоконнике, глядя в окно, и его руки не то перебирают струны невидимой гитары, не то просто сплетают в воздухе какой-то узор. Она не стала его окликать и вскоре уснула обратно. Когда, уже за полдень, Эрика проснулась окончательно, Владислав спал рядом с ней. Она ни о чем не спрашивала, и к разговору они больше не возвращались.

Через несколько дней Эрика столкнулась с Ольгой, когда шла за новыми кроссовками. Оказалось, что им по пути – Ольга тоже готовилась к летнему сезону и хотела присмотреть себе рюкзак. Выяснив это, девушки некоторое время шли молча. Вдруг Ольга тронула Эрику за рукав и, когда та повернулась к ней, без всякого перехода проговорила:

- Граф погиб.

- К-как?

- А вот так. Сама я при этом не была, но общих знакомых-то у нас много. Свалился с платформы электрички. Точно под поезд. Хотя есть сильное подозрение, что не свалился, а спрыгнул. Понятно, сейчас уже никто ничего не узнает, но я же помню, в каком он был состоянии последнее время. Жаль его, на самом деле. Такие силы и так потратить...

Эрика машинально кивнула. Снова всплыл и ночной разговор, и силуэт на подоконнике... Владислав, услышав о смерти Графа, лишь сказал:

- Я был прав. Пора. Слишком долго ждал.

До солнцестояния оставалось два месяца.

5.

- А не податься ли нам куда-нибудь на природу? – предложил однажды Стас, когда группа «Ветробой» в полном составе (плюс, конечно, Эрика и Вадим) устроила небольшой пикник на берегу Москвы-реки.

- А это не природа, что ли? – Игорь повел рукой вокруг – он был городским жителем до глубины души, и московские парки в качестве природы его полностью устраивали.

- Это – ее жалкие остатки, – фыркнул Стас. – Нет, я серьезно: все равно сейчас ни концертов, ни записи. Взять бы и уехать подальше за город, чтобы пару дней вокруг никакой цивилизации. А то мы последнее время только на репетициях и встречаемся. Не дело.

- И правда, – поддержал друга Слава. – Податься в леса всей группой, вместе с особо избранными фанатами, – он подмигнул Вадиму. Эрика уже давно считалась скорее шестым участником самой группы. – Вопрос только, в какие конкретно леса, лично я в них плохо ориентируюсь. Это вон Владислав и Макс у нас походники...

Макс, услышав свое имя, придвинулся поближе. Владислав дремал, положив голову на колени Эрике, и ничего не слышал. Или делал вид, что не слышал.

- Вот поэтому я разговор и завел. На самом деле, мысль у меня еще с осени вертится. Как раз из-за Макса.

- Что, дурной пример заразителен? – усмехнулся Макс.

- Ну почему сразу дурной. По мне, так очень здорово, когда где-то есть такое вот место, куда в любой момент можно приехать. Да и вообще интересно, что у вас за озеро такое... – Стас осекся и обеспокоенно взглянул на Макса: – Или лучше не надо?

- Чего не надо? Место вроде не проклятое, – на этот раз усмешка Макса вышла кривоватой. – А если ты о воспоминаниях и всем прочем, так все-таки с тех пор три года прошло. Я туда не возвращался не потому, что боюсь или еще чего, а просто не с кем. Не одному же. Та компания разбежалась, Владислав тоже на эту тему не заговаривал... Вообще, если уж на то пошло, это скорее к нему вопрос. Не я же там чуть с жизнью не расстался. У меня, конечно, воспоминания остались те еще, но мне и самому интересно, как оно там сейчас. Владислав, ты там спишь?

- Да нет, я вас слышу, – медленно проговорил Владислав, приоткрыв глаза. Несмотря на солнечный день, темные очки он оставил лежать в нагрудном кармане рубашки. – Конечно, по логике, если кому и избегать этого места, то мне. А с другой стороны, память любезно избавила меня от подробностей тех событий, да и происходили они не совсем там. Против нашей полянки я ничего не имею, просто с тех пор как-то завертелось все, вот и не собрались. Так что насчет меня можно не беспокоиться.

Он снова закрыл глаза, и Эрика ясно услышала вздох облегчения. Врать Владислав не умел и не любил, и возможных объяснений с группой (а особенно с Максом) он опасался больше, чем самой своей затеи. Потому и не стал даже планировать поездку вдвоем с Эрикой. «Да если я куда-нибудь денусь из города, Макс с собаками рванет меня искать! К гадалке ходить не надо, чтобы понять, куда меня могло понести. Лучше уж действительно ехать всем вместе, типа пикник у нас. А дальше уже мое дело...».

- Так это что – то самое озеро? – оживился Вадим. – Я точно с вами! Только, это, нас-то там никто сожрать не попытается?

- Не должны, – отозвался Владислав, не открывая глаз.

- Ага, нас много, – поддержал его Слава.

- Нас, кстати, и правда много, – задумчиво проговорил Макс. – А машина у меня хоть и большая, но всеером там тесновато...

- Позвольте, а мой байк на что? – возмутился Вадим. – Я еще и кого-нибудь могу вторым номером взять! Как раз в машине пять человек останется.

- Да что там, лез бы в багажник вместе с байком, – развеселился Макс. – Там, в отличие от салона, места много.

- Иди ты, у меня клаустрофобия!

- А что ж ты тогда в шлеме едешь? – Макс кивнул на закрытый черный шлем, лежавший рядом на траве.

- Потому что у меня клаустрофобия, а не тяга к самоубийству!

Группа расхохоталась. Макс и Вадим явно могли бы еще долго обсуждать багажники, шлемы и клаустрофобию, но Стас не дал им развить тему:

- Так, значит, Вадим у нас отдельно. Теперь вопрос – кто достаточно смелый, чтобы ехать с ним?

- Достаточно смелый, скажешь тоже... Вроде все, кто со мной катался, живы и здоровы. Я бы, конечно, предпочел взять к себе даму...

Владислав, все так же не открывая глаз, коротким жестом изобразил сворачивание шеи. Вадим картинно развел руками:

- Ладно, ладно, я не настаиваю. Тебя, я так понимаю, тоже можно не звать.

- Слушай, Вадим, – подал голос Игорь, – а ничего, что я раньше никогда на мотоцикле не сидел? А то я бы с тобой поехал...

- Никаких проблем. От пассажира требуется крепко держаться и не мешать мне, только и всего. Подробности на старте.

- Понял! – радостно кивнул Игорь. – Стас, а когда едем-то?

Похоже было, что басисту интересен не сам выезд в лес, а просто не терпится покататься на мотоцикле.

- Да хоть завтра, если ни у кого аврала нет, – улыбнулся Стас.

- Послезавтра, – возразил Владислав, вставая. – День на проверку снаряжения.

- Согласен. Кстати, давай ты, как самый опытный, уточнишь, что нужно. Я в целом представляю, но вдруг что забыл.

В подсчете палаток, спальников и консервов Эрика не участвовала, полагаясь на Владислава. Она встала размять ноги, затекшие от сидения в одной позе, и отошла чуть в сторону. Странное спокойствие, которое поселилось в ней еще с того ночного разговора, никуда не делось. А ведь все должно случиться уже очень скоро... Но испугаться или даже встревожиться по-прежнему не получалось. Внутри сидела уверенность, что все идет единственно правильным образом, и Эрика в конце концов махнула рукой. Действительно, они не в кино и не обязаны старательно нагнетать атмосферу. Пусть будет, как будет.

Собираться пришлось недолго – как оказалось, большую часть снаряжения Владислав держал наготове, как будто все три года ждал этого выезда. В его рюкзак легко поместились бы и вещи Эрики, но он настоял, чтобы она взяла свой. Спорить с ним и всегда было практически бесполезно, а сейчас тем более – хотя он и улыбался, как обычно, его взгляд был ледяным, говорил он мало и резко. А вечер и вовсе провел на подоконнике кухни, без виски, зато с гитарой. Эрика собралась было идти спать без него, но тут Владислав все-таки слез с подоконника, и вид у него был вполне довольный. Без каких-либо объяснений он подхватил Эрику на руки и унес в спальню. Она, впрочем, не возражала. Перебирая пряди светлых волос, она на мгновение подумала: «А если это в последний раз?». Но Владислав еще крепче обнял ее, и непрошенная мысль ушла. А за ней и все остальные.

На следующее утро Эрику разбудил Владислав. Мало того, что он проснулся раньше нее, что случалось нечасто – он ухитрился встать в

немыслимую по своим меркам рань без будильника. И уже успел одеться. В кои веки он изменил черному цвету – на нем были рваные джинсы, которые когда-то были синими, но со временем полиняли до какого-то невнятного оттенка, и клетчатая рубашка с коротким рукавом. Зато Эрика предпочла черную футболку.

Общая встреча была назначена у дома Владислава – у отца Макса оказались какие-то дела в этом районе, и Макс обещал его подвезти. «Жалко мне, что ли? Машина-то изначально его. Он в жизни не станет об этом вспоминать, но по мне, так правильно. Всегда его вожу, если нет чего-то сверхсрочного», – объяснил Макс, и все с ним согласились. В конце концов, все жили не так и далеко друг от друга, за исключением Вадима, но ему на мотоцикле было и подавно все равно, куда ехать.

Когда Владислав и Эрика спустились, темно-вишневый внедорожник уже стоял во дворе. Около него прохаживался невысокий пожилой мужчина, одетый в неприметные серые брюки и рубашку. Но его безупречная осанка выдавала в нем военного лучше любой формы. Когда он обернулся, Эрика поразились, насколько Макс похож на отца. То же сложение, те же черты лица, а главное – те же безмятежно ясные голубые глаза. Мужчина улыбнулся Владиславу и Эрике:

- День добрый. Макс в магазин убежал, а я машину охраняю.

- Здравствуйте, Геннадий Николаевич, – улыбнулся в ответ Владислав. – Познакомьтесь, это Эрика.

- Наслышан, наслышан.

Геннадий Николаевич подошел к ним почти вплотную, сразу став как будто выше ростом, и тихо проговорил:

- Удачи, герой.

- Вы... вы... – Владислав не находил слов. Геннадий Николаевич положил ему руку на плечо:

- Я, может, и солдафон необразованный, но родился я в тайге и два и два сложить способен. С Максом я ничего не обсуждал, не беспокойся. Не знаю, прав ты или нет, но... удачи тебе.

- Спасибо, – Владислав склонил голову. Он явно хотел еще что-то сказать, но Геннадий Николаевич предупреждающе поднял руку:

- Не надо. Лишнее. А вот и Макс уже идет. И не один.

Действительно, Макс появился из арки вместе с Игорем. А минуту спустя во дворе послышался рокот мотоцикла – это подъехал Вадим. Он был без куртки, но в полной защите, которая вместе с черным шлемом делала его похожим скорее на героя фантастического боевика, чем на байкера. А когда он слез с мотоцикла и направился к машине, его хромота только усилила сходство.

- И какой космический пират тебя подстрелил? – Владислав думал в том же направлении.

- Марсианский боевой треножник! – парировал Вадим, снимая шлем. – Ух ты, я даже не последний!

- Слава мне писал, они немного задержатся, – сказал Игорь, замороженно разглядывая мотоцикл. – Слушай, а можно посидеть?

- Можно даже покататься, раз такие дела. Как раз круг по кварталу сделаем, приноровишься немного.

Стас и Слава пришли как раз в тот момент, когда Вадим и Игорь вернулись. Басист сиял, как ребенок, получивший в распоряжение новую машинку. «Посмотрю я на тебя через сотню километров», – добродушно

проворчал Вадим, но его пассажир не отреагировал. Тем временем остальные устроились в машине: Слава рядом с Максом, Стас и Владислав сзади, Эрика, как самая маленькая, между ними

- Дорогу подсказать или помнишь еще? – поинтересовался Владислав.

- Издеваешься, да? Эту дорогу я вряд ли когда-нибудь забуду! – Макс повернул ключ, и вместе с двигателем ожила магнитола: «Heeding the call, one and for all, never surrender, with glory we'll fall...»⁷. Владислав, прикрыв глаза, вполголоса подпевал. Дорога начиналась неплохо.

Не считая традиционного затора на выезде из города, трасса была свободна. Вадим развлекался, то держась точно вровень с «Фордом», если позволяла ширина полосы, то выходя вперед и выписывая зигзаги по дороге. Макс грозил ему кулаком и ворчал, что при торможении он за себя не ручается. Вадим, конечно, не мог его слышать, но вскоре занимал положенное место сзади, хотя и ненадолго. «Интересно, как там наш Индрик, живой еще?» – задумчиво сказал в пространство Слава. Словно в ответ ему, Вадим опять вышел на обгон, и Игорь рискнул отцепить одну руку и показать экипажу «Форда» поднятый большой палец. А вскоре мотоциклу пришлось окончательно уйти назад – приближался съезд с трассы, дальше дорогу знали только Макс и Владислав.

«У кривой избушки налево, а теперь вон к той елке и не свались в канаву», – вспоминала Эрика рассказ Макса. Он ничего не преувеличил: поворот на совсем потерявшуюся в траве колею действительно был отмечен покосившейся и по окнам вросшей в землю избушкой, а канава у «вон той елки» была такая, что угоди туда «Форд» – мог бы и перевернуться. И, хотя всю дорогу Эрика смотрела в окно, она не могла вспомнить, что было написано на мелькавших мимо указателях... А вот на поляне, где Макс остановил машину и сказал «Дальше только пешком», не было никаких мешающих бревен или еще чего-нибудь в том же роде. Зато нижние ветви деревьев и кусты словно расступились, образовав этаким зеленым гараж как раз по размеру «Форда». Владислав удовлетворенно кивнул, но промолчал.

Под соседним кустом, а точнее, практически в нем, остановился байк Вадима. Игорь скорее свалился, чем слез с седла, прислонился к ближайшему дереву и заявил, что в ближайшие полчаса отсюда не сдвинется. Сиять как медный пятак, впрочем, не перестал. А когда Стас и Слава пообещали в таком случае перенести басиста вниз на руках или попросту скатить по склону, даже решился встать и пойти вместе со всеми. Но внизу опять устроился под деревом и сказал, что к установке палаток присоединится чуть позже. Вадим понимающе усмехнулся.

- Я, пожалуй, тоже присоединюсь чуть позже, – сказал Владислав. – Потому что я давно хочу сделать вот так!

И он растянулся во весь рост на траве между соснами, раскинув руки и глядя в небо. «Здравствуй», – чуть слышно проговорил он и замер.

- Так, с этими все ясно, – добродушно проворчал Макс и пошел доставать свою палатку.

Наконец три палатки (Владислав и Эрика вместе, остальные собирались присоседиться либо к Максиму, либо к Вадиму) встали по трем сторонам полянки на берегу, Вадим занялся костром, пообещав приготовить что-то интересное,

⁷ Внимая зову, одному и для всех, никогда не сдаваться, со славой мы погибнем...
Песня группы HammerFall.

остальные разбрелись по окрестностям. Слава полез в озеро и пожалел об этом – вода, несмотря на теплый день, была ледяной. Эрика, как единственная девушка, хотела помочь с готовкой, но Вадим уже забрал себе в помощники пришедшего греться Славу, и вроде бы они вдвоем успешно справлялись. Стас расчихлил гитару и погрузился в себя, начиная и обрывая какие-то мелодии, а иногда что-то помечая в блокноте. Ни Владислава, ни Макса видно не было, и это озадачивало. Еще раз убедившись, что ее помощь не нужна, Эрика отправилась бродить по лесу.

Не то чтобы она собиралась искать пропавших – если Владислав не хочет быть обнаруженным, вряд ли его можно будет найти без его желания. Но, подходя к холму, на котором стояла машина, она услышала из зарослей голос Владислава:

- Нет. Я и так чуть не угробил нас обоих.

- Я же вытащил тебя тогда! – это Макс. Похоже, тайна продержалась недолго. – И сейчас смогу, что бы там ни было.

- Макс, – Эрика не видела Владислава, но по одной интонации ясно представила, как он бессильно сжимает кулаки. – За тот раз мне до сих пор стыдно. Я почти умирал и не мог себя контролировать. Я же держался только на том, что взял у тебя.

- Мне не жалко.

- А мне жалко. Тебя. Потому что ты убьешься ни за что. Ты ничего не сможешь сделать, Макс. Точнее, скажу так – или твоя помощь и не потребуется, или ты ничем мне не поможешь. Это мой противник и мой бой.

- И что ты сможешь один? Ты же едва не погиб тогда... – голос Макса дрогнул.

- Что смогу, то смогу. Чего я точно больше не могу – сидеть и ждать, пока эта дрянь меня добьет. Не могу приползать с репетиций, держась за стены. Не могу выходить на сцену и гадать, не накроет ли меня в очередной раз и чего это будет стоить мне и вам. И, кстати, залу, если ты помнишь мое знакомство с Эрикой. А не петь тем более не могу. Это и так тянется слишком долго. А вы раз за разом меня откачиваете, и я чувствую себя чертовым упырем! – удар кулаком по чему-то твердому. – Сколько сил я из вас вытянул... Не я. Эта тварь. Поэтому ее не должно быть. Любой ценой. Моя жизнь – цена приемлемая.

- А мне что здесь делать без тебя?! – Макс сорвался почти на крик. – Ты очень правильно все говоришь, но каково нам тут оставаться? Я даже не про Эрику сейчас, она за тобой хоть в преисподнюю пойдет и пройдет. А мы вот останемся. Ты хоть понимаешь, насколько ты другим нужен? Понимаешь... брат?

- Макс...

Долгая пауза. Эрике очень хотелось выглянуть, но что-то подсказывало, что ее присутствие точно будет лишним. Макс заговорил снова – резко, но не зло:

- Вот что мне с тобой таким делать? Да уж, умеет Стас место и время выбрать, ничего не скажешь. И что теперь? Переубеждать тебя бесполезно, я сам не знаю, чего я тут распинаюсь. Не первый день знакомы. Ты что решил, то и сделаешь. А мне без тебя не жить. Не для пафоса говорю, а так оно и есть. Только вот иногда сам бы пришиб!

Эрика осторожно отодвинула ветку. Владислав сидел, уронив голову на руки, Макс стоял рядом, сжав кулаки и словно на самом деле собираясь ударить. Внезапно с противоположной стороны высунулся Вадим и объявил:

- А вот и не подеретесь!

- А вот и подеремся! – мрачно ответил Макс. – Потому что очень хочется кое-кому голову открутить!

- Попробуй, – усмехнулся Владислав, поднимаясь на ноги. – В прошлый раз тебе это, помнится, не удалось.

- А и попробую! – Макс по-прежнему хмурился, но уже больше для вида – Вадим умел разрядить обстановку. – А может, начнем с некоторых любителей подслушивать?

- Да вас слышно на весь лес! Я, правда, ничего не понял. И вообще, я хромой, я в противники не гожусь, – Вадим сложил руки над головой, словно прячась «в домик» при игре в салки. – Пойду, что ли, остальных позову, а то поединок века пропустят!

- Сами придем, – Владислав уже улыбался. Хотя минуту назад весь его вид говорил: если Макс и вправду замахнется, он и не подумает защищаться. Но сейчас он вновь вернулся в свою стихию. И, кажется, ставки стоило делать отнюдь не на Макса...

Когда они вернулись на берег, остальные уже сидели с предвкушающим видом под большой сосной. Вадим занял «первый ряд» и галантным жестом пригласил Эрику присоединиться. Владислав показал ему кулак, на что Вадим опять «спрятался в домике». Впрочем, до него уже не было дела. Клетчатая рубашка полетела на траву, секунду спустя к ней присоединилась футболка Макса. Разуться Владислав успел еще раньше, Макс остался в кроссовках. Эрика в который раз удивилась, насколько эти двое могут быть похожи. Одинаковая поза, одинаковый выжидающий взгляд, даже волосы в хвост они завязывали абсолютно синхронно. И сложением Макс, пожалуй, не уступал своему противнику, хотя и был ниже ростом. Но все же его движения и весь облик были чуть мягче, тогда как Владислав, с его старыми шрамами и с вечными браслетами на руках, походил на картинку из книги про викингов или еще каких варваров, и даже вполне современные джинсы образу не мешали. Макс применял свои навыки только на тренировках, Владислав – сражался. Но сейчас именно Макс был настроен драться и атаковать, в то время как Владислав стоял как будто бы расслабленно, чуть улыбаясь и даже убрав руки за спину, но тем не менее он каким-то образом каждый раз уворачивался и оказывался на шаг в стороне.

- Ты драться собираешься или так и будем кругами ходить? – не выдержал Макс.

- Так я не против, это ты по мне все никак попасть не можешь, – отозвался Владислав.

- Нет, я тебе точно голову откручу! – и снова атака провалилась в пустоту. Теперь Владислав встал в боевую стойку, внимательно следя за движениями Макса. Несколько раз он пропустил удар, но по-прежнему не подпускал Макса слишком близко.

- Эх, народец нынче хилый! Драться с этими людьми...⁸ – пропел он две строчки из старой песни.

- Нет, вы на него посмотрите, он еще и поет! – возмутился Макс. – Издеваешься, да?

Вместо ответа Владислав запел дальше:

⁸ Стихи Юрия Энтина.

- Мне помериться бы силой, мне помериться бы силой... – и неожиданно оказался совсем рядом с Максом. Поворот, рывок – и Макс шлепнулся в прошлогоднюю хвою под финальное: – ...с чертом, черт меня возьми!

Вадим заплодировал. Владислав картинно раскланялся, но тут же сам едва не очутился на земле – Макс мгновенно вскочил на ноги и жаждал реванша. Кружение по поляне кончилось, друзья-противники сошлись вплотную, и удары посыпались без перерыва, хотя и приходились в основном по воздуху. Пока что перевес был на стороне Владислава – Макс так и не сумел сбить его с ног, зато сам еще трижды улетел в ту же кучу хвои. На четвертый раз Игорь не выдержал:

- Так, это уже избиение! Макс, держись, я иду!

- Ритм-секция объединилась, – засмеялся Вадим. – Эх, я бы сейчас к Владиславу, только какой из меня помощник...

Но Владислав, похоже, в помощи не нуждался. Игорь попытался было подкрасться сзади в момент атаки Макса, Владислав быстро развернулся, и теперь уже басист сидел на земле, потирая плечо и морщась.

- Не умеешь ты, Индрик, падать, – наставительно заметил Владислав. – Смотри, как надо! – в очередной раз сбитый с ног Макс, действительно, падать умел.

- А самому показать не судьба? – Макс злился уже только для вида. Владислав широко улыбнулся:

- Сможешь меня свалить – покажу.

Макс быстро что-то зашептал Игорю, тот рассмеялся и кивнул. Но в чем бы ни состоял их заговор, от двоих Владислав отбивался с тем же успехом, что и от одного Макса. Он даже опять запел:

- На опасных поворотах трудно нам, как на войне...

- Стас, давай! – быстро шепнул Слава.

- И, быть может, скоро кто-то, и, быть может, скоро кто-то...

Закончить куплет Владиславу уже не дали. Один раз он сумел увернуться, еще два или три раза отбросил противников, но в конце концов его сбили с ног. Впрочем, по земле покатались все пятеро. Теперь на поляне творилась полнейшая куча-мала, Эрика даже не пыталась разглядеть, где там кто. Наконец из центра послышался голос Владислава:

- Все, сдаюсь, пустите руки!

Куча-мала распалась. Владислав сел, со смехом отряхиваясь от хвои и листьев. Эрика жестом предложила помочь, он только махнул рукой. Рядом отряхивался Макс, которому досталось еще больше. Они посмотрели друг на друга и заулыбались. Теперь уже невозможно было представить, что совсем недавно эти двое едва не передрались всерьез.

- А все-таки ты поддался, – сказал Макс. Владислав театрально развел руками:

- Вы меня свалили вчетвером – и это называется «поддался»? Я понимаю, что вы обо мне хорошего мнения, но всему же есть пределы!

Но в тот же момент он посерьезнел и добавил:

- Хотя против вас я никогда не стал бы драться в полную силу.

Владислав спустился к озеру и долго умывался. Пожалуй, дольше, чем реально было нужно, чтобы смыть песок и хвою... Потом опустил на одно колено и молча смотрел на воду, пока Вадим не окликнул:

- Эй, герои, идите обедать! И так чуть не пригорело, пока на вас любовался!

Эрика не очень любила фасоль, но Вадим действительно приготовил нечто необыкновенное. А может, лесной воздух и походная обстановка сделали свое дело. Как бы то ни было, большой кан пустел на глазах. Когда дело дошло до чая, тот же Вадим прошелся по окрестностям поляны, вернулся с пригоршней листьев и отправил их в кипяток вместе с заваркой. «Колдовское зелье!» – хитро прищурился он на вопрос о рецепте. «Я тебя научу», – подмигнул Эрике Владислав.

Остаток дня прошел спокойно и лениво. Пили чай, валялись на траве, решали, кто с кем ночует, и неспешно раскладывали вещи, а в основном просто болтали обо всем на свете. Вадим рассказывал про байк-фест, на который он недавно ездил, Игорь отчаянно завидовал и просил научить водить мотоцикл. Слава сказал, что у него придумалась мелодия, и отобрал у Стаса гитару. Владислав задумчиво остругивал ножом какую-то ветку. «Это, часом, не осина? Кого гонять собрался?» – поинтересовался Стас. «А мало ли», – усмехнулся Владислав в ответ, но взгляд остался серьезным.

Эрика легла на траву и стала смотреть в небо. Солнце стояло еще высоко, но свет уже был неярким, вечерним. Это вызывало странное чувство – она была почти уверена, что именно этим вечером что-то произойдет, и одновременно опасалась и ждала этого «чего-то». «Я и так слишком долго тянул», – сказал Владислав, и сейчас Эрика понимала его. Так или иначе, это закончится, но чем? Лучше было не думать.

Владислав тронул ее за плечо. Она вздрогнула и села.

- Пойдем, – тихо сказал он. – Ты сейчас нужна.

Они отошли на берег озера, к самой воде. Там остальные не могли их увидеть. Двумя быстрыми движениями Владислав снял свои браслеты – чуть закусив губу, словно это причиняло боль – и протянул Эрике:

- Храни.

Эрика кивнула, осторожно взяла браслеты и убрала их в поясную сумку. Она завороченно смотрела на руки Владислава – казалось, на запястьях должен был отпечататься витой рисунок от этих браслетов, ставших почти частью его самого. Нет, ничего – только чуть более светлая полоска кожи. Владислав ненадолго замер, сцепив пальцы и низко опустив голову, потом взглянул Эрике в глаза:

- Прости. Мне не хочется так поступать и с тобой тоже, но выбора у меня нет.

- О чем ты? – Владислав не ответил. Это был уже не тот, кто шутил про космических пиратов и устроил кучу-малу на поляне. Мягкие бесшумные движения, отрешенный взгляд – словно вместе с браслетами он сбросил свою обычную сущность. Или маскировку?

- Дальше я сам, – и голос был отстраненным, незнакомым. – Ты... увидишь все, что нужно. И еще раз – прости.

Слава дремал, прислонив гитару к дереву рядом с собой. Владислав завладел инструментом, пробежал пальцами по струнам, проверяя настройку.

- «Ты просей туманы ситом, ты рассыпь туманом тени...»⁹ – тихо проговорил он и так же тихо начал играть. Эрика узнала ту самую песню, которую Владислав больше не собирался исполнять со сцены, но без русского речитатива – только по-фински. Длинные волосы скрывали его лицо, и Эрика

⁹ Цитата из «Калевалы».

понимала, что так и надо. Он уже не здесь, она не дотянется до него, даже если захочет... Но от перебирающих струны пальцев она не могла отвести взгляд. Не без труда она заставила себя отвлечься и посмотреть на остальных. Слава все так же дремал – только в первые секунды он повернулся к Владиславу, но тут же снова закрыл глаза и откинулся на удобный изгиб ствола. Игорь, похоже, тоже спал, остальные, как и Эрика, просто молча слушали. Голос Владислава звучал очень тихо, но отчетливо. Если бы Эрика знала финский, она могла бы разобрать каждое слово. Но ей и так казалось, что еще немного – и она все поймет. А ведь Владислав обещал научить ее финскому... А еще выбирать травы для чая... Конечно, все это еще будет, как же иначе?

- А я думал, ты эти свои браслеты вообще не снимаешь, – вдруг сказал Вадим. От его голоса Макс вздрогнул, словно просыпаясь, но Владислав успел раньше. Он вскинул голову – Эрика поразились, какой злостью на мгновение сверкнули его глаза – и резко ударил по струнам. Вадим отшатнулся, невольно заслоняясь рукой, хотя коснуться его Владислав никак не мог. Эрике и самой было не по себе. Теперь она поняла, за что Владислав заранее просил прощения. Но говорить ничего не стала – он все равно не услышал бы ее. Сейчас он был не ближе, чем в ее видениях во время концерта. Мотив изменился, вместо прежнего тихого перебора гитара зазвучала хищно и зло, хотя голос вел как будто бы ту же мелодию. И снова эти пальцы на струнах, и взгляд в никуда, а вечерняя дымка постепенно сгущается – или это только показалось? Эрика прикрыла глаза, а когда снова посмотрела перед собой – под деревом стояла только гитара, аккуратно возвращенная на прежнее место. Владислава нигде не было.

- Черт, – тихо проговорил Макс. – Черт, черт, черт.

Он сел, запустив пальцы в волосы. Рядом ошарашенно вертел головой Вадим. Собственно, только они с Эрикой и заметили, что Владислава нет. Слава так и спал под деревом, только уже не прислонившись к стволу, а скатившись на траву рядом, Стас растянулся у костра, Игорь и вовсе исчез в палатке Вадима, судя по стоящим перед ней кедам.

- Черт, – опять сказал Макс.

- Ты чертей уже на целый шабаш набрал, – криво усмехнулся Вадим. – Может быть, мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит и почему я не помню половину вечера? Вроде крепче чая ничего не пил и ничего неподобающего в этот чай не клал!

- Эрика... – Макс смотрел почти умоляюще. – Я не могу.

Он снова уронил голову на руки. Эрика вздохнула и повернулась к Вадиму:

- Тогда в баре мы с тобой не успели договорить. Ты спрашивал, не могу ли я объяснить, что происходит. Ну ладно, попробую. Тексты «Ветробоя» ты, наверное, помнишь. И в курсе, что пишет их только Владислав.

- Ну да, – озадаченно кивнул Вадим.

- Так вот, можешь сейчас скопом записывать нас в ненормальные, но тот же «Последний бой» основан на реальных событиях. И мы сейчас ровно на том месте, где Владислав тогда сцепился с... некой сущностью. Это не зверь, как ты предполагал, это похуже.

- Эта группа меня с ума сведет, – пробормотал Вадим как будто сам себе, но тут же резко вскочил: – Так что же – это он опять к этой... сущности полез? А мы тут сидим?

- Мы тут не поможем, – одновременно ответили Эрика и Макс. Удивленно переглянулись, и Макс продолжил: – В тот раз я пытался его искать. Без толку

проблуждал по лесу, хотя явно был почти рядом – утром он пришел сам, в каком он был состоянии – ты сам знаешь, много пройти он бы просто не смог. Я уж не говорю о том, что он в лесу как дома. Тут даже мне до него далеко. Сейчас если кто и может его найти, то только Эрика.

Эрика покачала головой:

- Я его не чувствую, – и, видя отчаянный взгляд Макса, добавила: – Ты же понимаешь. Я слышала ваш разговор. Мы действительно ничего не сделаем. С него еще и станется от нас закрыться.

- Пусть так, – Макс сжал кулаки. – Но сидеть и ждать я тем более не могу. Хотя бы точно знать...

- Согласен, – сказал Вадим. – Может, мы еще после всего пригодимся. Хотя, честно скажу, сам не знаю, как. Но раз уж именно нас срубило не так надолго, как остальных, наверное, это зачем-то надо.

- Возможно, ты и прав, – кивнула Эрика. – Ладно, попробую. Но учтите, вам придется меня вести, в сумерках я очень плохо вижу.

- Да хоть на руках нести! – воскликнул Макс. – А что, я могу. Я же ударник, я сильный.

- Верю, но до такого, надеюсь, не дойдет, – засмеялась Эрика. – Просто подстрахуйте.

Эрика огляделась по сторонам, словно ища что-нибудь, что могло бы подсказать направление. В сумерках – до конца так и не стемнело – смутно белел раскрытый блокнот. Когда Владислав успел оставить послание? Или это было раньше? Не похоже на него... Почему-то Эрика была уверена, что это его блокнот, еще до того, как увидела знакомый почерк.

- «Эта ночь – не ночь, и закат – не закат, перламутром разливаются сумерки»... – нет, наверное, это вообще что-то из старого, такие ночи бывают не в Москве, а в Петрозаводске, откуда Владислав родом. Но так было проще думать о нем, и Эрика продолжала читать:

- «Здесь ни света, ни теней, ни луны, ни звезд – две зари друг с другом встречаются...». Ни луны, ни звезд... – повторила она и вдруг тряхнула головой: – Я знаю, куда идти.

Макс и Вадим молча встали рядом с ней. Остальные так и не проснулись, и Эрика откуда-то знала, что они проспят еще долго. Она оперлась на руку Макса и пошла.

То ли ночь была такой же светлой, как та, о которой писал Владислав, то ли уже близилось утро, но вопреки опасениям Эрики совсем уж вслепую двигаться не пришлось. Здесь некому было протоптать тропинки, и все же корней, пней и веток на пути не попадалось, лишь иногда Макс отводил в сторону низко нависшие кусты. А Эрика все отчетливее понимала, что идет точно тем же путем, которым шел Владислав в том видении на концерте. До сих пор она думала, что мало что запомнила – но сейчас эта картина вставала перед ней шаг за шагом. В буквальном смысле. Вот Макс пригнулся, чтобы не задеть за ветку – Эрика помнила, что Владислав этого сделать не успел, ведь он гораздо выше ростом. А Вадим все-таки споткнулся о какой-то корень – его Владислав тогда заметил и обошел. Но ощущение его присутствия, которое, оказывается, уже успело стать привычным, не возвращалось.

Они нашли Владислава дальше по берегу озера, у самой воды. В сумерках его силуэт почти слился с тенью от упавшего дерева, у корней которого он сидел – а точнее, полулежал, обессиленно запрокинув голову. Левая рука в крови от

нескольких глубоких порезов, других ран не было. Нож Владислава валялся рядом, там же, где выпал из разжавшихся пальцев. Глаза открыты, и в невидящем взгляде застыл бездонный лед.

- Зачем... так... – хрипло проговорил Макс, подавшись вперед.

- Да погоди ты, может, жив еще, – Вадим старался говорить уверенно, но и его голос срывался. Он шагнул к Владиславу.

- Стоять.

Эрика подняла руку в запрещающем жесте, и двое рослых парней (Макс называл себя мелким исключительно в сравнении с остальной группой) остановились, словно натолкнувшись на стену. Хотя в какой-то степени это и было так – Эрика ощущала, что стоит на границе, за которую нельзя даже ей. «Не подходи ко мне и не подпускай наших, пока не убедишься, что это действительно я». Неловкая поза, неподвижный взгляд, даже не понять, дышит ли... Владислав сказал правду – здесь его действительно не было. Когда он вернется и сможет ли вернуться вообще – Эрика не знала. Но зато она знала, что подходить нельзя. И это не концерт, где, несмотря на прямой запрет, можно было рискнуть. Даже попробуй она что-то сделать – просто не дотянется.

Безвольно упавшая рука шевельнулась, повернувшись ладонью вверх. Эрика поняла этот жест. Она подошла, вынула два серебряных браслета из поясной сумки и положила ему на ладонь. Помочь их надеть Владислав не дал, едва заметно отстранив ее руку. Все так же глядя в никуда, он сам защелкнул браслеты. Глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Эрика сжала кулаки. Неужели все-таки опоздали?.. Но она уже и сама понимала – нет. Владислав был без сознания, но все же он сумел вернуться, хотя и на пределе сил. Макс, похоже, тоже это понял – во всяком случае, в его взгляде больше не было этого отчаянного выражения. Вадим в очередной раз пробормотал, что все сговорились его с ума свести, но с места не сдвинулся. А Эрика почувствовала, что границы больше нет. И, как тогда в примерке, села рядом с Владиславом и чуть коснулась его руки.

- Эрика... – проговорил он едва слышно. И, как тогда, Эрика ответила:

- Я здесь.

- Родная... – он с неожиданной силой прижал ее к груди.

И тут Эрика впервые разрыдалась. Она не плакала, когда помогала Владиславу прийти в себя после концертов, когда он принял решение вернуться сюда, когда исчез из лагеря, даже здесь она до последнего оставалась спокойной – но сейчас слезы хлынули сами собой. Ее словно разом накрыло осознание всего, что произошло за их недолгое знакомство. И теперь она плакала, не в силах остановиться, а Владислав гладил ее волосы и только повторял: «Ну что ты, видишь же, я жив...». Наконец Эрика немного успокоилась, положила голову Владиславу на плечо и замерла. Они были вместе, и больше ей не было нужно ничего.

- Хм, – Вадим, как всегда, был в своем репертуаре. – Господа, я понимаю, что вам тут очень хорошо, но в лагере, по-моему, ничуть не хуже. Костер, опять же, спальники мягкие... а?

- Извини. Идем, – улыбнулся Владислав и впервые огляделся вокруг. – Макс? Все-таки пришел...

- «Все-таки»?! – взорвался Макс. – Ты правда думал, что я буду сидеть и гадать, в каком виде на этот раз мне тебя тащить обратно? Ты меня за кого принимаешь? Вот так бы и врезал сейчас, если б ты на ногах мог стоять!

- А я и могу, – Владислав рывком поднялся, но тут же был вынужден ухватиться за вывернутый корень. Макс махнул рукой:

- Безднадежен. Я не знаю, что на этот раз ты помнишь, но когда мы тебя нашли, я думал, поседею раньше времени!

- Тебе не страшно, заметно не будет, – съязвил Вадим, кивнув на светлые волосы Макса. Тот показал кулак. – И все-таки, если второй поединок века отменяется, может, попробуем добраться до наших?

- Ключевое слово «попробуем», – проворчал Макс.

- Я могу идти, правда, – Владислав отпустил корень и вполне уверенно прошел несколько шагов, отделявшие его от Макса. И после небольшой паузы очень серьезно проговорил: – На самом деле, спасибо тебе. И... прости.

- Ладно уж... – Макс все еще напускал на себя недовольный вид, но его глаза сияли. Дружья обнялись – впрочем, Владислав скорее оперся на плечи Макса. Вадим заметил это и встал рядом, готовый поддержать. Владислав улыбнулся:

- Сдаюсь, сдаюсь. Все равно же не отстанете.

- Не дождешься, – сказал Вадим. Владислав лишь коротко склонил голову.

Они вернулись в лагерь, когда уже совсем рассвело. Часть пути Владислав все же прошел сам, но в конце концов сдался и позволил вести себя под руки. Эрику он снова мягко отстранил со словами «Меня тогда вообще совесть замучает». Она и сама не настаивала.

Так они и вышли на поляну. Стас, Слава и Игорь, похоже, только что проснулись – впрочем, со Стаса весь сон слетел мгновенно, он подскочил к Владиславу:

- Что с тобой? Ты цел? Черт... – он увидел кровь на руке Владислава. – Да скажи ты уже что-нибудь!

- Все хорошо, – улыбнулся Владислав, выпрямляясь. – Мне просто нужно отдохнуть. И принесите кто-нибудь воды, а то я на ногах не удержусь, если к озеру полезу.

- Ну и какую нечисть ты на этот раз гонял? – Стас говорил с усмешкой, но внезапно осекся, поймав взгляд Макса. – Это что... как ты рассказывал?

Макс и Владислав переглянулись и одновременно почти что рухнули на траву, давась беззвучным смехом. Владислав с трудом выговорил «и года не прошло...».

- А ты что, до сих пор не верил? – теперь уже Вадим ошарашенно смотрел на гитариста. – Ну ладно я, простой фанат, мне в такие дебри лезть не положено, хотя кто бы меня спрашивал, но ты ж это все играл – и не знал, что здесь к чему?

- Как тебе сказать... – Стас в задумчивости почесал в затылке. – Что Владислав живет не совсем в нашей реальности – это сразу было понятно. Ну, в конце концов, рок-музыканту положено. Шрамы его я видел – трудно было бы не видеть, в общих чертах историю знал давно, а осенью, спасибо Эрике, Макс и подробно все рассказал. Но вы ж меня поймите, я человек городской, да и от мистических материй довольно далек. Так что не то чтобы я не верил, но, скажем так, думал, что это отчасти... метафорически, что ли...

- И поэтому ты даты концертов подбирал так, чтобы все «мистические материи» точно наружу вылезли? – подал голос Владислав. – Да и с этим выездом лучшего дня нельзя было придумать!

Теперь на землю сполз и Вадим, повторяя «эта группа меня с ума сведет!». Эрика невольно улыбнулась, вспомнив, как совсем недавно он сам просил разъяснений. Стас только махнул рукой и пошел за водой для Владислава.

Когда он вернулся, Владислав уже расположился под тем же деревом, где сидел ночью. И даже успел снова завладеть гитарой. Макс подозрительно покосился на него, но ничего не сказал. Зато Стас озабоченно спросил:

- Ты уверен?

- Да. Рассказать о том, что сегодня произошло, могу только я... и только так.

- Но слушай, ты же на ногах не стоишь, я же знаю, чего это тебе стоит...

Эрика ожидала вспышки ярости, как в ту ночь, когда Стас уже пытался помешать вокалисту играть – но Владислав лишь улыбнулся:

- Стас, я по-прежнему не собираюсь сдыхать на сцене или в ее окрестностях, не беспокойся. Я имел дело с вещами посерьезнее, чем перерасход сил на репетиции.

- Ага, чтоб я тебя со сцены на себе не утаскивал...

- Больше не придется, – Владислав улыбался, хотя взгляд оставался ледяным. – Во всяком случае, я сделал для этого все.

Стас посмотрел скептически, но настаивать не стал. Владислав действительно изменился, хотя Эрика и не смогла бы сказать, в чем именно. Чуть точнее и мягче движения, чуть спокойнее голос, чуть пристальнее взгляд... «Сейчас я осознаю себя полностью», – сказал как-то Владислав незадолго до концерта. Получается, что тогда это было только изредка? Ведь Эрика и сама порой с трудом верила, что Владислав, каким он был на сцене, в ее видениях и просто в жизни – один и тот же человек. А сейчас она смотрела, как он настраивает гитару, и понимала: «Он помнит».

- Я не могу вам рассказать так же, как Макс, – негромко проговорил Владислав. – Так уж получилось, что о некоторой части моей жизни мне проще петь, чем говорить. Если на то пошло, именно поэтому я и стал вокалистом. Хотя до недавнего времени смотрел на собственные тексты и не мог понять, откуда что взялось. Теперь – понимаю. Да, Стас, я очень много пишу о самом себе. Но иначе просто не умею.

Последние слова он произнес, уже начиная тихо перебирать струны. Мотив сначала напоминал балладу о Белом Волке, но вскоре ушел в сторону. Владислав запел – и больше не было полянки на берегу озера, палаток и костра. Были карельские валуны, те самые, которые Эрика видела на фотографиях, и жилистый беловолосый подросток, так похожий и непохожий на нынешнего Владислава. Он сидит у камня высотой почти в свой рост и задумчиво ведет по нему рукой. И, словно в ответ на прикосновение, от камня отделяется силуэт зверя – огромного, с белоснежной шерстью. Подросток кивает, как будто именно этого он давно ждал. Волк кладет морду ему на плечо, и начинается долгий разговор без слов.

Небо темнеет. Подросток стоит рядом с камнем один, сжимая тот же нож, что сейчас висел у Владислава на поясе. Резко полоснув себя по руке, он снова касается камня и коротко склоняет голову – разговор завершен, и завершен так, как надо.

Карельские валуны сменились лесами Подмосковья, подросток стал выше и шире в плечах, светлые волосы отросли почти до лопаток. Неизменным осталось одно – раз за разом он уходит в лес один, и белый зверь заводит с ним

безмолвную беседу. Подросток – уже юноша – хмурится, зло закусывает губу, сжимает кулаки, а потом кладет руку на нож и исчезает среди вечерних теней.

Владислав многое видел во время своих походов. Обычные с виду озера и болотца могли оказаться местом, где граница миров, о которой он говорил на концерте, подошла слишком близко. Иногда было достаточно запрещающего жеста или прикосновения лапы зверя – он сам не мог бы сказать, кто из них двоих сделал это. Но чаще граница была не пуста. И это означало, что будет бой.

Несколько раз повторилась одна и та же картина: неясный силуэт, возникающий из теней, угрожающий жест, взмах клинка – а затем светловолосый юноша возвращается в палатку и засыпает, и где-то рядом довольно ворчит белый зверь. Они снова справились вдвоем, а скоро его ученику хватит сил сражаться и в одиночку. Только нужно, чтобы он стал немного старше. Еще рано.

К сожалению, два юных оккультиста, наделенные силой, но не умением с ней обращаться, не стали ждать подходящего момента. Кое-как надерганный из несовместимых традиций и просто фантазий ритуал прорвал границу, и даже Белый Волк не сумел вовремя вмешаться. Владислав оказался с тварью один на один.

На долю секунды вернувшись в реальность, Эрика услышала потрясенный возглас Стаса – конечно, ведь он, получается, никогда этого не видел... Впрочем, на сей раз Владислав избавил своих слушателей от подробностей этого боя. Лишь несколько быстрых видений – разорвавшаяся ночная темнота, прыжок белого зверя, белокурый юноша без сознания на траве... И вот уже сегодняшний Владислав стоит на сцене, зажимая плечо, словно рана нанесена только что – а где-то рядом ночной бой все еще продолжается.

Только этой ночью, когда лес наиболее силен, юноша и волк встали плечом к плечу и сумели покончить с тварью и с разрывом границы. Дорогой ценой – Владиславу понадобились все его силы, хотя он и не дрался так, как в прошлый раз. Там, по ту сторону, нет форм и нет имен, клинок там бесполезен, и Владислав до последнего не знал, сумеет ли вернуться назад. Единственное, на что его хватило, когда тварь окончательно растворилась в том, из чего пришла – позвать по имени Эрику.

Мелодия оборвалась. Именно оборвалась, а не закончилась – гитара выпала у Владислава из рук. Слава осторожно забрал инструмент, тронул Владислава за плечо – тот не ответил.

- Ну и что я говорил... – начал было Стас. Его голос звучал чуть хрипло – похоже, он сам еще не до конца пришел в себя от увиденного.

- А я говорил, что сдыхать не собираюсь, – отозвался Владислав, поднимая голову. Попытаться встать, впрочем, не стал. – Особенно если кто-нибудь найдет мою флягу.

- Ну вот, все как всегда, – рассмеялся Слава. – А то я уже начинал думать, не подменили ли тебя, очень уж спокойный стал. Нет, наш Князь Серебряный все еще с нами, и нам его все так же периодически спасать.

- Меня зовут Владислав, – тихо, но твердо проговорил вокалист. – И никак иначе.

- Тогда и я Игорь и никак иначе, – внезапно подал голос басист. И, смутившись, добавил: – От тебя не обидно, но правда, сколько можно уже? Уж если так хочется что-нибудь с моим именем сделать, давайте я Ингваром, что ли, буду.

- А что, мне нравится, – вставил Вадим.

- Интересно, а я тогда во что превращусь? – задумался Слава.
- Я переведу, не беспокойся, – заверил его Владислав.

Обратно в город группа собралась только на следующий день. Игорь опять поехал пассажиром у Вадима, остальные разместились в «Форде». «Но жизнь скучна, когда нет сражений и побед...»¹⁰ – сообщила магнитола, и Владислав обнял Эрику.

Первого сентября группа «Ветробой» презентовала свой дебютный альбом. По поводу его названия Владислав и Стас традиционно едва не передрались – гитарист настаивал на варианте «Дорога в солнце», вокалисту больше нравился «Белый Волк». Может быть, Владислав действительно стал уравновешеннее, но, когда речь шла о делах группы, он по-прежнему мог быть весьма вспыльчив. В итоге победил Стас, зато волк попал на обложку.

На предложение смотреть концерт из-за столика на правах почетного гостя Эрика только фыркнула. Как, впрочем, и Вадим, почти переставший хромать. Когда ему об этом сказали, он парировал: «Да с вашими развлечениями про оторванную голову и то забудешь!». В общем, теперь они оба ждали начала в первом ряду, по центру сцены. Вадим закрывал своей широкой спиной Ольгу – месяц назад Эрика их познакомила, и решение, кажется, было правильным.

- А я тебя помню, – раздался голос откуда-то сзади. Эрика обернулась – это были братья-байкеры, стоявшие рядом с ней на первом концерте «Ветробоя». – Только не помню, как тебя звать. Это же тебя тогда на сцену вытащили?

- Ага, меня. Эрика я. И вас я тоже помню, ты Саня, а ты Дима, так?

Братья успели дружно кивнуть, и тут свет в зале погас. Музыканты, стараясь двигаться предельно бесшумно, заняли свои места на сцене. И, одновременно с яркой вспышкой света, вихрем обрушились первые ноты.

- We ri-i-i-i-ide!¹¹

Зал изумленно замер – еще бы, до самого концерта группа хранила партизанское молчание и не выдавала свои планы. А Эрика чуть улыбнулась, вспомнив, как случайно подсказала Владиславу идею этого кавера. Впрочем, как именно все будет – не знала даже она. В следующую секунду Владислав вылетел на сцену и даже успел раскланяться с залом, прежде чем начать куплет:

- Ride through the valley in thunder and rain,
The battle is raging, redeem this domain,
The castle of Eden lies silent above,
Darkness surrounds us, away we must go!¹²

Песню, конечно же, узнали, и зал подхватил: «I look through the eyes of the world, I see there's a stranger among us...»¹³. Как и тогда на смотровой, Владислав почти неотличимо подражал отрывистому выговору Канса, хотя обычно – Эрика это знала – говорил и пел по-английски очень чисто. Светлые волосы растрепались, глаза сияют, сжатый кулак отбивает ритм: «Come across to the

¹⁰ Стихи Маргариты Пушкиной.

¹¹ Мы скачем!

¹² Скачи сквозь долину среди грома и дождя, // Битва свирепствует, возврати это владение, // Замок Эдем в безмолвии раскинулся наверху, // Тьма окружает нас, прочь нам пора! Песня группы HammerFall.

¹³ Я смотрю в глаза мира, я вижу – среди нас есть чужак...

promised land, close your eyes, I will take your hand...»¹⁴. На последних словах Владислав коротко стиснул ладонь Эрики. Разумеется, к нему тут же протянулся еще с десяток рук, исключительно девчачьих. Он с улыбкой ответил на рукопожатие, и тут же его лицо вновь посерьезнело:

- Above the glory we'll carry on,
Now the time has come to return back home.
The setting sun illuminates the dead,
On the battlefield it's shining red.¹⁵

Освещение на сцене залило его фигуру алым. Кто-то в первом ряду, пытавшийся фотографировать, тихо выругался. Что же до Эрики, она просто любовалась моментом. Ольга тронула ее за руку, привлекая внимание, и молча подняла большой палец вверх. А Владислав перешел к тому куплету, который пел на смотровой:

- Silent lies Eden on top of the moor,
We're fighting with honor protecting our Lord.
The last one survivor lies bleeding, I kneel,
Into his heart I settle the steel.¹⁶

И, как тогда, короткое движение правой руки – словно тот самый последний удар. Это свет так причудливо отразился от одного из браслетов или взаправду сверкнул отблеск клинка?.. Но Владислав уже снова улыбается и протягивает руку с микрофоном вперед, и зал (вместе со Стасом) завершает песню за него.

- Отлично, классику здесь все знают, – с довольным видом кивнул Владислав, когда стихли радостные возгласы. – Но, к сожалению, сегодня здесь играет все-таки не HammerFall, а всего лишь группа «Ветробой».

- Вы круче! – крикнул Вадим. Владислав церемонно раскланялся:

- Спасибо за комплимент, хотя он абсолютно незаслуженный. Так вот, это группа «Ветробой», и недавно каким-то чудом мы наконец выпустили альбом. И даже никого не поубивали в процессе... или почти никого, – смех в зале. – А называется наш альбом...

- «Дорога в солнце»! – это снова Вадим.

- Нечестно, ты знал, – подмигнул Владислав. – Но альбом действительно называется именно так, и следующая песня – тоже.

На первом куплете Владислав просто выставил микрофон в зал – первые ряды знали весь текст. И только со второго вступил сам, показав одобрительный жест. Так же, в переключке с залом, группа сыграла еще три песни. Вадим, на правах «особо избранного фаната», пытался подпевать даже строчки на норвежском, перевирая все, что можно. Затем на сцене вновь появилась хорошо знакомая Эрике черно-красная гитара, а группа демонстративно уселась на постамент ударной установки. Владислав устроился на табуретке, принесенной техниками, и начал балладу о Белом Волке. Над залом традиционно возникли огоньки зажигалок, первые ряды взялись за руки и принялись покачиваться в такт мелодии. Эрика не стала исключением, но всю песню она пристально

¹⁴ Иди в обетованную землю, закрой глаза, я возьму тебя за руку...

¹⁵ Превыше славы мы продолжим путь, // Теперь настало время вернуться домой, // Заходящее солнце озаряет мертвых, // На поле битвы оно сияет алым.

¹⁶ В безмолвии лежит Эдем над пустошью, // Мы сражаемся с честью, защищая нашего повелителя. // Последний выживший лежит в крови, я преклоняю колена, // В его сердце я направляю сталь.

смотрела на Владислава. Зимой именно на этой балладе все началось... Нет, взгляд голубых глаз был отрешенным, но не застывшим, и Владислав не избегал смотреть в зал – просто сосредоточился на своей непривычной роли, все-таки он не так часто играет на гитаре на сцене. Все хорошо.

Баллада закончилась, но остальные музыканты не спешили возвращаться на места. Владислав обернулся к ним, хитро прищурившись:

- Я не понял! Кто следующую песню играть будет?

- Ты, – хором ответили Стас и Слава. В зале засмеялись.

- Нет, вы это видели? – театрально возмутился Владислав. – Мало того что бросаю меня на произвол судьбы, так еще и на две баллады подряд! Вам публику не жалко? Да что я спрашиваю, видимо, не жалко. Простите, – это уже залу, – выбора вам не оставили. «Час настал».

Это оказалось сюрпризом даже для Эрики. Конечно, дома Владислав не раз и не два играл эту песню на акустической гитаре, но что сольная версия будет исполняться со сцены – никогда не говорил. Эрика мельком взглянула на Ольгу – та тихо подпевала и, судя по движениям пальцев, прикидывала, как сыграть это на флейте. Владислав закончил песню и с демонстративным вздохом облегчения вернул гитару на стойку, а табуретку пинком отправил в сторону Стаса, который сделал вид, что едва увернулся. Зал веселился, группа тоже. Но, когда Владислав снова взялся за микрофон, улыбки на его лице уже не было.

- Ладно, развлеклись и хватит. Дальше мы играем все вместе, и баллад уже не будет. А то опять все на меня свалят. Что там у нас по плану?

- «Последний бой»! – выкрикнул кто-то из зала. Как бы не тот же самый юноша, который просил эту песню зимой. Ну зачем опять, неужели они не понимают... А Владислав лишь переспросил:

- «Последний бой»? Вообще мы ее ближе к концу хотели играть, песня-то такая... обычно после нее меня мало на что хватает... А, неважно, глядишь, доживу до конца. Играем? – он быстро оглядел группу, успокаивающе кивнул Макс и махнул рукой: – Играем!

На секунду он низко опустил голову, так что волосы полностью скрыли лицо, а когда снова взглянул в зал – Эрика невольно поежилась. За это мгновение жизнерадостный вокалист рок-группы вновь стал тем воином леса, который три года назад вышел на этот бой. Крепко сжатые кулаки, ледяной взгляд, голос звучит чуть хрипло, но уже на первых строках куплета набирает прежнюю силу. И снова зал и сцена растворились в лесных тенях, и снова на словах «только боль от ран до сих пор жива...» Владислав сжимает плечо слишком знакомым жестом... Эрика подалась навстречу, даже протянула открытые ладони, готовясь, если надо, опять поделиться силой – но тут же почувствовала, что в этом нет необходимости. Больше не было черной тени рядом, и не было того давнего боя – лишь на мгновение мелькнул силуэт белоснежного хищника. Эрике даже показалось, что волк удовлетворенно кивнул, прежде чем слиться с сумерками. А Владислав раскинул руки, тряхнул головой, убирая пряди с лица, и начал следующий куплет:

- Я захлебнусь от дикой свободы, боль позабыв, не чувствуя раны – мне еще хватит сил для удара – и упаду на рассветный берег...

Он действительно чуть пошатнулся и опустил на одно колено, опираясь на монитор свободной от микрофона рукой. Лица не видно, голос понизился почти до шепота: «Знаю, в эту ночь я шагнул за край». Рука соскользнула, и Владислав неловко завалился набок.

Эрика видела, что Макс с трудом удерживается, чтобы не вскочить. Неужели?.. Но уже через мгновение Владислав легко вскочил на ноги и с торжествующим видом отсалютовал «козой». Макс погрозил другу кулаком и запустил в него измочаленной барабанной палочкой. Владислав поймал ее и перекинул в зал. Его лицо сияло.

Концерт продолжался. Ничего не изменилось – тот же бешеный темп знакомых песен, та же улыбка Владислава и его шутки с залом, и когда он делал небольшие паузы, чтобы перевести дыхание – было видно, что это просто усталость музыканта, выложившегося на непривычно большой программе. Тем более после перерыва. Но и эта программа подходила к концу – из-за кулис показался администратор клуба, делающий выразительные жесты. Владислав знаком ответил ему, что осталась одна песня, и повернулся к залу:

- Ну вот, нас начинают выгонять со сцены.

- Еще! Мало!

- Люди, имейте совесть, мы никогда так долго не играли! И так вон на ногах не держусь. Зато, между прочим, сейчас мы сыграем совершенно новую песню, она даже в альбом не вошла, – он сделал паузу, пока не утихли возгласы в зале. – Вы погодите радоваться, может, вам еще и не понравится! Хотя... не буду скромничать, мне самому эта песня нравится. Каждый уважающий себя рокер должен написать песню о свободе, ведь так? – зал выразил полную солидарность. – Ну вот и я написал. А называется она «Это просто свобода».

На последних словах Макс уже негромко повел ритм, вскоре подключился Игорь (после выезда в лес почти окончательно переименованный в Ингвара), за ним вступили обе гитары. Владислав присел на монитор и, обводя взглядом первые ряды, словно обращаясь к каждому по очереди, запел:

- Может быть, надоело все,
Может быть, ты устал от всех,
Но погаснет в небе закат,
И дорога вновь позовет.
Ты бросаешь машину сквозь ночь,
И в ответ запоет асфальт.
До отказа вдавив педаль,
Улыбнешься, сжимая руль...

Он встал во весь рост, глубоко вдохнул, и голос взлетел над залом уже в полную силу:

- Это просто свобода!

Как по заказу, именно в этот момент вечно полумертвая вентиляция клуба решила ожить. Внезапный поток прохладного воздуха чуть освежил зал и растрепал длинные волосы Владислава. Тот улыбнулся и продолжил:

- А бывает – дороги нет,
Ведь сюда не проложен путь,
Только волны и скалы здесь
В поединке навеки сошлись.
Ты один на краю земли,
Ветер вторит песне твоей,
Среди вечной ярости волн
Ты со смехом встречаешь шквал...

И снова в полную силу, едва ли не на пределе возможностей голоса:

- Это просто свобода...

Это просто сердце рвется наружу,
Это просто вдаль уходит дорога,
Это просто ветер зовет с собою.
Это просто свобода...

На соло Владислав, вопреки своему обыкновению, просто сел на краю сцены, небрежно облокотившись на монитор. Эрика невольно выдохнула – у него действительно хватило сил на весь концерт без ее помощи. Вадим тут же сделал вид, что хочет стащить вокалиста в зал, на что Владислав жестом показал, что с ним после этого будет. Разумеется, вокруг тут же столпились желающие получить автограф или просто пожать руку. Владислав ответил на рукопожатия, до кого дотянулся, и еще успел хитро подмигнуть Эрике. Она улыбнулась в ответ и сказала «Вы круты!», Владислав благодарно кивнул, хотя ее слова он мог разве что прочесть по губам. Подписал он всего пару буклетов, остальных аккуратным, но решительным движением отстранил и вернулся к микрофону:

- Или просто наступит ночь,
И умолкнет шум городской,
И негромкий шепот земли,
Как всегда, к себе позовет.
Ты пройдешь неслышно, как зверь,
Пропадешь средь ночных теней,
Позабудешь, кто ты такой,
До утра не вернешься назад...

На припеве Владислав просто выставил микрофон в зал – короткий текст там уже запомнили. Последнюю строку он спел сам и жестом потребовал тишины.

- А перед тем, как мы закончим, я хочу представить тех, кто вышел сегодня на эту сцену. Я часто об этом забываю, надеюсь, на меня не держат за это зла. Итак... Станислав Аретинский, основатель всего этого безобразия – гитара!

Стас, выйдя вперед, эффектным движением поставил гитару вертикально и сыграл короткий быстрый пассаж.

- Вячеслав Воронцов – гитара!

Слава точно воспроизвел мелодию Стаса и получил свою долю восторгов.

- Игорь Андреев – бас-гитара!

Ингвар изобразил какой-то сложный ритм и выставил инструмент в зал, чтобы желающие тоже могли извлечь звук.

- Максим Янкус, друг и брат – ударные!

Макс раскланялся из-за установки, повторил ритм за басистом и запустил в зал еще пару палочек. К микрофону шагнул Стас:

- Владислав Белов – вокал!

Общий восторг зала. Но Владислав снова потребовал внимания:

- Это еще не все. Я также хочу представить вам человека, который, строго говоря, не принадлежит к группе «Ветробой», но без него – без нее – этого концерта бы не было. Потому что не было бы меня самого. Она сейчас в зале, – по жесту Владислава свет упал на первый ряд, – но я прошу ее подняться на сцену. А впрочем...

И, так же как почти год назад, Владислав опустился на одно колено и подхватил Эрику на руки. Выждал несколько секунд, поставил ее на сцену рядом с собой и обнял за плечи.

- Эрика... – едва уловимая заминка, – Белова!

Эрика, всю сознательную жизнь носившая фамилию Левитская, ткнула его локтем в бок:

- Ты опять все за меня решил?

- А ты против? – в который раз парировал Владислав.

Возразить было нечего. И светловолосый вокалист с исполосованным шрамами плечом вскинул голову и торжествующе улыбнулся.

22.12.2005 – 20.04.2015